

СВЯТЫЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ, МОЛИ БГ҃А О НАС

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

ЖИТИЕ

ПОДВИГИ, ЧУДЕСА

СЯГОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

КЛУБЕТ
МОСКВА
2006

*По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
архиепископа Тернопольского
и Кременецкого*

Житие и подвиги святого благоверного князя
Александра Невского. — М.: «Ковчег», 2006. — 528 с,

ISBN 5-98317-073-2

Набор, верстка, оформление
«Новая книга», «Ковчег», 2005

Оглавление

Предисловие.....	5
Глава I.....	15
Глава II.....	31
Глава III.....	71
Глава IV.....	98
Глава V.....	125
Глава VI.....	138
Глава VII.....	161
Глава VIII.....	195
Глава IX.....	206
Глава X.....	234
Глава XI.....	268
Глава XII.....	301
Глава XIII.....	317
Глава XIV.....	336
Глава XV.....	363

Глава XVI.....		390
Глава	XVII.....	425
Глава	XVIII.....	439
Глава	XIX.....	459
Глава XX.....		480
Глава	XXI.....	497

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждого народа есть заветные имена, которые никогда не забываются, напротив — чем дальше развивается историческая жизнь народа, тем ярче, светлее становится в памяти потомства нравственный облик тех деятелей, которые, отдав все силы на служение своему народу, успели оказать ему существенные услуги. Такие деятели становятся излюбленными народными героями, составляют его национальную славу, их подвиги прославляются в позднейших сказаниях и песнях. Это — как бы звезды на историческом горизонте, освещающие весь дальнейший исторический путь народа. Еще выше значение тех деятелей,

жизнь которых озаряется ореолом святости, которые умели совершать дело служения своему народу в угождение Богу. Тогда они становятся Ангелами хранителями своего народа, представителями за него пред Богом, к ним в тяжелые годы обращается народ с молитвою о помощи, их небесной защите приписывает счастливые события и случаи избавления от разных бедствий.

Но чем выше значение священной личности в истории и памяти народной, тем труднее для позднейшего жизнеописателя воспроизвести ее светлый образ. Чтобы объяснить тайну того благоговения, той горячей любви, которыми народ наградил своих избранников, необходимо своим рассказом произвести на своих читателей приблизительно такое же впечатление, какое производил сам исторический деятель на своих современников; необходимо рассказать жизнь народного подвижника и героя так, чтобы в сердцах отдаленных потомков вспыхнула искра любви к нему, оду-

шевлявшей его современников. Но ведь это — задача почти неисполнимая по своей трудности. «Горе тебе, бедный человек! — восклицает современник-очевидец, приступая к описанию кончины святого Александра Невского. — Как опишешь ты кончину господина своего? Как не выпадут у тебя зеницы вместе со слезами? Как от тоски не разорвется у тебя сердце? Человек может оставить отца, а доброго господина нельзя оставить, с ним бы и в гроб лег, если б можно было!» Так выражали свою любовь современники.

Задача жизнеописателя несколько облегчается, если о жизни великого и святого человека сохранились богатые исторические свидетельства. Но, к великому сожалению, в рассказе о святом Александре Невском нам приходится довольствоваться скудными историческими известиями. Летописные известия о лицах и событиях XIII и XIV веков кратки, отрывочны, сухи. «Тяжек становится для историка его труд в XIII и XIV веках, когда он остается с одною,

Северною летописью; появление грамот, число которых все более и более увеличивается, дает ему новый богатый материал, но все не восполняет того, о чем молчат летописи, а летописи молчат о самом главном — о причинах событий, не дают видеть связи явлений. Нет более живой драматической формы рассказа, к какой историк привык в южной летописи; в северной летописи действующие лица действуют молча; воюют, мирятся: ни они сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча. Конечно, здесь выражается характер эпохи, характер целого народонаселения, которого действующие лица являются представителями. Летописец не мог выдумывать речей, которых он не слышал; но, с другой стороны, нельзя не заметить, что сам летописец нераз-

говорчив, ибо в его характере также отражается характер эпохи, характер целого народонаселения» (История России Соловьева, т. IV, 371).

С другой стороны, уважение к памяти героя не позволяет пускаться в догадки, предположения, создавать образы и картины для оживления рассказа. Надлежит постоянно помнить строгое предостережение великого московского святителя Филарета: «Не надежно для нас догадками проникнуть в души святых, которые далеко выше нашего созерцания. Надежнее следовать простым сказаниям очевидцев и близких к ним» (Письм. Филарета к архиеп. Филарету черниговск. Приб. к Твор. св. отец, 1864 г., т. 1, 341). Единственное средство сколько-нибудь помочь горю — это самому автору проникнуться глубоким благоговением и любовью к предмету изображения и чутьем сердца угадать то, на что не дают ответа сообщения рассудка. Согретая глубоким искренним чувством речь, коснется сердца читателя — сердце сердцу весть

подает. Но — увы! Мы глубоко сознаем свою немощь в этом отношении сравнительно с жизнеописателями древних времен. Начиная свой рассказ, они своим восторженным духом возносились к высокому идеалу нравственного совершенства в лице угодника, житие которого писали. «Как старинный миниатюрист XIII века, — говорит почтенный исследователь русской старины, — украшая священные рукописи изображениями, хотя и *сведущ был в искусстве*, но от благочестивого умиления, по выражению Данта, трепетала рука его, так и автор жития, приступая к своему благочестивому подвигу, признается, что он, взяв трость и начав ею писать, не раз бросал ее: «Трепетна бо ми десница, яко скверна сущи и недостойна к начинанию повести»; но потом, утешаясь молитвою и находя в ней для себя и нравственную подпору, и творческое вдохновение, принимался писать как бы в поэтическом восторге, весь проникнутый верованием и любовью к

изображаемому им угоднику» (Древнерусская народная литература и искусство Ф. Буслаева, т. II, 239).

Главным источником наших сведений о святом великом князе Александре Невском служит житие его, написанное современником. В кратком отрывочном рассказе «самовидца возраста его» живо отображается глубокое впечатление, произведенное святым князем на современников. Живые черты, которыми современник обрисовывает личность «своего доброго господина», тем более драгоценны для нас, что их, как сказано выше, не встречается в Северной летописи. «О велицем князи нашем Александре Ярославиче, о умном и кротком и смысленном, о храбром, тезоименитом царя Александра Макидоньского, подобнике царю Алевхысу крепкому и храброму, сице бысть повесть о нем, ему же бяше Бог лета приложил по его правде, и угобзи ему Бог дни и чьсти в славу его. О Господе Бозе нашем, аз, худый и грешный и мал осмысленный, покушаюся напи-

сати житие святого великого князя Александра Ярославича, внука великого князя Всеволода. Понеже слышахом от отец своих, и самовидец есмь возраста его, и рад бых исповедал святое и честное житие его славное; но яко же Приточник рече: «В злохитру душу не внидет мудрость; на высоких бо краях есть посреди же стезь стояще, при врат сильных приседить. Аще груб есмь умом, но молитвою Святой Богородицы и поспешением святого великого князя Александра начаток положю». Так начинает современник свое жизнеописание, которое дошло до нас, по словам исследователя древнерусских житий святых, «в свежем, не потертом поздним преданием виде». Начиная писать каждую новую главу, мы внимательно перечитывали жизнеописание современника, стараясь проникнуться тем настроением, которое сказывается в его словах. Не нам судить, насколько это удалось. Мы можем сказать только, что нас ни на минуту не оставляло искреннейшее

желание — «да не будет ми лгати на святаго!».

Да не посетует читатель на то, что в предлагаемом жизнеописании святого Александра Невского он встретит подробное воспроизведение эпохи, событий и всех обстоятельств времени, имеющих то или другое отношение к личности святого князя. То были темные, тяжелые времена! Зато, по выражению поэта, «чем ночь темней — тем звезды ярче!..». «Якоже ароматы, — говорит великий святитель московский, — чем более растираются руками, тем больше издают благоухания, — тако и жития святых: чем более углубляем мы в них свое размышление, тем более открывается святость и слава праведных, а наша польза» (Московск. митроп. Платона слово на день преподобного Сергия, т. V, 26). И если наша книга введет хотя несколько читателя в глубокую древность, в родную заветную старину, даст возможность подышать ее воздухом, если наш рассказ сколько-нибудь оживит в душе читателя светлый образ

святого и великого подвижника земли русской, обновит чувства любви и благоговения к его священной памяти, — мы сочтем себя вполне вознагражденными за труд.

М. Хитрое,
1891 год. 28 ноября

i

Предки святого Александра Невского. — Общая характеристика суздальских князей. — Деды святого Александра — святой Андрей Боголюбский и Всеволод III Большое Гнездо. — Дяди святого Александра — князь Константин и святой Юрий Всеволодовичи. — Отец великого князя. — Ярослав. — Предки святого Александра по матери. — Общая характеристика южнорусских князей. — Прадед святого — Мстислав Ростиславич Храбрый. — Дед. — Мстислав Удалой. — Мать — святого Александра. — Святой Александр — наследник добродетелей своих предков.

В ста двадцати верстах от Москвы и на таком же расстоянии от Ярославля, при упраздненной шоссеиной дороге, среди неровной и довольно болотистой местности, по обоим берегам реки Трубежа, впадающей здесь в озеро Переяславское, расположен небольшой уездный городок Переяславль-Залесский.

Первый устроитель Суздальской земли прадед святого Александра Невского — князь Юрий Владимирович Долгорукий, в 1152 году основал этот город среди глухих дремучих лесов и назвал его Переяславлем в память Переяславля-Южнорусского. Подобно другим древним русским городам, в нем и теперь еще много церквей и четыре монастыря. Некогда это был знаменитый стольный город удельного княжества. Отец святого Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович, был удельным князем переяславским и жил в своем уделе, когда родился у него сын Александр. Но прежде, чем говорить о первых годах жизни Александра Ярославича, познакомимся с его ближайшими предками.

Ближайшие предки святого Александра жили в знаменательную эпоху, наложившую на них резкий отпечаток. То была эпоха возвышения Ростово-Суздальской земли, когда заметно начали выясняться новые начала общественного развития русского народа.

Русь, видимо, уходила все далее и далее в глубь северо-востока, чтобы там, вдали от всяких иноземных влияний, выработать крепкие, устойчивые основы быта — драгоценный залог будущего мощного развития. Характер населения значительно видоизменяется: образуется племя великорусское, заметно отличающееся по своему складу, по своим свойствам от других славянских племен, ранее упоминавшихся в истории Русской земли. Вместе с тем и деятельность князей Ростово-Суздальской земли носит характер, чуждый идеалу южнорусских князей. Суздальские князья отличаются трезвым, практическим взглядом, строгим расчетом, искусством организации, «наряда», — они полагают начало единовластию на Руси в противоположность той разногласице и нескончаемым междоусобицам, которые причинили так много горя Русской земле в так называемый киевский период. В связи с этим стремлением в их деятельности замечается пренебрежение старыми родовыми

княжескими отношениями и счетами, намечается борьба с боярством, со старинным вечевым строем и мало-помалу подготавливается возможность государственного объединения Руси. Таков был, например, самый выдающийся из суздальских князей — князь Андрей Юрьевич Боголюбский, родной брат и предшественник на суздальском престоле деда Александра Невского великого князя Всеволода Юрьевича.

«Если вы будете во Владимире, — говорит историк, — ступайте в кремль поклониться этому древнему зданию зодчества в русском царстве (храму Святой Богородицы Золотоверхой — созданию князя Андрея Юрьевича Боголюбского). На правой стороне от северных дверей стоит серебряная гробница, а недалеко от нее висит древний шитый образ во весь рост усопшего. Помолитесь ему и поклонитесь мощам благоверного князя Андрея. Это был самый смысленый князь своего времени, который умел захватить в свои руки власть почти над всею своею братиею,

которого слушались равно: и Киев, и Новгород, и Ростов, и Суздаль, и Владимир, князья смоленские, полоцкие, волынские и прочие. Но не тем он заслужил особливую память в летописях отечества, а вот чем: он обратил средоточие русской государственной тяжести в нашу сторону, он вывел на позорище истории другое племя — великорусское, самое младшее из всех племен здешних, из всех племен славянских, и, второй Рюрик положил основание другому княжеству, которое примет в один из меньших городов своих, заложенный отцом его, все прочие и заключит в себе судьбы отечества».

Не менее был знаменит и вышеупомянутый дед святого Александра великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. При самом начале своего княжения, несмотря на свои молодые годы, он проявил большое мужество и твердость нрава, расчетливость и осторожность — качества, благодаря которым он приобрел огромную силу на Руси. Не торопя событий, без видимых

усилий со своей стороны, умело пользуясь обстоятельствами, он собрал под своей властью почти всю Северную Русь. Про его силу пел древний певец:

Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами людей
И вычерпать Дон многоводный
Шеломами рати твоей.

Являясь великими правителями, ближайшие предки святого Александра отличались глубоким, искренним благочестием, пламенной ревностью к распространению Слова Божия и укоренению его в сердцах современников. Черта глубоко знаменательная! Оценивая эту сторону деятельности суздальских князей, историк говорит: «Христианство, утвердившись в Ростово-Суздальской земле, не раньше XI века, только при Андрее получает, так сказать, полную оседлость в этой земле. При нем открываются мощи святых, покровителей земли, Леонтия и Исая; Владимирская икона Божией Матери, привезенная Андреем с юга, и икона

Боголюбская становятся предметами особого местного почитания, освящают своими чудесами княжескую власть Боголюбского; православие начинает приобретать „земское“ значение, становясь мало-помалу у нарождающегося великорусского племени символом того политического сознания, которое в наше время выражается термином „народность“. Подготавливается то многознаменательное единение Церкви и государства, которое вполне выясняется в позднейший, московский, период русской истории и которое составляет характеристическую особенность истории великорусского племени». В теплых, искренних словах изображает летописец глубоко религиозное настроение души князя Андрея Юрьевича Боголюбского. «Сей благоверный и христоробивый князь Андрей с юных лет возлюбил Христа и Его Пречистую Матерь, очистив свой ум, как светлую палату, и украсив душу всеми добрыми нравами. Он уподобился Соломону, соорудив две великолепные и богатей-

шие церкви — одну в Боголюбове, другую во Владимире... А потом создал и многие другие каменные церкви и многие монастыри: ибо Бог отверз его сердечные очи на весь церковный чин и на церковники. Не омрачил он ума своего пьянством; был кормителем чернцам и черницам, и для всех людей был как бы отцом любвеобильным. Особенно же любил подавать милостыню: каждый день приказывал возить по городу различное брашно и питье и раздавать больным и нищим и, видя всякого нищего, просящего милостыню, подавал ему и говорил в себе: «Не Христос ли это пришел испытать меня?..» По ночам входил он в церковь, сам зажигал свечи и, повергаясь пред иконами Господа и святых Его, с сердцем сокрушенным и смиренным приносил, подобно Давиду, покаяние и плакал о грехах своих». Православная Церковь причислила благоверного князя к лику святых. Живым благочестием отличался также и Всеволод Юрьевич, скончавшийся в 1212 году. По словам летописи,

он «имеяше присно страх Божий в сердце своем, подавая требующим милостыню, суд судя истинен и нелицемерен, необинуяся лица сильных», которые притесняли слабых и сирот, и, подобно брату своему Андрею, «многи церкви созда во власти своей». «Тем, — замечает летописец, — и дарова ему Бог чада добросмысленна, яже и воспита в наказаньи и в разуме совершение, и даже и до мужества». С особенной теплотой отзываются летописи о дяде святого Александра, старшем сыне Всеволода, Константине, хотя он умер очень рано, на тридцать третьем году своей жизни. «Этот блаженный князь возлюбил Бога всею душою и всем желанием; не омрачил он ума своего суетною славою мира сего, но весь свой ум устремлял туда — к жизни вечной, которую и улучил своими милостынями и великим незлобием. Был правдив, щедр, кроток, смирен, всех миловал, всех снабдевал, особенно же любил дивную и славную милостыню и церковное строение, помышляя о том день и

ночь. Весьма заботился он о создании прекрасных Божиих церквей и много их создал в своей области, наделяя святыми иконами, книгами и разными украшениями... Не щадил имения своего, раздавая его требующим, и воистину был, по Иову, оком слепым, ногою хромым, рукою неимущим, всех любя, нагих одевая, усталым доставляя покой, печальных утешая и не огорчая никого ничем. Всех умудрял... беседами: ибо часто читал книги с прилежанием и все творил по Писанию, не воздавая злом за зло... По преставлении его жители Владимира стеклись на его двор и плакали о нем великим плачем...» Глубокая искренность христианского благочестия слышится нам в его прощальном наставлении своим детям: «Возлюбленные чада мои! Будьте между собою в любви, Бога бойтесь всею душою, заповеди Его соблюдайте во всем и восприимите все мои нравы, которые вы видели во мне. Нищих и вдовиц не презирайте, церкви не отлучайтесь, иерейский и монашеский

чин любите, книжного учения слушайте, и Бог мира да будет с вами. Имейте послушание к старейшим вас, которые внушают вам доброе, так как вы еще малолетни. Чувствую, дети мои, что отшествие мое из мира приближается, и вот я поручаю вас Богу и Его Пречистой Матери и брату моему Георгию, который да будет вам вместо меня». Этот князь Георгий Всеволодович, положивший свою жизнь в бою с татарами за родину на берегах Сити, Православную Церковью причтен к лику святых.

С особенной силой выступают характерные черты суздальских князей в лице отца святого Александра — князя Ярослава Всеволодовича. Упорно, настойчиво и смело стремится он к намеченным целям, действуя наперекор установившимся, освященным веками обычаям. Трудно в такие переходные эпохи, как тогдашняя, избежать крутых, подчас жестоких мер... Но отсюда нельзя еще заключить, чтобы печальная необходимость прибегать к крутым

мерам указывала на злой характер правителя. Трудно решить, чья жертва выше: того ли, кто, следуя влечениям своего сердца, охотно жертвует своими интересами, или того, кто, подчиняясь голосу разума, прибегает к суровым мерам, хотя бы в душе и возмущался ими. Князь Ярослав Всеволодович умел жертвовать собою во имя общего блага, умел подавлять свои личные чувства. Первый из русских князей, собрав и утешив, ободлив пораженных ужасом татарского нашествия жителей, покорился он печальной, но неизбежной участи — смиренной покорностью спасти родину от конечного разорения, а под конец жизни совершил трудный подвиг, отправившись в далекую Татарию, где и погиб страдальческой смертью. Лично же, независимо от высших государственных интересов, он был «милостив ко всякому, требующим незвозвратно даяше». А его кончину современники и ближайшие потомки высоко чтили и выражали светлое упование, что Господь «причте его ко

избранному Своему стаду праведных селения».

С другой стороны, по матери своей святой Александр является наследником всех блестящих качеств, отличавших южнорусских князей. Его дед по матери был знаменитый князь Мстислав Мстиславич, прозванный Удатным. Он не преследовал каких-либо новых целей, не давал нового направления ходу событий. В противоположность суздальским князьям, это был героический защитник старины, неустрашимый боец за правду раньше установившихся отношений и взглядов. «Это был, — по словам историка, — лучший человек своего времени, но не переходивший той черты, которую назначил себе дух предшествовавших веков», это был, одним словом, блестящий представитель отживавшей старины. Позволим привести здесь следующее сравнение, которое делает историк между представителями двух эпох — отживающей и грядущей. «Рассматривая с вершины настоящего погребаль-

ное шествие народов к великому кладбищу истории — нельзя не заметить на вождях этого шествия двух особенно резких типов, которые встречаются преимущественно на распутьях народной жизни в так называемые переходные эпохи. Одни отмечены печатью гордой и самонадеянной силы. Эти люди идут смело вперед, не спотыкаясь о развалины прошедшего. Природа одаряет их особенно чутким слухом и зорким глазом, но нередко отказывает им в любви и поэзии. Сердце их не отзывается на грустные звуки былого. Зато за ними право победы, право исторического успеха. Большое право на личное сочувствие историка имеют другие деятели, в лице которых воплощается вся красота и все достоинство отходящего времени. Они лучшие его представители и доблестные защитники» (Грановский). Беззаветное мужество на поле брани, покровительство всем утесненным, рыцарственная прямота в поступках, сердечное отношение к людям и благородная доверчивость чис-

той души, самоотверженное служение родной земле без всяких своекорыстных расчетов — таковы черты, составлявшие древний народный идеал князя. Таков был Мстислав Мстиславич Удатный, скончавшийся схимником, таков же был и его отец, прадед святого Александра по матери, Мстислав Ростиславич Храбрый, причисленный к лику святых. Оба пользовались горячей любовью своих современников. «Он всегда порывался на великие дела, — говорит летописец о Мстиславе Ростиславиче. — И не было земли на Руси, которая бы не хотела его иметь у себя и не любила бы его. И не может вся Русская земля забыть доблести его». Дочь Мстислава Мстиславича Феодосия была матерью святого Александра. Мало сохранилось о ней сведений, но недаром летописи единогласно называют ее святою. Она, как и ее доблестный родитель, перед кончиною приняла иноческий чин и имя Евфросинии.

Сделаем вывод из всего сказанного. Если в характере и деятельности пред-

ков святого Александра по матери мы видим черты блестящей беззаветной храбрости, видим золотые сердца, то в соединении с благоразумием, унаследованным от суздальских предков, в Александре Невском мы увидим в одном лице прекрасное гармоничное соединение разнообразных дарований, увидим цельный могучий характер, прекрасное создание Божие, дар всеблагого Провидения в одну из труднейших годин нашей истории.

II

Рождение святого Александра. — Постриги. — Книжное учение. — Религиозный характер обучения. — Светские науки. — Физическое воспитание. — «...От младых ногтей всякому делу благу научен...» — Посаждение на стол. — Свадьба. — Домашняя жизнь князей. — Влияние среды.

30 мая 1219 года жители Переяславля узнали радостную новость: у князя Ярослава Всеволодовича родился второй сын, названный при святом крещении Александром; но более всех, конечно, обрадованы были родители и, без сомнения, отпраздновали рождение сына светлым пиром. К сожалению, нам мало известны первые годы детства святого Александра, но, несомненно, он воспитывался точно так же, как вообще воспитывались юные княжичи в

Древней Руси. Они отдавались обыкновенно на воспитание кормильцам или дядькам из боярского сословия, которые должны были ходить за ними и оберегать их. Впоследствии упоминаются в качестве воспитателей Александра и старшего брата его Феодора боярин Феодор Данилович и судья Иоаким. По третьему или по четвертому году справлялись постриги. Обряд пострижения в Древней Руси имел важное значение и в кругу семейном, и в быту гражданском. Он вытекал из понятий и взглядов наших предков на мужчину, как на главу семьи, на его обязанности и отношения к обществу как самостоятельного члена этого общества. Пострижение было как бы символом признания прав личности за постригаемым; с момента пострижения он становился мужем, гражданином. Поэтому его брали от женщин-нянек и отдавали под присмотр мужчин. Православная Церковь освятила древний обряд, сообщив ему христианский характер. На пострижение стали смот-

реть, как на посвящение дитяти Богу, как на выражение преданности воле Божией, и его остриженные волосы были как бы первую жертвою, приносимую Богу непосредственно от самого постригаемого. Обряд происходил обыкновенно в храме. Отрока ставили пред царскими воротами. Сыновья князей постригались обыкновенно епископом, который произносил молитву, призывая на постригаемого благословение Божие. После совершения обряда отрока сажали на коня. Это означало его будущую самостоятельность. В руки давали оружие, обыкновенно лук со стрелами, — это указывало на обязанность князя защищать родину от внешних врагов. Затем следовала веселая пирушка, светлое семейное торжество, на которое приглашались родственники. Родители одаривали гостей дорогими подарками, конями, золотыми и серебряными сосудами, одеждами и тому подобным.

С молодых лет князей учили грамоте. Наши князья высоко ставили обра-

зование. Потомки Ярослава Мудрого подражали его ревности к распространению книжного учения. Суздальские князья не менее других, если не более, заботились о просвещении. Про дядю Александра, Константина Всеволодовича, рассказывается, что он часто и прилежно читал книги и всех умудрял духовными беседами. У него было богатое собрание книг как греческих, так и русских. Он сам писал и усердно собирал сведения о подвигах древних славных князей. И наверное, не раз начавшим свое обучение княжичам приходилось слышать от своих родителей наставления Мономаха: «Его же не умеючи, а тому ся учите... Лениость бо всему мати: еже умеет, то забудет, а его же не умеет, тому ся не учит; добре же творяще, не мозите ся ленити ни на что же доброе». Наставниками, конечно, были лица духовные, да и самое обучение, имея, главным образом, целью ознакомление с истинами христианской веры, было проникнуто духом христианского благочестия. «Родители святым книгам

научиша его», — говорится в жизнеописании святого Александра. По сохранившимся памятникам того времени мы можем хорошо представить себе, какие уроки и наставления преподавались тогда юношам.

«Ведай, княже, что душа наша создана дуновением Божиим и по образу Божию. В ней три силы; разум выше других: им-то мы отличаемся от животных; им познаем небо и прочия творения; им восходим к уразумению Самого Бога... Таково правильное употребление разума! Но есть и неправильное: разумен и денница — ангел, ныне — диавол, но, низвратив свой разум, возмечтав быть равным Богу, пал с чином своим...»

«Вторая сила — чувство, выражается в ревности по Боге и в неприязни к врагам Божиим. При неправильном же употреблении обнаруживается злобою, завистью. И вот Каин убил брата своего Авеля...»

«Третья сила — воля: при добром направлении ея человек стремится к Богу,

не думая о всем прочем, ждет от Него просвещения и наслаждается веселием в самых злостраданиях ради Бога».

«Милые дети, не надейтесь на себя, и в употреблении всех сил и даров ваших душевных и телесных взирайте на пример Христа, святых апостолов и святых отцов, которые за Христа страдали во все дни своей жизни. А слушания остерегайтесь, чтобы не погибнуть, как погиб первозданный Адам чрез Еву, приведенную в непослушание Богу. Любовь имейте ко всем, со всеми пребывайте в мире, как Христос весь мир возлюбил, без выбора, и подал нам совершенный образец в Себе. Ибо пришел Он, Господь милостивый, с небес и родился в вертепе от Девы — для нас; жил с человеками и принял крещение, не имея греха; светло преобразился для нашего уверения; был связан и затворен в темнице, внушая нам не унывать в таком же несчастии; был распят на кресте — все для того, чтобы наше спасение устроить; возлег во гробе не за Свои грехи; воскрес,

чтоб нас извести на свет; вознесся на небеса, чтобы и нам, по апостолу, быть восхищенными в сретение Его. Все сие сотворил Он премудро, с любовью и уверенностью, что Своим примером нас приведет ко спасению, и для того, чтобы нас избавить от муки в будущем веке».

При обучении старались юношу ознакомить с книгами Священного Писания, главным образом, с Евангелием и Псалтирью, которая надолго сделалась особенно любимой книгою для русского народа. Чтение книг Священного Писания, без сомнения, сопровождалось необходимыми объяснениями, вроде следующего:

«Читай, княже мой, читай третий псалом первого часа: Милость и суд воспою Тебе, Господи, и проч. В нем верное изображение, каков должен быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чем говорится в этом псалме, он просветит еще более умные очи твои, отвратит от них всякую суету, освятит твой слух, очистит серд[^]

це, исправит стопы, предохранит ноги твои от поползновения... И воссияет тебе свет, сияющий праведникам, на много лет останешься неосужденным и неповинным, а потом от царства дольного вознесешься в горнее».

Эти простые, душевные наставления глубоко западали в сердце. Книги Священного Писания оставались неразлучными спутниками на всю жизнь, к ним прибегали, ища вразумления, в трудных обстоятельствах жизни.

Можно вообразить, с каким вниманием относился юный Александр к словам наставников! С ранних лет он отличался глубоким религиозным настроением и живым чувством долга. Всякое дело, всякую свою обязанность он старался исполнить вполне добросовестно, «преподобие и праведне» и «яко верный раб благоуготови себе во благих угодити Господу своему». Серьезный не по летам характер его не позволял ему предаваться пустым забавам. Любимым его занятием кроме чтения священных книг, было пение церковных песнопений. Без

сомнения, с ранних же лет святой Александр приучал себя к посту и воздержанию, чем укреплялись и его физические силы. Благодетельные упражнения согревались молитвенным настроением духа, чему способствовали частые посещения храма, и местные святые Переяславля и Новгорода ему были хорошо известны. Говорить ли о том, что юный князь, душа которого с детства согрета была любовью к Богу, в тишине ночной имел обыкновение повергаться пред иконами Христа и Его Пречистой Матери и изливать свою душу в горячей молитве?!

Кроме книг Священного Писания, известны были в то время и святоотеческие творения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина и других. Наши предки особенно любили Златоустого. В общем употреблении были и жития святых, переведенные, вероятно, с греческого языка, поучения русских пастырей и тому подобных.

Не были в пренебрежении и светские знания. Юные князья обучались иностранным языкам, преимущественно латинскому и греческому. Знание языков, по словам Мономаха, давало почет от иностранцев. Для знакомства с событиями всемирной истории служили «книги Бытийския, рекомья Палея» — обозрение событий от сотворения мира до христианства и до гибели «жидовства». Но с особенным усердием юных князей знакомили с событиями родной старины. Для этой цели служили наши летописи. И нет никакого сомнения в том, что святой Александр «вскоры извыче вся граматикия», потому что, как свидетельствует жизнеописатель, «потщанно бе ему от отеческих ни в чесом же остати».

Наряду с книжным обучением, радуется, обращалось большое внимание и на воспитание физическое: для этой цели служили верховая езда, стрельба в цель, военные игры и тому подобные упражнения. Старинная песня поет об этих занятиях:

Кто из вас горазд стрелять из луку
из каленого,
Прострелить бы стрелочка каленая
По тому острою по ножовому,
Чтобы прокатилася стрелочка каленая,
На две стороны весом равна,
И попала бы в колечко серебряное.

Военные игры сменялись ловами. Прекрасны были эти ловы! Лишь только утренняя заря начинала золотить верхушки деревьев, толпа охотников, молодых товарищей-дружинников, собиралась близ княжеского терема. В городе подымался шум, сбежавшая толпа глазела на убранство охотников; к княжескому терему подводили коней. Выходят молодые князья. Они сияют красотой и бодрым, веселым видом. Слуги подают князьям охотничьи копья с железными остриями, «ловчий наряд», другие ведут привязанных за шею собак. Рога трубят, и звуки весело разносятся по воздуху. Князья выезжают из города.

Все общество собирается на опушке леса. Собаки освобождаются от цепей и бросаются в лес отыскивать дичь.

Много водилось в то время на Руси в непроходимых дебрях всякого рода зверей: туров, медведей, волков, кабанов и других. Небезопасны были эти ловы, но здесь же развивались удаль молодецкая, ловкость и присутствие духа. «Вот как я трудился на ловах, — рассказывает про себя Владимир Мономах. — Два тура метали меня на рогах своих с конем, олень бодал, один лось топтал ногами, другой бодал рогами, вепрь сорвал меч с бедра, медведь около колена седло прокусил, лютый зверь вскакивал мне на плечи и повергал на землю и меня, и коня. Но Бог меня сохранил невредимо. С коня я падал много раз, дважды разбивал себе голову, повреждал и руки, и ноги, особенно в юности, когда не дорожил жизнью, не щадил головы своей... Сам я заботился об охотничьем наряде, о конях, о соколах, о ястребах... Дети мои! Не осуждайте меня, так как я не хвалю ни себя, ни своей храбрости; я хвалю Бога и прославляю Его милость, так как Он меня, грешного и недостойного, сохранил от стольких опасностей

и сотворил меня неленивым на все дела, достойные человека».

Без сомнения, юным Феодору и Александру не раз удавалось отличиться на этих охотах. Множество убитой дичи служило наградой охотникам. По-многому убивали «куниц, лисиц».

И диких зверей, черных соболей,
Больших поскакучих заюшек,
Малых горностаюшек.

А и волку, медведю спуску нет».

Солнце садилось; наступала ночь, и нередко усталые охотники ложились отдыхать от дневных трудов в палатках среди зеленого леса. Охота на зверей сменялась соколиного. Запевалась старинная песня:

Вейте сильшка шелковья,
Становите сильшка на темный лес,
На темный лес, на самый верх,
Ловите гусей, лебедей, ясных соколей,
И малую птицу-пташицу.

Предстоит и здесь добыча богатая: белые гоголи, чернеди, сизые орлы, га-

лицы, кречеты, черные вороны, сороки, чайки, соколы, дятлы.

Все это вместе — игры и охоты — должно было укрепить и развить физические силы отрока и приготовить из него будущего защитника родины, доброго страдальца за землю Русскую, каким и явился впоследствии святой Александр, «от юна возраста и от младых ногтей всякому делу благу научен быв».

Выдающимся событием в жизни князей было «посаждение на стол». При отъезде Ярослава Всеволодовича в Киев и при вокняжении Александра Ярославича в Новгороде в 1236 году обряд посажения на стол был совершен в Новгороде у святой Софии. Этот обряд считался необходимым, без него князь не был бы князем. Поэтому в летописях к выражению «вокняжился» обыкновенно прибавляется: «и сел на столе». Благословляя сына своего на княжение в Новгороде, Ярослав Всеволодович, подобно отцу своему, говорил ему: «Крест будет твоим хранителем и

помощником, а меч — твоею грозою! Бог дал тебе старейшинство между братьями, а Новгород Великий — старейшее княжение во всей земле Русской».

Народ новгородский толпами окружает свой знаменитый храм. Обыкновенно царствующий в нем полумрак сменился ярким освещением от множества возжженных свечей. В числе собравшегося во множестве народа благоверный князь Александр возносит теплые молитвы Царю царей. Он высок ростом, строен, прекрасен собой и еще прекраснее в своем молитвенном одушевлении. По красоте наружности его сравнивают с Иосифом Прекрасным, а по силе и величественному виду — с Сампсоном. Его звучный и сильный голос, подобно громогласной трубе, гремел в народе. Но теперь слезы блестят в прекрасных очах и обильно струятся по щекам. Благочестивый князь знает, что все усилия человека, как много даров ни дано ему, не принесут надлежащей пользы без Божия благословения, и теперь, в этот торже-

ственный час, готовясь отдать все свои силы в жертву дорогой земле Русской, он смиренно преклоняет колена и испрашивает Божией помощи. Усердно вместе со своим юным князем молятся и граждане... Слышится стройное пение духовного чина, благовонной волной струится фимиам. Все в этом храме действует на душу и усиливает молитвенное настроение: и воспоминания, связанные с прошлыми судьбами города и Святой Руси, и почивающие нетленно мощи святых. Вот почти у самых южных врат рака с мощами святого князя, строителя храма, Владимира Ярославича. Здесь же покоятся и мать его Анна, первый Новгородский владыка Иоаким, корсунянин, присланный сюда святым Владимиром, Лука Жидята, святой Никита, бывший затворником Киево-Печерской лавры, архиепископы: святой Иоанн и святой Мартирий; здесь и знаменитый прадед Александра святой Мстислав Ростиславич Храбрый... А с вышины, точно с небес, взирает на все собрание

величественный и строгий лик Спасителя.

При возложении руки на главу князя архипастырь вознес молитву Царю царей, чтобы Он «из святого жилища» Своего благословил верного раба Своего Александра, укрепил его «силою свыше», утвердил его «на престоле правды», оградил «вооружеством» Пресвятого Духа и показал его доблестным защитником святой соборной Церкви и сподобил его «небесного Царствия».

Затем весь новгородский народ принес торжественно присягу на верность князю. Все целовали крест и громко, одушевленно воскликнули: «Ты наш князь!» Посаждение совершилось.

Между тем бирючи разъезжали по улицам, «звучи к князю на обед от мала и до велика». Народ толпами шел на двор Ярослава. Там в изобилии приготовлено вино, мед, перевара, всякое кушанье и овощи. Без сомнения, не один день продолжалось светлое пиршество. Князь веселился радостью на-

рода; народ радовался, любуясь и гордясь своим князем.

Через три года, в 1239 году, новгородцам снова пришлось быть свидетелями и участниками семейного торжества по случаю брака своего юного князя.

В 1239 году литовцы, воспользовавшись разорением Русской земли от татар, сделали опустошительный набег на Смоленскую область. Великий князь Ярослав Всеволодович поспешил на освобождение Смоленской земли, победил литовцев и взял в плен их князя; устроил дела в Смоленске и приобрел этим походом великую честь и славу. В то время в тесной связи со Смоленском, если не в полной зависимости, находилось Полоцкое княжество. Таким образом, обороняя Смоленскую землю, Ярослав являлся в то же время защитником и земли Полоцкой. Полоцким князем в то время был Брячислав. Его-то дочь, Александру, Ярослав Всеволодович высватал за своего старшего сына. Мы очень мало имеем

сведений о супруге Александра Ярославича; но есть полное основание утверждать, что это было благословенное супружество. Незадолго до того времени в Полоцке жила и скончалась (23 мая 1173 года) знаменитая полоцкая княжна, преподобная Евфросиния. Она рано постриглась в монахини и в затворе занималась переписыванием книг, а выручаемую плату раздавала бедным. Впоследствии она основала свой монастырь и построила каменный храм Спасителя, сохранившийся до нашего времени и известный в народе под именем Спас-Юрьевичи. До нашего же времени сохранился и драгоценный на престольный крест, устроенный Евфросиниею, с замечательной надписью: «Честное древо безценно есть; а ковань его, злато и серебро и камень, жьнчуг, в сто гривен, а др... сорок гривен». В преклонных летах Евфросиния совершила путешествие ко святым местам в Царьград и Иерусалим, где имела утешение поклониться Живоносному Гробу и поставила над ним лампаду.

Во время этого путешествия она и скончалась. Жизнь и подвиги преподобной, конечно, с детства хорошо были известны невесте Александра Ярославича, находившейся с ней, без сомнения, в родстве. Не раз во время своего детства она посещала храм преподобной и входила в две тесные кельи на хорах. В одной из них жила преподобная и слушала богослужение, а сквозь небольшое, пробитое в стене оконце, любовалась на мир Божий, на открывавшиеся во все стороны обширные поля и на вид города. После Евфросинии остался замечательный образ. Из трех икон, писанных, по преданию, евангелистом Лукою, одна хранилась в Ефесе. Император Мануил по родству с Евфросинией (сестра ее вышла замуж за сына Алексея Комнена) прислал ей эту икону. Отправляясь на брак с Александром Ярославичем, совершение которого назначено было в Торопце, невеста, княжна Александра Брячиславовна, взяла с собою из Полоцка знаменитую икону и поставила

ее в память своего венчания в Торопецкой соборной церкви. Святая икона сохранилась в Торопце до нашего времени и известна под именем Корсунской. Очевидно, юная княжна желала, чтобы на ее брачной жизни пребывало благословение преподобной Евфросинии и Царицы небесной.

О свадьбе Александра Ярославича в Новгородской летописи кратко сказано: «Венчаяся в Торопци, ту кашу чини, а в Новгороде другую». Но мы скажем о ней поподробнее. Русские люди того времени называли свадьбу «вторым земным почетом». «Немного дошло до нас памятников, сохранивших сведения о старых свадьбах русских людей, — говорит описатель старинных русских обычаев. — Но и в этой малости мы видим все величие нашей семейной жизни; и в этих остатках мы узнаем свой родной дух, дух наших предков...» (Сахаров).

К свадьбе созывались издалека князья, родственные и союзные. За невестами отправлялись многочисленные

поезды. Когда все сборы и приготовления оканчивались, начинался самый обряд совершения свадьбы. «Древняя русская свадьба есть целая поэма в действии, состоящая из знаменательных обрядов с присоединением множества разнообразных песен» (Погодин).

Прежде всего молодые готовились к свадьбе говеньем и исповедью, испрашивали благословения у своих родителей.

Не прошу я, батюшка,
Ни злата, ни серебра.
Прошу я, батюшка,
Благословенья твоего.

В день свадьбы собирались все участники торжества: тысяцкий и тысяцкого жена, дружки, свахи, поезжане, бояре и боярыни, конюший, ясельничий, свечники, каравайники, носильщики с ковром, с подножками и так далее, все должностные лица. Бояре уряжали людей и, когда все было готово, извещали жениха, который убирался в палатах. Конюший подводил

резвого аргамака, которого обязан был стеречь во время венчания.

В то же время происходили сборы и наряжание в дорогие уборы невесты. При этом волосы не заплетали в косу, а оставляли распущенными по плечам. Затем невеста и боярыни садились за стол. Перед ними стояли разные должностные лица со свечами, караваем и ширинками в ожидании известия от жениха.

Все были при деле: старший дружка жениха резал сыр и перепечу; старший дружка невесты должен был поднести каравай, а меньший раздавал дары — ширинки, платки и полотенца, выннзанные жемчугом и шитые золотом и шелками. Путь к храму устилался дорогими тканями и коврами, в храме возжигали свечи, а пол устилали хмелем и льном.

По получении известия от жениха к палатам невесты боярин подавал богато убранные сани, и начиналось шествие к храму: свечники, каравайники и другие в дорогих нарядах несли обру-

чальные свечи и святую богоявленную воду. Священники кропили путь святою водою. Особые сторожа наблюдали порядок среди народа и смотрели, чтобы кто-нибудь не перешел дороги.

При входе в церковь молодых осыпали хмелем.

Венчание князей нередко совершалось епископом. После совершения таинства новобрачные, по прекрасному обычаю того времени, причащались святых Тайн.

После венчания, оставив новобрачного в церкви на венчальном месте, свахи отводили молодую в трапезу или на паперть. Здесь с ее головы снимали девичий убор и, разделив волосы надвое, заплетали в две косы, которыми окружали голову. Накрыв голову кокошником, покрывали ее фатой и подводили к новобрачному. На другой день свадьбы косу обрезывали, при слезах и рыдании новобрачной.

Затем следовали поезд от венчания, шествие в палаты и пир, или столование. Свадебный пир назывался княжим

столом. Свадебная комната богато убиралась. Дубовые столы покрывались браными скатертями и устанавливались яствами. Молодым приготавливали место в углу под иконами. Прежде всего новобрачные вкушали каравай, который был символом их брачного союза. На особом столе ставилась перепечка. Она приготавливалась из сдобного хлебного теста в виде конуса, с гранью, похожую на ананасную. Перепечка также заранее приносилась в палату вместе с сыром и солью. Чинно шло честное столование, со строгим соблюдением установленного порядка. В определенное время старший дружка, благословясь у посаженного отца и матери, разрезал перепечку; в свое время большой дружка, обернув сосуд соболями, подавал новобрачным кашу, приготавливавшуюся с особыми обрядами, и так далее. Светлое пиршество продолжалось три дня. Оно сопровождалось музыкой и играми.

Гости разъезжались, получив богатые подарки. За княжнами родители давали

большое приданое, «многое множество без числа злата и серебра». При расставании с дочерью родители проливали слезы, «занеже бе мила има».

Таким-то образом Александр Ярославич «чини кашу» в Торопце, но он повторил свадебные пиршества и по приезде в Новгород «не из любви к пирам, — по справедливому замечанию историка, — а из желания делиться своею радостью с народом. Он хотел, чтобы его домашняя жизнь имела тесную связь с государственною».

«Сии народные угощения, — по справедливому замечанию Карамзина, — обыкновенные в Древней Руси, установленные в начале гражданских обществ и долго поддерживаемые благоразумием государственным, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, как истинный хозяин, потчевал граждан, пил и ел вместе с ними; вельможи, тиуны, воеводы, знаменитые духовные особы смешивались с безчисленными толпами гостей всякого состояния; дух братства

оживлял сердца, питая в них любовь к отечеству и венценосцам».

В Новгороде с молодой супругой Александр Ярославич поселился в обычном местопребывании новгородских князей — в Городище.

Окрестности Великого Новгорода изобилуют водою. По выходе из Ильменя Волхов отделяет от себя рукав Волховец, а близ самой торговой стороны Новгорода — другой рукав Жилотуг, соединяющийся потом с Волховцем. На правом берегу реки между истоками этих рукавов находится возвышение, имеющее около квадратной версты. Здесь мы встречаем теперь простое село, жители которого занимаются рыбной ловлей и разведением овощей, но некогда это было так называемое Городище, или загородный княжеский двор, где большею частию жили князья Великого Новгорода. Князья любили соединять в своих загородных жилищах все удобства для жизни, какие представляло то время; недаром они называли их «раем»,

«красным селом» и тому подобным. Княжеский терем, от которого теперь не осталось никаких следов, со множеством пестрых узорчатых украшений, с позолоченным гребнем и смотревшими в разные стороны коньками на его концах, с резными карнизами представлял весьма красивый вид. Внутри терема особенным убранством отличались сени, или столовая комната, где происходили пиршества. Полы устилались дорогими коврами, а стены расписывались.

«Хорошо теремы изукрашены!» — говорится в старинной песне.

На небе солнце — и в тереме солнце,
На небе месяц — и в тереме месяц,
На небе звезды — и в тереме звезды,
На небе зори — и в тереме зори:
Все в тереме по-небесному.

Но, разумеется, самой священной принадлежностью и лучшим украшением жилища были святые иконы. Посетители при входе и выходе из дома прежде всего обращались к ним и нередко крестились. Члены семейства

усердно молились пред ними и утром и вечером, пред обедом и ужином. Древние русские люди в присутствии святых икон не позволяли себе, под опасением тяжкого греха, чего-либо предосудительного. Иконы у князей богато украшались золотыми и серебряными окладами, жемчугом и драгоценными камнями.

К сеням пристраивалась лестница с крытой площадкой наверху, или крыльцо, также затейливо украшенное красивыми точеными столбиками. К крыльцу вели расчищенные дорожки, усыпанные желтым песком. На дворе, близ терема, можно было увидеть княжеских слуг, конюхов и дворников, коротающих свой досуг за игрою в шашки или бабки. Нередко число таких слуг набиралось до нескольких сот человек. Близ терема располагались хозяйственные постройки, где складывалось всякого рода добро, кладовые, погреба, в которых в изобилии хранились «меды стоялые, питьца медвяные, зелено вино». Скотные дворы и конюшни вмещали

множество добрых коней, крупного и мелкого скота. На дворе стояло по нескольку сот стогов. Обширность построек и всякого рода запасов будет для нас вполне понятна, если вспомним, что при князе неотлучно находилась часть его дружины, так называемые «отроки, детские пасынки», у князя же хранилось оружие и содержались запасы коней для военного времени. Сверх того некоторые князья отличались самой широкой благотворительностью. «Дивная и святая милостыня» недаром считалась наиболее священной обязанностью древнего русского человека.

Наиболее ценное имущество состояло в золотых и серебряных сосудах, мехах, паволоках, дорогом оружии, камнях, жемчуге и тому подобное. Делались большие запасы одежды. Одежда князей состояла из кафтана, спускавшегося немного ниже колен. Кафтаны шились из дорогих привозных тканей разнообразных цветов: синего, зеленого, красного. Сверх кафтана —

корзно, или мантия. На корзно употреблялись самые дорогие ткани, например: оксамит, золотая или серебряная ткань, привозимая из Греции, расшитая шелковыми разводками и узорами. Его застегивали на правом плече запоною. Кафтан перехватывался золотым поясом с четырьмя концами. Атласный воротник, рукава, или «поручи», подол кафтана и края корзна наводились золотом. От шеи до пояса по кафтану иногда шла золотая обшивка с тремя поперечными золотыми полосами. Сапоги носились цветные с острыми носами. На голове шапка с наушниками, называвшаяся клобуком, цветного бархата с соболиною опушкой. На груди носили кресты. Ношение креста на груди скоро на Руси вошло во всеобщий обычай. Святой крест считался крепкой порукой в верности данному слову. Вера в силу креста и надежда на его помощь была столь сильна в русском человеке, что он, вооружившись крестом, безстрашно шел в бой с врагами.

Наши князья вели бодрую, деятельную жизнь. С молодых лет их уже посылали участвовать в походах. О святом Александре также можно сказать, что у него «из млада не бы покоя». В мирное же время день их проходил в следующем порядке: вставали они рано поутру, вместе с рассветом, и прежде всего шли в церковь. Службу слушали по большей части на полатах, в домашних церквях. Некоторые благочестивые князья имели обыкновение приходить в церковь до начала службы и сами возжигали свечи.

«Первое к церкви, — говорит Владимир Мономах, — да не застанет вас солнце в постели... Заутреннюю отдавше Богу хвалу, и потом солнцу восходящу и узревше солнце, и прославити Бога с радостью». Живое религиозное чувство одушевляло князей на молитве, и пример их имел могущественное влияние на народ.

Храмы в Древней Руси имели огромное значение. Они были не только главною святыней города, но и симво-

лами гражданской жизни. «Постоять за святую Софию», как впоследствии в Московском государстве «за дом Пречистыя Богородицы», значило постоять за свою родину, за ее целостность и независимость. Храм в глазах наших предков был живою благодатной силой. Этой силе они приписывали все свои удачи, победы над врагами, избавление от бедствий. Как место, посвященное Богу, храм считался неприкосновенным убежищем: там часто находили себе защиту спасавшиеся от буйства мятежной толпы. Но прежде всего храм был училищем веры и благочестия, главным просветительным и образовательным центром. Красота храма и богослужения имели неотразимую прелесть для наших предков. Поэтому они «вельми болезновали духом, зря подписанием неукрашену церковь». Понятно, что всякое построение и украшение храма было важным событием жизни, в высшей степени занимало всех и каждого — от князя до простолюдина — и соединяло всех в чувстве

радости и умиления. Ко дню освящения все спешили во вновь построенный и украшенный храм и испытывали высокое духовное наслаждение, «видяще превеликое создание церкви и многочудную подпись, воистину мнящиеся яко на небеси стояти». После освящения храма следовал пир, иногда всенародный. Князья одаривали подарками «вся яже от первых и до последних, не токмо ту сушая, но и прилучившаяся тогда». При таком отношении к храму наши князья, естественно, желали видеть храм вблизи своего жилища. Так, в обычном местопребывании новгородских князей, на Городище, было несколько храмов, и между прочими церковь Благовещения, построенная Мстиславом, сыном Мономаха. Там хранилось богато украшенное Евангелие, сохранившееся до нашего времени, — дар благочестивого строителя храма. Без сомнения, этот храм был особенно часто посещаем святым Александром во время его новгородской жизни...

После божественной службы князья завтракали и затем садились думать с дружиною, или творить суд, «людей оправливать». Без сомнения, при этом оправлиании людей Александр Ярославич имел случай проявить свою проницательность и мудрость, которую сравнивали с мудростью Соломона. Он особенно любил правосудие и строго требовал от бояр, чтобы они справедливо судили, не потворствовали сильным и не обижали слабых, чтобы отнюдь не брали неправедной мзды и довольствовались законным вознаграждением. Не одной прекрасной наружностью, не одним именем он напоминал современникам великого македонского героя: юный князь умел держать бояр в повиновении. Кроткий и ласковый в обращении, он невольно внушал уважение к себе своими выдающимися душевными качествами, а непокорных смирял грозой своего гнева и примерного наказания. За отсутствием дел князья развлекались охотой, о чем было уже сказано раньше.

Иногда князей навещали духовные лица. Как самые образованные люди своего времени, пастыри церкви пользовались великим уважением со стороны князей, которые советовались с ними о всех важных делах и ни одного предприятия не начинали без пастырского благословения.

В полдень был обед. Стол был изобильный, подавалось «брашно многое»: тетеря, гуси, жеравие и ряби, голуби, кури, зайци и елени и тому подобное. За столом служили повара и домашняя прислуга. Обыкновенными напитками были квас, мед, вино, олуй (норманский напиток, oel). Сам всегда воздержный, Александр Ярославич был очень радушным хозяином, но все хорошо знали его взгляд на излишество в пище и питии.

Посты соблюдались очень строго.

Послеполуденное время посвящалось отдыху. Это вполне понятно, если вставали до рассвета. «Спанье есть от Бога присужено полудне, — говорит

Мономах, — от чина бо почивает и зверь, и птици, и человеки».

Вечер отдавался, по всей вероятности, заботам о домашних делах по управлению селами, дворами, стадами; принимались и выслушивались счеты и расчеты с тиунами и тому подобное.

День оканчивался ужином. Сну предшествовала молитва. «Ночным поклоном и пением человек побеждает диавола», — замечает Мономах.

Но, чем бы князья ни занимались, мирным ли строением или ратным делом, высшим идеалом истинно христианской жизни они считали иночество. В течение всей жизни их не покидала «мысль на пострижение»; они стремились к отрешению от «многомятежного жития» к «мнишьскому чину». Такой взгляд, несмотря на всю воинственность эпохи, естественно, налагал заметный отпечаток на всю домашнюю повседневную жизнь.

Закончим наш очерк следующим замечанием. Несомненно, самое могуще-

ственное влияние на человека оказывает среда. Христианская вера, вполне отвечавшая мирному характеру русского народа, сделала решительный поворот в умственной и нравственной его жизни. Справедливо сказано, что христианство «не клином врезалось в народное миросозерцание и стало в нем особняком, а привилось к народу после продолжительного процесса переработки народных воззрений, усвоилось народом, сделалось неотъемлемою и, пожалуй, существенною частью его духовной природы». Христианство давало русскому народу ответы на все запросы его совести, определяло все частные случаи жизни христианина и мало-помалу вводило новые начала в глубину семейного и частного быта. Можно сказать, вся жизнь древнего русского общества была проникнута христианским духом. Все, в чем только выражалась умственная жизнь народа — все его думы, убеждения, чаяния и идеалы, — все носило сильный отпечаток новой веры. Летописи, сочине-

ния и письма светских лиц проникнуты религиозным настроением и наполнены текстами Священного Писания. Самые повести, сказки, былины и песни той эпохи носят характер религиозный. Правда, в народной массе еще довольно крепко держались пережитки язычества в виде суеверий разного рода, но это происходило не от сознательного противодействия новым началам: здесь, скорее, сказывалась сила привычки, застарелость традиций. Правда, в действительной жизни еще господствовали часто необузданные страсти и пороки, святые слова очень часто были в разладе с делом. Но ведь «и слова, — по справедливому замечанию историка, — имеют силу, когда беспрестанно повторяются с убеждением в их правде, когда их повторяют и сами князья, и духовенство, и народ». Действительная жизнь далеко не соответствовала высоким требованиям христианства, но в духовной сфере христианское начало царило, безусловно, сообщая удивительную цельность миросозерца-

нию тогдашних людей, и души, особенно восприимчивые, всецело с пламенным усердием отдавали всю свою жизнь на служение христианскому идеалу. Такова была среда, в которой росли и воспитывались русские люди того времени.

III

Пребывание святого Александра в Новгороде до начала самостоятельного княжения. — Владения и политическое устройство Великого Новгорода. — Отношение к суздальским князьям. — Князь Ярослав Всеволодович. — Народные бедствия и волнения в Новгороде. — Торжество Ярослава. — Смерть Феодора Ярославича. — Оставление Александра на княжение в Новгороде. — Удаление князя Ярослава в Киев. — Влияние новгородской жизни на характер Александра.

Не суждено было Александру Ярославичу мирно расти и развивать свои силы под кровом родительским, вдали от тревог и забот житейских. Слишком рано ему пришлось стать лицом к лицу с действительной жизнью и испытать ее суровые уроки. Уже в раннем возрасте он должен был познакомиться со

всеми треволнениями тогдашней вольной новгородской жизни, но зато, с другой стороны, трудно было бы указать какой-нибудь другой город или область, где нашлись бы столь благоприятные условия для образования великих качеств правителя, где можно было бы пройти наилучшую школу политической мудрости, как именно в Новгороде.

Богат и славен был господин Великий Новгород! Широко раскидывался он своими пятью концами по обоим берегам реки Волхова: на левой, Софийской, стороне виднелись зубчатые стены кремля, а за ними, венчаясь крестами, возвышалась соборная церковь Софии Премудрости Божией — главная новгородская святыня, символ новгородской свободы и самостоятельности. На другой стороне стоял заветный двор Ярославов.

Когда-то звучал там свободный
Народный язык вечевой,
Когда созывал новгородцев
На вече, на суд или на бой.

Обширны были владения Новгорода! Ему принадлежала *Новгородская* земля, простиравшаяся на восток до Торжка, на запад до Финского залива, до реки Наровы, Чудского и Псковского озер, до самых границ Ливонской земли, на юг до Великих Лук и на север до Ладожского и Онежского озер. Далее за пределами Новгородской земли простирались новгородские области, занимавшие громадное пространство земель до Ледовитого океана на севере и до Оби в Сибири... Однако не обширное пространство подвластных земель было главным источником силы новгородской: Новгород был самым торговым городом в Древней Руси, чему, конечно, более всего способствовали близость Балтийского моря и удобные водные пути, соединявшие его с внутренними частями России. Большие богатства стекались в Новгород! Но больше всего Великий Новгород гордился и дорожил своей вольностью. Недаром водились там в старину «удалые добрые молодцы», называвшиеся повольника-

ми, неугомонные, буйные головы. Не зная, куда девать свою удаль молодецкую, свою силу богатырскую, они бросались, подобно скандинавским викингам, в дальние и опасные предприятия под руководством отважного и опытного вождя, прославленного песнями за удалые подвиги. И море Варяжское, и берега Студеного моря, и Поволжье были свидетелями их буйства и грабежей, равно как и их безстрашного мужества, сметливости и ловкости. Оживлялись пустыни, в темных дебрях звенел топор, по вековым трупам росли новые поселки, и из конца в конец по краю звонко раздавалась, высоко залетая над глушью лесов и степей, песня Руси молодой, и в песне той — вольный клич лихих борцов, орлиный клеткот, сила бурная, неудержимая... Но куда бы судьба ни занесла повольника, он нигде и никогда не должен был забывать ни Великого Новгорода, ни своего имени христианского: горячая любовь к родине, защита бедных и несчастных, великодушие в отношении

к побежденным составляли главные его доблести. Нагулявшись и натешившись досыта, повольники возвращались домой и приносили свою опытность, свою закаленную в опасностях энергию на службу Великого Новгорода, а иногда и открывали для новгородской торговли новые земли и рынки.

Новгород считал себя государством самостоятельным, не то, что другие уделы земли Русской. Правительство новгородское составлял сам господин Великий Новгород и власти, им избранные. Верховной властью, распорядившейся судьбами города и не признававшей никого выше себя, было вече.

На вече он творил свой суд
И изгонял князей,
На вече избирал владык
И отличал друзей.

Но это же вече очень часто превращалось в бурную сходку, кончавшуюся кровопролитием и грабежами, и только иногда вмешательство новгородского архипастыря, являвшегося в полном

облачении и с крестным ходом, прекращало буйство враждующих сторон.

Тем не менее Новгород никогда не мог обойтись без князя, выбор которого, однако, вполне зависел от самого Новгорода. Навязать князя против воли народа было нельзя, иначе в Новгороде не примут его. Но если князь, избранный и принятый Новгородом, полюбитя ему, сумеет ужиться с новгородскими порядками, он смело мог рассчитывать на верность и преданность граждан. Новгородцы не любили нововведений и, окруженные со всех сторон врагами, хорошо сознавали необходимость княжеской власти. «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами своими вержем!» — говорили они князю, жившему с ними в ладу. Беда была в том, что ужиться-то князю с новгородцами при крайне стеснительных условиях княжеской власти, было очень трудно. Недаром еще древний Святослав говорил новгородцам, просящим у него князя: «Да кто к вам пойдет?» И действительно бывало так,

что в течение ста лет ни один князь не жил в Новгороде более пяти лет... Слишком уж ревниво охраняли новгородцы свою вольность и подчас злоупотребляли ею.

Но вот показалась гроза на востоке!.. Андрей Боголюбский решительно объявил новгородцам: «Ведомо вам буди — хочу искать Новгорода и добром и лихом!» Пришло время новгородцам призадуматься, почуяло их сердце, что настают и для них иные времена. Правда, они не задумались отважно вступить в борьбу с суздальскими князьями и в этой борьбе выказали много энергии, тем не менее, с тех пор суздальское влияние, как какой-то неотразимый рок, начинает тяготеть над новгородцами.

«И оттоле начашася новгородци мясти и вечи часто начаша творити».

Хотя вече составлялось из всех членов новгородской общины как богатых, так и бедных, но в сущности всеми делами и решениями веча орудовали знатные и влиятельные боярские

роды, принадлежавшие к различным враждебным друг другу партиям. Появлялось ли какое-нибудь народное бедствие в Новгороде — и враждебные партии уже спешили воспользоваться возбуждением черни и народным гоним для своих целей. Бедный люд, таким образом, был не более как орудием в руках враждующих между собой боярских родов, которые нередко готовы были жертвовать благом родины, лишь бы добиться торжества над противниками.

В своих стремлениях к установлению единовластия в Русской земле суздальские князья для утверждения своей власти в Новгороде первоначально также старались заручиться поддержкою своей партии. Восставая против их притязаний, противники суздальского влияния возбуждали народ во имя старинных прав и вольностей, во имя свободы и независимости родины, выступая таким образом защитниками отечества против князей, стремившихся будто бы к его порабощению. Только

впоследствии выяснялось все более и более, что бояре, волнуя народ и продавая отечество различным князьям, имеют в виду далеко не благо народа, а преследуют свои эгоистические цели. Под конец боярская аристократия окончательно разошлась с народом, став в резкое противоречие с его кровными интересами и духовными стремлениями. Ясно стало, что князь, желавший прочно и навсегда владеть Новгородом, должен взять под свою защиту весь новгородский народ, обижаемый боярами, в твердой уверенности, что он не пойдет за своими притеснителями. Таков внутренний смысл продолжительной борьбы, начатой с Новгородом суздальскими князьями и окончившейся при Иоанне III...

Особенно замечательны были отношения новгородцев к отцу святого Александра — князю Ярославу Всеволодовичу. Новгородцы несколько раз приглашали и снова прогоняли его от себя вследствие его крутого и самовластного нрава. В 1228 году Ярослав Все-

володович, разгневавшись на новгородцев за их непослушание, удалился в Переяславль, оставив в Новгороде своих несовершеннолетних сыновей Феодора и Александра с их воспитателями. Тотчас по отъезде князя в Новгороде начались беспорядки. В 1228 году в Новгородской земле стояла необыкновенно дождливая осень. С самого Успеньева дня начали лить дожди и продолжались непрерывно до Николина дня. «За все это время мы не видали ни одного светлого дня, — замечает летописец. — Нельзя было ни сенокоса окончить, ни убрать с полей хлеба». Очевидно, Бог прогневался на новгородцев. Нужно было найти виноватых. В то время владыкой в Новгороде был инок Арсений, избранный в архиепископы приверженцами Ярослава Всеволодовича. Враги последнего воспользовались народным возбуждением по случаю небывалого ненастья. Собрались бурное вече. Раздались крики: «Владыка Арсений во всем виноват. Из-за него стоит ненастье. Зачем он непра-

вильно сел на владычном столе, заплативши мзду князю!» Толпа бросилась на владычен двор. Кроткий Арсений едва успел укрыться в храме святой Софии, но его оттуда вытащили, «аки злодея пхающе за ворот». Владыка едва спасся от смерти. Тогда толпа принялась за истребление других приверженцев Ярослава. Весь город поднялся на ноги. Никогда не бывало столь бурного вечера. Ярославовы сторонники решились защищаться до последней крайности. Готовилось ужасное кровопролитие, но, к счастью, под самый Николин день, на 6 декабря, произошло страшное наводнение, сломало Волховский мост и, таким образом, разделило противников, собравшихся с оружием в руках на противоположных сторонах. Восторжествовавшая партия послала сказать князю, что он может приехать в Новгород, но должен отказаться от всех затеянных им новин, должен уважать новгородскую старину и вольности. В противном случае, замечали послы, «ты себе, а мы себе». Но

Ярослав вовсе не был такой князь, который бы легко отказывался от своих стремлений. Среди зимы, в ночь на вторник в сыропустную неделю, новгородцы узнали, что юные княжичи, Феодор и Александр, по приказанию отца покинули Новгород. Это внезапное исчезновение было ответом Ярослава на новгородские требования. Новгородцы поняли, что Ярослав сильно разгневался на них. На следующее же утро собралось вече. «Князь задумал какое-нибудь зло на святую Софию... Мы не гнали князей от себя и самому князю не сделали никакого зла, казнили только свою братью. Пусть судит им в том Бог и честный крест, а мы промыслим себе князя!» — кричали на вече. Такого именно результата и добивались противники суздальского влияния. Решено было послать в Чернигов и звать князя Михаила Всеволодовича. Но последнему недолго пришлось пробыть в Новгороде. После его отъезда снова начались волнения. Борьба партий разгоралась все более и более,

и беспорядкам, казалось, не было конца. Новгородцы решили снова призвать Ярослава Всеволодовича. Очевидно, твердый, строго последовательный образ действий этого князя производил сильное впечатление на новгородцев, которые, как будто сами утомившись от внутренних волнений и мятежей, спешили под защиту сильного князя. Ярослав не замедлил явиться на зов новгородцев и прибыл в Новгород 30 декабря 1230 года. Прожив здесь около двух недель, он вторично оставил своих сыновей Феодора и Александра и удалился в свой Переяславль.

Юным князьям и на этот раз пришлось быть свидетелями ужасных народных бедствий. Глубокое, неизгладимое на всю жизнь впечатление должны были производить на юные души их потрясающие картины посетившего Новгород страшного несчастья. Не дай Бог никому переживать ничего такого! Но подобные испытания, потрясая душу, воспитывают серьезный взгляд на жизнь: жизнь — не веселый празд-

ник, но подвиг... В грозные минуты народных бедствий умолкают себялюбивые стремления, и чужое горе, живо ощущаемое, порождает у благородных натур желание принести себя в жертву, лишь бы облегчить чужие страдания. Не может пройти без важных последствий, когда правителю народа, как святому Александру, приходится так близко ознакомиться с народными бедствиями и так рано заботиться об их облегчении. Здесь-то научился святой Александр быть «сиротам и вдовицам заступником и беспомощных помощником», «не изыде бо из дому его никто же тощ».

Вследствие раннего мороза все озимые посева погибли в Новгородской области, и «оттоле горе уставися велико»: цены на хлеб стали быстро возрастать и дошли до небывалой высоты — по гривне серебра (около фунта) за четверть ржи. На подвоз не было никакой надежды, потому что бедствие постигло на этот раз не один Новгород. По всей земле Русской терпели голод, кро-

ме Киева. Несчастные новгородцы сначала ели мох, липовую и сосновую кору, желуди, ильмовый лист, потом принялись за конину, собак и кошек, но, видно, под конец и этой пищи не хватило. Множество непогребенных трупов умерших от голода людей валялось по улицам. «Что сказать о постигшей нас каре Божией! — восклицает летописец, продолжая свой ужасный рассказ. — Кто не прослезится, видя мертвецов, разбросанных по улицам, и младенцев, которых пожирали псы?!» Голод заглушал, казалось, все человеческие чувства: отцы и матери продавали детей в рабство, только бы добыть хлеба. Брат брату, отец сыну, мать дочери отказывали в куске хлеба. Тупо и бессмысленно смотрели родители на муки умирающих голодною смертью детей своих... «Не бысть милости межи нами, не бяше, туга и печаль, на уличы скорбь друг с другом, дома тска, зряще дети плачуще хлеба, а другая умирающа». Люди обращались в голодных зверей: обезумев от голода и отчаяния, не-

счастливые принялись поедать человеческие трупы, а некоторые доходили до такого неистовства, что нападали на живых людей, резали и пожирали их. Тщетно старались остановить злодеяния ужасными казнями: пойманных и уличенных в зверских злодеяниях жгли огнем, вешали, но голод пересиливал страх смерти. Весь гражданский порядок приходил в разрушение: начались грабежи, поджоги жилищ с целью отыскать какие-нибудь запасы хлеба. Пошла резня... Немудрено, что среди такого крушения всякого порядка в начале 1231 года произошел страшный пожар, обративший в пепел весь Словенский конец. Огненное море распространялось во все стороны и грозило гибелью всему городу из-за вихря, переносившего огонь даже через Волхов. Уцелевшие от голода, становились жертвою пламени или тонули в реке, спасаясь от огня. «Уже бьаше при конци город сей!»

Настала весна. Немцы привезли из-за моря хлеба, муки и жита. Народ

начал оживать и поправляться, но чаша бедствий еще не переполнилась... «Горькая и бедная память» о той весне осталась в народе! Противники князя Ярослава Всеволодовича не дремали и спешили воспользоваться народным горем и нуждою, чтобы снова возбудить народ против князя. Легко можно представить себе, какие возгласы раздавались на вече.

«Князь целовал икону Пресвятой Богородицы на том, что будет княжить по старине, но это оказалось только на словах!.. Зачем он уехал из Новгорода и увез с собою наших лучших мужей? Не старается ли он вконец погубить Великий Новгород? Не он ли произвел у нас голод, захвативши все обозы? Поищем себе другого князя!»

Отправлено было посольство к князю Святославу Трубчевскому. Городу грозило страшное междоусобие. К счастью, Ярослав, вовремя получив об этом известие, поспешно приехал в Новгород, переловил подстрекателей и засадил их под стражу на Городище в

гриднице, но некоторые из мятежников бежали к немцам в Медвежью Голову и начали вместе с заклятыми врагами Новгорода нападать на Новгородские земли, как будто для восполнения пережитых бедствий нужно было присовокупить еще иноземное нашествие.

Что пережили, что почувствовали за все это время в Новгороде юные князья? Как глубоко должна была проникнуть в их сердца жалость к бедному люду, который, только что перенеся невыразимые бедствия, сделался игрушкой в руках своевольных людей, которые ставили свои интересы и честолюбивые стремления выше блага народного? Впоследствии мы увидим, какой глубокий след оставили в душе Александра происки и мятежи, волновавшие Новгород во дни его юности. Отголоском чувств, которые питали в то тяжкое время все добрые граждане, служат безыскусственные рассуждения летописца: «По делам нашим воздал нам Бог, видя наши беззакония, нена-

висть друг к другу, зависть, непокорство и нарушение клятвы!»

Ярослав Всеволодович привел в Новгород свои переяславские полки и вместе с новгородцами весной 1234 года выступил против немцев, разбил их наголову и опустошил их землю. Немцы поклонились Ярославу и заключили с ним такой мир, какой ему хотелось. Летом того же года Ярослав одержал еще славную победу над литовцами, сделавшими набег на Русу. Торжественно после этих побед вступал в Новгород Ярослав Всеволодович. Народ встречал его с великой честью, как защитника Новгородской земли. Преступный союз партии его противников с иноверцами уронил их в глазах всего народа. Каждый честный новгородец считал за лучшее повиноваться русскому князю Ярославу и держаться его стороны, чем дружить с изменниками, которые приводят немцев опустошать родину. Враги Ярослава ничего лучше не могли придумать для полного торжества этого князя, как именно

вступить в союз с немцами. Теперь они оказались врагами святой Софии, а князь Ярослав — защитником свободы и земли Новгородской.

Так после продолжительной и страстной борьбы с суздальскими князьями Новгород, истомленный междоусобиями, голодом, мором, пожарами, пал окончательно и почти сделался простым уделом дома Ярослава. Теперь Ярослав Всеволодович мог распорядиться им по своей воле и отдать своему сыну, а тот — своему и так далее. Можно было в скором времени ожидать и в Новгороде полного торжества княжеской власти над старым вечевым устройством, и только неожиданный и страшный погром монгольский отвлек надолго внимание князей от дел новгородских в другую сторону.

Около года прожил Ярослав Всеволодович в Новгороде и в 1236 году отправился в Киев для занятия киевского престола, оставив княжить в Новгороде сына своего Александра, потому что

старшего его сына Феодора в живых уже не было.

В истории народов нередко приходится встречаться с событиями, в которых нельзя не видеть явного проявления Высшей Воли, направляющей течение их по Своему всеблагому усмотрению. Видно, при тех тяжких испытаниях, которые суждено было пережить русскому народу, во главе его должен был стоять не другой кто-нибудь, не старший брат Феодор, а именно Александр. В 1232 году великий князь Георгий Всеволодович, старший брат Ярослава, посылал в поход против Мордвы своего сына Всеволода. Феодор Ярославич также принял участие в этом походе своего двоюродного брата, вместе с князьями рязанским и муромским. Отсутствие Феодора из Новгорода на этот раз, однако, не было продолжительно: в следующем, 1233 году он уже снова был в Новгороде, где родители готовились отпраздновать его свадьбу. Но вместо светлого брачного пира, предстояло другое... Все приго-

товления к свадьбе были уже сделаны, как жених внезапно скончался 5 июня 1233 года, и был погребен в Юрьеве, в монастыре.

«Еще млад и кто не пожалует сего? Сватба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позвани, и бысть в веселия место плач и сетование, за грехы наша; Господи, слава Тебе, Царю небесный! Извольшу Ти тако...»

Можно представить себе неутешную скорбь родителей и Александра Ярославича! Ярослав Всеволодович не мог оставаться в Новгороде и уехал в Переяславль. Несчастливая мать до самого гроба не могла забыть сердечной раны. Прошло около десяти лет, и она, без сомнения, по собственному выбору нашла себе место вечного покоя в том же монастыре «сторонь сына своего Феодора». Глубоко должно было поразить горестное событие и Александра Ярославича. Среди последних тревожений, без сомнения, не раз приходилось ему отводить душу в братской беседе с Феодором, поверять друг дру-

гу свои думы и чувства. И наверное, в эти горькие минуты приходили ему на память сетования другого брата, также в самое сердце пораженного подобной же утратой: «Увы мне, Господи! Лучше бы мне умереть вместе с братом, чем жить на этом свете! Дорогой брат и друг, уж не видать мне более твоего ангельского лица, не слышать твоих ласковых речей...» Теперь он одиноким должен был оставаться в Новгороде.

Но среди печали и слез о почившем, без сомнения, не раз возникала в голове Александра мысль о предстоящем ему великом служении, и решение его родителя оставить его в более или менее близком будущем самостоятельным князем в Новгородской земле не могло быть для него неожиданностью.

«Ежели безспорно, — говорит историк, — что обстоятельства, сопровождающие нашу жизнь в молодости, имеют большое влияние на образование нашего характера, то несомненно, что Александр Невский твердостью воли, обдуманном и постоянным преследо-

ванием раз принятой цели, уменьем, видимо уступать, выждать время и действовать решительно, когда этого требуют обстоятельства, вполне обязан своей постоянной новгородской жизни в молодости. Здесь Александр по необходимости должен был приучить себя к постоянной осторожности, к неусыпному надзору за своими поступками и к уменью достигать своих целей, не раздражая противников и в то же время не полагая их своеволию. Ибо в Новгороде он жил как бы между двух огней, то есть, завися, с одной стороны, от непреклонной воли отца, постоянно стремившегося развить княжескую власть в вольнолюбивом краю, и с другой — от свободной воли новгородцев, хорошо понимавших виды Ярослава и старавшихся по возможности отстоять свою самостоятельность и народную независимость. Отец требовал безусловного исполнения своих приказаний, явно противных новгородцам, а Новгород хотел, чтобы его князь был в согласии с интересами и волею народа.

Не исполняя отцовских приказаний, Александр лишался его поддержки и не мог жить в Новгороде; исполняя же их, он рисковал не только утратить любовь народа, но даже лишиться свободы или подвергнуться оскорбительному изгнанию, чему примеров так много видел между своими предшественниками. Но Александр умел так хорошо поставить себя и так мудро приноровиться к обстоятельствам, что и отец оставался им доволен, и новгородцы не восставали на его распоряжения.

Нет сомнения, что Александр первые годы своей жизни в Новгороде, будучи еще малолетним, не мог сам управлять народом, и за него правила отцовские бояре, его пестуны, под руководством и при деятельной помощи самого Ярослава; следовательно, все успехи за это время принадлежат собственно Ярославу и его боярам. Но тем не менее в продолжение этих лет незаметно выработывался характер Александра; складывались те черты, которые впоследствии составили то

прекрасное целое, которое доставило Александру уважение современников и славу в дальнем потомстве. Чтобы быть точкою соприкосновения между Новгородом и Ярославом, Александр еще в ранней молодости должен был приобрести внимание новгородцев своею обходительностью с народом, своим умом и своими поступками, которые бы отличали в отроке и юноше будущие доблести мужа; и Александр вполне исполнил это назначение своей молодости; ибо в противном случае новгородцы в продолжение десяти лет двадцать бы раз успели послать к Ярославу с просьбою переменить неугодного князя. Но во все это время Новгород ни разу не выказывал своего неудовольствия против Александра, хотя опека Ярославовых бояр, без сомнения, была не по сердцу вольному народу; следовательно, Александр еще в ранние годы молодости успел снискать любовь новгородцев, а это по тогдашнему времени был уже великий подвиг даже и для взрослого князя; ибо со времени Все-

волода Мстиславича в продолжение почти ста лет ни один князь не жил в Новгороде более пяти лет, а Александр прожил там десять лет. И современники вполне ценили достоинства Александра, слава о нем гремела далеко; по свидетельству летописей, в целой Руси не было области, которая бы не желала иметь его своим князем».

IV

Мировое положение России. — Восток и азиатские варвары. — Нашествие Батыея. — Состояние Русской земли после нашествия. — Деятельность Ярослава Всеволодовича и его кончина.

Перейдем теперь к печальной повести о том ужасном потрясении, которое выпало на долю русского народа в XIII веке. Мы увидим, как мрачные тучи одновременно надвигаются с востока и с запада. Но среди мглы проглянет яркое солнце, среди невыразимо тяжких и смутных обстоятельств в лице Александра Ярославича явится пред нами истинный представитель своего века — великий государственный муж, спасающий будущность русского народа, народный герой, добрый страдалец за землю Русскую. Преклоняясь пред неиспо-

ведимыми судьбами Промысла, посылающего испытания, с искренним чувством умиления и сердечной благодарности облобызаем Десницу, подающую в то же время и необходимую помощь и утешение.

* * *

Взаимные несогласия и распри русских людей побудили их некогда призвать князя из-за моря владеть и княжить на Руси. Но княжеский род размножился, и кровавые распри начались между самими князьями-родственниками. Русь стала обширным воинским станом. Бурные страсти молодого народа разыгрывались на просторе, и сильный мог безнаказанно угнетать слабого.

От усобиц княжих — гибель Руси!
Братья спорят: то мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

На далеком севере явился князь, сознавший всю гибельность таких поряд-

ков, и, собравшись с силами, потребовал от своей брaтьи — остальных князей — повиновения. Но другой, не менее знаменитый князь, не боявшийся никого, кроме Бога, прислал сказать ему:

«Мы приняли тебя старшим, отцом, а ты поступаешь с нами не как с родственниками, такими же князьями, как и ты, но как с подручниками!»

Таким образом, князья не хотели отречься от своих прав располагать собой и своими землями по своему произволу. Но вот Провидение посылает русскому народу тяжкое испытание, и среди ужасных бедствий и русский народ, и его вожди должны были во всей силе уразуметь великую истину, которую внушает религия, возвещающая Великую Жертву, принесенную за мир. Необходимо было во имя блага государства пожертвовать своими личными правами, хотя бы и освященными давностью, необходимо было научиться подчинять свою личную волю другой воле, которая стремится к общему благу.

Но великие испытания, посланные русскому народу в XIII столетии, вразумляя его, в то же время указывали на его великое всемирно-историческое призвание в будущем, на грядущее его величие. Всеблагому Провидению благоугодно было поселить русский народ на обширном открытом пространстве между Уралом и Карпатами, где лицом к лицу встречаются столь разнородные части света, Европа и Азия. Не одну тысячу лет продолжалась, да не окончилась еще и теперь, борьба между двумя противоположными культурными мирами, между Востоком и Западом. Не замыкаться во внутренних распрях, не тратить на них свои богатые силы, даже не думать только о своем благоустройстве и благополучии, лишь отбиваясь от внешних врагов, нет — «Русское государство призывалось к высокой миссии в человечестве — твердо стоять на страже между двумя частями света, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, пока перст Божий не укажет поры для мирной встречи Востока

с Западом в духе христианских и культурных идей».

Обратимся сначала к Востоку. До XII столетия русский народ, можно сказать, только отбивался от врагов, окружавших его с разных сторон. В XIII веке обнаружилось, что он должен восторжествовать над ними, преодолеть их, если не желает совсем отказаться от самостоятельного национального существования. От половины IX века до сороковых годов XIII века в борьбе Руси с разными степными варварами не было перевеса ни на стороне кочевых орд, ни на стороне Руси. Печенеги и затем половцы производят иногда сильные опустошения в Приднепровье, но зато и русские князья иногда проникают в глубь их степей, за Дон, и пленят их вежи. Но в первой половине XIII века Азия высылает столь страшные силы, что об успешной борьбе с ними на первых порах нельзя было и думать. По одному меткому сравнению, Азия была всегда как бы народовержущим вулканом; но на этот

раз ужасы извержения были столь поразительны, что потрясли огромное пространство земель от истоков далекого Амура до Атлантиды. Западная Европа трепетала и ждала повторения погромов Аттилы; папы и короли спешили отвлечь нашествие посольствами в Азию. Но испытать всю тяжесть бедствия, выпить до дна горькую чашу невыразимых страданий суждено было только нашему отечеству.

В недрах Азии, у подошвы Алтая, началось это страшное движение народов. Бурным опустошительным ураганом, «ветром разрушения» пронеслись монголо-татары под предводительством кровожадного Чингисхана через всю Азию. Великие царства были сокрушены; много народов истреблено; развалины и груды костей человеческих обозначали их путь. Наконец, обогнув южный берег Каспийского моря, свирепые варвары вошли на Кавказ, в Грузию, и проникли в степи полонцев. Русские князья вместе с половцами выступили против неведомых при-

шельцев и потерпели в 1224 году на берегах реки Калки страшное, небывалое поражение, исполнившее ужасом современников.

— Кого Бог в гневе Своем посылал на землю Русскую? — спрашивали наши предки. — Откуда приходили эти ужасные иноплеменники? — Ответа не было.

Прошло тридцать лет, и снова огромная сила татарская на этот раз под предводительством Батыея, внука Чингисхана, перейдя Яик и сокрушив болгар, обрушилась на Россию. Необыкновенное впечатление производила на современников огромность двигавшейся орды. «От множества воинов земля стонала; от громады войска обезумели дикие звери и ночные птицы». Даже теперь, на расстоянии стольких веков, живо представляется нам чувство ужаса, охватывавшее современников, если при этом вспоминаем, что огромная масса варваров надвигалась на Русь с единственной целью беспощадного убийства и грабежа.

Отвратительной наружности, «безобразнее всех людей», с грубыми религиозными понятиями, монголо-татары не признавали вообще никаких нравственных правил, кроме насилия и убийства. Выносливые, способные терпеть голод в течение нескольких дней, они набрасывались при первой возможности на всякую пищу и с жадностью пожирали даже падаль и человеческие трупы, исполнены были неутолимой и безстыдной похоти и алчного грабительства, крайне неопрятны и грязны. Но более всего поражала их лютая свирепость. Они не знали пощады, тысячами избивали людей, не разбирая ни пола, ни возраста, предавая при этом несчастных всевозможным истязаниям и поруганиям. Ненасытная кровожадность их доходила до того, что они бросались пить и сосать кровь из ран захваченного врага. Среди непрерывных войн они приобрели все свойства для обеспечения успеха истребления. «Они имели мужество львиное, терпение собачье, хитрость лиси-

цы, дальноркость ворона, хищность волка, чуткость кошки и буйность вепря при нападении».

— Какое благо выше всех на земле? — спросил однажды, уже в преклонных летах, Чингисхан своих вельмож.

Один указывал на одно, другой — на другое. Покачал головой старый хан и ответил следующее:

— Все не то... Нет, счастливее всех тот, кто гонит пред собой разбитых врагов, грабит их имущество, скачет на конях их, любит слезами людей, им близких, и целует их жен и дочерей...

В этом ответе — целая характеристика татар.

Такие-то варвары ворвались сквозь мордовские леса в начале 1237 года в Рязанскую землю. Опустошение Рязанской земли производилось с особой свирепостью и беспощадностью. «Варвары, — по словам историка, — явились в нее, исполненные дикой, ничем не обузданной энергии, еще не пресыщенные русской кровью, не утомленные разрушением». Ужасны

были неистовства татар при взятии Рязани. С адским хохотом они смотрели на отчаяние, слезы и муки людей и тешились убийством: распинали пленных; связав руки, стреляли в них как в цель для забавы; оскверняли святыню храмов насилием юных монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии умирающих матерей, отцов и мужей; жгли священников и обагрjali алтари их кровью, — и эти ужасы продолжались несколько дней! Наконец, стихли вопли отчаяния и крики торжества и злобы. Рязанская земля стала страшной пустыней, неизмеримым кладбищем.

Ни младенца, ни старца в живых
не осталось...

Плакать некому было и не по ком...
Подо льдом и под снегом померзлые,
На траве-ковиле обнаженны, терзаемы
И зверями, и птицами хищными,
Без креста и могилы лежали убитые
Воеводы рязанские, витязи
И семейные князя, и сродники,
И все множество люда рязанского:
Все одну чашу смертную выпили.

В однообразно убийственном порядке двигались татары из одной области в другую, охватывая их широкими облавами. После Рязани очередь дошла до Суздальской земли. Взяв Москву, татары направились к Владимиру.

Великий князь Георгий Всеволодович отправился собирать войска для более сильного отпора и поручил на время своего отсутствия защищать столицу двум сыновьям своим, Всеволоду и Мстиславу, рассчитывая, может быть, встретиться с татарами раньше, чем они подойдут к столице. Но он жестоко ошибся. Татары не шли, а летели, как птицы. В то время, как он на реке Сити поджидал братьев с полками, татары 3 февраля, во вторник, за неделю до мясопуста, тьмами тем обступили Владимир.

— Не стреляйте! — крикнули татары защитникам столицы, смотревшим со стены.

Вслед затем они подвели юного князя Владимира Георгиевича, захваченного в Москве. Бледный, исхудалый

и измученный, со впалыми глазами и унылым видом, в лохмотьях, он едва был узнан своими братьями и гражданами. Никто не мог удержаться от слез. Юные князья Всеволод и Мстислав порывались немедленно ударить на врагов. Никто не думал о спасении, напротив, начали готовиться к неминуемой смерти. «Открылось зрелище достопамятное, незабвенное, — говорит Карамзин. — Всеволод, супруга его, вельможи и многие чиновники собрались в храм Богоматери и требовали, чтобы епископ Митрофан облек их в схиму или в великий образ ангельский. Священный обряд совершился в тишине торжественной: знаменитые русичи простились с миром, с жизнью, но, стоя на Праге смерти, еще молили небо о спасении Руси; да не погибнет вовеки ея любезное имя и слава!»

7 февраля, в воскресенье мясопустное, после заутрени татары вломились в город и начали свою адскую работу. Епископ Митрофан, супруга великого князя Агафия с дочерью, снохами, вну-

чатами и многими боярынями заперлись в соборном храме Богородицы на хорах. Разграбив храм, татары натаскали в него дров и зажгли. Епископ благословил обреченных на ужасную смерть: «Господи, Боже сил, седяй на херувимех, простри руку Твою невидимую и приими с миром души раб Твоих!» Все погибли в дыму и пламени. Величественный храм, знаменитое сооружение Андрея Боголюбского, прекрасный образец изящного суздальского стиля, был богато украшен внутри. Без сомнения, лучшие мастера того времени потрудились над его иконописью. Посетителей приятно поражал блеск от разноцветных плит и позолоты, шедшей по карнизам, аркам и преддвериям. Святые иконы сияли золотыми окладами и драгоценными камнями, а в алтаре над престолом опускалась позолоченная сень. Собор был предметом удивления православных и иноверцев, но теперь он представлял печальную картину разрушения...

— но —

Князя Всеволод и Мстислав, пытаюсь пробиться, сложили свои головы в жестокой сече.

Великий князь Георгий Всеволодович громко зарыдал, когда до него дошла потрясающая весть о гибели столицы и семьи.

— Господи! — воскликнул несчастный из глубины души. — Так ли судил Ты? Буди святая воля Твоя! Рад умереть и я: на что мне жизнь?

Желание его скоро исполнилось. Один из воевод, посланный для разведок, поспешил возвратиться.

— Князь, нас обошли татары!!!

Георгий Всеволодович не успел опомниться, не успел привести свои полки в порядок, как раздался крик:

— Идут! Идут!

Князь немедленно бросился в бой, его полки устремились за ним. Кровь полилась ручьями. Но несметное множество врагов теснит русских со всех сторон. Дружина княжеская подается назад. Сражение превращается в ужасное побоище. Великий князь убит.

- ш -

Кругом его снопьями полегли его дружинники. Остальные в ужасе разбегаются. Это было 4 марта, всего несколько дней спустя после взятия Владимира. Ряд курганов по реке Сити с находимыми в них скелетами, носящими следы тяжелых ран, указывает на то, что бежавшие по временам останавливались, пытались отбиваться, снова бежали... Как глухие звуки, доносящиеся из глубины веков, звучат местные названия: Резанино, Станово, Сторожево, Боронишино, Могилицы, Юрьево...

Братья и племянники великого князя спаслись бегством, но попался в плен один из последних — Василько Константинович, сын Константина Всеволодовича. Это был юноша цветущей красоты, со светлым и величественным взором. Наследник отцовских добродетелей, он отличался отвагою, ясным умом, познаниями, благородным характером, кротостью и великой доброю. Все знавшие горячо любили его. Кто служил ему, кто ел хлеб его и пил с ним чашу, говорили про него, тот уж

не мог быть слугою другого князя. Схваченный врагами, он едва дышал: битва, голод и неутолимая скорбь сокрушили его силы, но он отказался принять пищу из рук врагов. Пораженные его наружностью, татары предлагали ему соединиться с ними и стать слугою Батыя.

— О темное, злое и — скверное царство! — Вскрикнул князь. — Лютые кровопийцы, враги отечества и Христа! Как я могу быть заодно с вами? Вы отдадите Богу ответ за то несчетное множество душ, которых вы погубили безвинно. Он, правосудный, предаст вас за них мукам в безконечные веки!

Потом, возведя очи к небу, князь взмолился: «Господи Иисусе Христе, много раз помогавший мне в бедах! Избави мя от сих гаютоядец!» Но, взглянув на свирепые лица врагов, на их глаза, налившиеся кровью от ярости, видя, что они схватились за оружие, воскликнул: «Господи Иисусе Христе! Вижу, младость моя погибает железом... Помоги христианам, спаси жену мою, де-

тей моих, епископа Крилла... Приими дух мой, да и аз почию во славе Твоей...» И абье без милости убиен бысть. Тело его татары бросили в Шеренском лесу. Этот лес находится на реке Шерне между Ярославским и Угличским уездами, на половине дороги между Ростовом и местом побоища, и здесь одна местность до сих пор носит название Басили. Ростовский епископ Кирилл потом отыскал тело великого князя и тело Василька, принес их в Ростов и положил в соборном храме Богородицы. Тело Георгия было без головы, но впоследствии нашли и положили в гроб и голову. Горько рыщали русские люди при виде злой смерти своих князей...

Разорив Суздальскую землю, татары направились к Великому Новгороду. При виде ужасов разрушения у всех опускались руки, падало мужество. Исчезали безследно города и селения. Багровое зарево пожаров обозначало движение страшной орды. Головы жителей падали, как скошенная трава...

Не дойдя до Новгорода ста верст, татары поворотили на юг. Историки объясняют это движение разными причинами. Батый устранился разлива рек и озер при наступавшей весне в обильной водою местности. Здесь сошлась облава, и Батый не захотел составить новой. Татары прослышали о приготовлениях новгородцев к отчаянной обороне. Но сами новгородцы приписывали единодушно свое избавление Всеблагому Провидению. «Нов же город заступи Бог и святая София». Направляясь на юг, в степи половецкие, татары продолжали неутомимо свирепствовать. Все города по левую сторону Днепра были взяты и разрушены. Город Козельск оказал особенно упорное и мужественное сопротивление, зато при взятии его все защитники были избиты «и до отротат...».

Зимой 1240 года татары взяли и разорили Киев. Казалось, сила татарская не уменьшалась от безчисленных битв. Чувство ужаса невольно сказывается в словах летописца. «Приде Батый Кие-

ву в силе тяжце, многом множеством силы своей, и окружи град и остолпи сила татарская, и бысть град в обдержаньи велице... И бе Батый у города и отроци его обседяху град, и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его, и ржания от гласа стад конь его...» Сопротивление киевлян было чрезвычайно упорно, но бесполезно. «Стрелы омрачали воздух, копья трещали и ломались». По трупам киевлян варвары вломились в город. Отчаянная оборона ожесточила их до крайности... «Древний Киев исчез, и навеки». Камня не осталось на камени, кроме двух-трех полуразрушенных церквей да одного придела среди развалин Печерской обители. Уцелевшие иноки иногда собирались сюда для богослужения, слышав унылый и протяжный звон колокола.

Из Южной России татары направились в Венгрию. Европа содрогнулась ввиду грозного нашествия, но от Голомуца (в Моравии) татары обратились назад и расположились на берегах

Волги. Поволжские и подонские степи стали их главным местопребыванием. Впоследствии все царство Батыево получило название «Золотой Орды». Наступило *монгольское иго*.

«Умилительное, высокое зрелище представила Русская земля в эту критическую минуту своей истории, о которой нельзя вспоминать без благоговения!» — восклицает историк. Святая Русь была сокрушена, но после мужественной обороны. Воины, дружины, бояре, отроки — все честно исполнили свой долг и положили живот свой за отечество, за веру христианскую, в непоколебимой надежде иметь венцы мученические на том свете. Терпение, русская добродетель по преимуществу, преданность в волю Божию проявились здесь блистательно, и смиренные летописатели заключают обыкновенно свои прискорбные писания следующими словами: «Се же бысть за грехи наши... Господь силу от нас отъя, а недоумение и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наша».

Но если нас до глубины души трогают и утешают нравственные качества, проявленные нашими предками в годину испытания, то, с другой стороны, приводит в ужас картина разрушения, которую представляло наше отечество после погрома Батыева. «Казалось, что огненная река промчалась от восточных пределов до западных, что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их». Судя по страшному впечатлению на современников, можно сказать, что ни прежде, ни после того не приходилось русскому народу испытывать такого бедствия, которое так же сильно потрясло бы крепкую натуру русского человека, как нашествие Батыева. Груды развалин, вместо цветущих еще так недавно сел и городов, белеющие кости множества непогребенных людей, поля, заросшие сорной травой, полное безлюдье — вот что можно было видеть тогда на Руси. Уцелевшие боязливо прятались в лесах.

Одна только небольшая часть Русской земли на севере осталась нетрону-

той по особым планам Провидения. Здесь Бог сохранил от руки варваров и будущих строителей Русского государства. Исчислив всех сыновей «благочестивого и правоверного князя Ярослава Всеволожа», летописец прибавляет: «Сии вси сохранены быша молитвами святыа Богородица». В самом деле, нельзя не удивляться судьбам Божественного промысла, сохранившего для России невредимым князя Ярослава Всеволодовича и его семейство, точно Ноя в ковчеге, среди ужасов гибели и разорения. Такой именно князь, как Ярослав Всеволодович, и нужен был в первые критические времена после нашествия. Немного позже мы видим во главе русского народа его доблестного сына Александра, но теперь, непосредственно после погрома, ему трудно было бы выступить на первый план. Без сомнения, во время нашествия быстро доходили до Новгорода известия, одно ужаснее другого, гроза подходила все ближе и ближе... Можно ли передать, что пережил, что перечувствовал за все

это время юный новгородский князь, слыша о гибели множества народа, о лютой смерти столь многих и столь дорогих родственников? Кому из нас не приходилось в жизни терять близких и дорогих людей? Кто может изобразить чувства безпредельной скорби, овладевающей сердцем, когда опускают в могилу дорогое существо, для спасения которого готов был бы пожертвовать своею жизнью? Как пуст и ничтожен в такие минуты кажется мир со всеми его утехами! Но может ли быть сравнимо чувство личного горя, как бы оно ни было сильно, с тем нравственным потрясением, которое может вызвать в возвышенных душах зрелище погибающей родины?.. Нужно было время, чтобы дать растерзанному сердцу хотя несколько успокоиться, чтобы уму, смущенному событиями, вернуть ясность, чтобы юной душе собраться с силами. Только окрепший в испытаниях, с трезвым практическим смыслом и закаленной энергией Ярослав Всеволодович один мог не растеряться среди

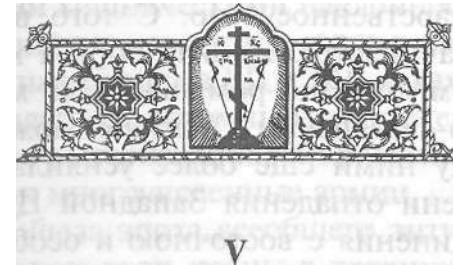
всеобщего смятения. Мужественно перенеся известие о смерти старшего брата Георгия, он поспешил во Владимир, чтобы занять великокняжеский стол, привести в порядок потрясенное государство и ободрить народ. Правда, он «приехал господствовать над развалинами и трупами», но и это его не смутило. Напротив, теперь-то вполне проявились его несокрушимая энергия и жажда деятельности. Он не пришел в уныние, не проливал слез, не проклинал судьбу, как это делали другие, но спешил сделать все возможное, чтобы исправить хотя несколько причиненное зло. С его прибытием край точно оживился: по его распоряжению во Владимирской земле очищали дороги, в городах выносили и хоронили трупы. По его призыву собирались жители, укрывавшиеся в лесах, слышали бодрое слово утешения. Вновь начинался разрушенный порядок общежития. Отрадное впечатление производила эта кипучая деятельность на упавший духом народ. «Поча ряды рядить и бысть

радость велика хрестьяном», — замечает летописец. С честью похоронив во Владимире старшего брата, Ярослав, в качестве великого князя, распределил волости: оборонив Смоленскую волость от литовцев, он поставил здесь князем Всеволода Мстиславича; Суздаль отдал своему брату Святославу, Стародуб — Иоанну, Переяславль оставил за собою. Теперь предстояло решить главную и самую трудную задачу — установить отношения к грозным завоевателям. В 1243 году он отправился в Орду к Батю и первый из русских князей изъявил ему полную покорность. Батый принял его с честью. «Ярославе! буди ты старей всем князем в Русской земле», — решил хан. Возвратившись во Владимир, Ярослав немедленно отправил третьего своего сына Константина в далекую Татарию на поклонение главному хану, которому подчинен был сам Батый. В 1245 году Константин Ярославич благополучно вернулся из своего дальнего путешествия и привез отцу прика-

зание великого хана самому явиться к нему. Простившись с отечеством и родными, Ярослав Всеволодович, преодолевая всевозможные лишения, пустился чрез среднеазиатские степи к берегам далекого Амура, где в то время находилось главное кочевье монголов, и прибыл в ханскую ставку как раз ко времени торжественного провозглашения великим ханом Гаюка. Не суждено было великому князю возвратиться в отечество. Много натерпевшись в Орде, Ярослав Всеволодович скончался насильственной смертью. Папский посол Плано Карпини передает нам подробности этого печального события. «В 1246 году умер Ярослав, великий князь Суздальской области, которая составляет часть Русского государства. Однажды он был призван к матери великого хана, которая, как будто оказывая особую честь Ярославу, желала из своих собственных рук дать ему есть и пить. Когда Ярослав возвратился от ханши, то сильно ослабел и через семь дней умер. Замечательно, что все тело

его при этом удивительным образом позеленело; все говорили, что он был отравлен матерью хана». Наши летописи подтверждают это известие, называя кончину великого князя «нужною», то есть насильственной, а в одной прямо говорится, что его «зелием уморили».

Кончина Ярослава Всеволодовича была страшным несчастьем для его осиротелой семьи и для русского народа; но в то время уже взошло красное солнышко земли Русской — уже всюду гремела слава о доблестях его старшего сына, Новгородского князя Александра Ярославича.

Германо-романский мир в XII и XIII столетиях. — Объединение западных наций под властью пап. — Движение крестоносцев на православный Восток. — Крестоносное движение Запада против России и монгольское иго.

Одновременно с нашествием азиатских полчищ надвигалась на наше отечество не менее, если не более, страшная и опасная гроза с Запада.

Прошло около трех столетий с того замечательного исторического момента, когда главным образом, под ударами германцев пала Западная Римская империя. Германцы успели войти в теснейшее соединение с побежденными римлянами. Образовались новые германо-романские народности, и могучий Карл соединил их в одно огромное

государственное тело. С того времени начинается великая борьба между миром германо-романским и миром греко-славянским. Противоположность между ними еще более усилилась со времени отпадения Западной Церкви от единения с восточной и особенно, когда во главе германо-романского мира стал Папа. Западные европейские нации составили единое светско-духовное государство под верховным главенством не императоров и королей, а именно Римских пап. «*Весь Запад* считает нас за земного Бога!» — горделиво заявляет один из них. Под руководством Пап и их именем западные нации, как единый народ, разливаются всюду огромными колониями и стремятся покорить весь мир — во имя чего? Во имя христианского Бога — на словах, а на самом деле с целью порабощения всех других народов.

Особенно же Папы стремились поработить восточных христиан, не признававших их главенства над Вселенскою Церковью. Стремления Пап совпали с

дикими хищническими наклонностями германцев, — и вот мы видим, как вся Западная Европа в XII и XIII веках превращается в огромный вооруженный лагерь, высылающий на православный Восток многочисленные армии.

То была эпоха всеобщего энтузиазма! О чем пели певцы в древних песнях? Что было предметом старинных сказаний? Не то ли, как Сигфрид убил ядовитого дракона, как Дитрих умертвил великана, как Гаген раздавил язычников-гуннов? О чем говорили земледелец у пылающего очага, ремесленник в своей мастерской? Не о том ли, как удачным военным подвигом можно достать несметные богатства, золотые клады? Теперь же Сам Бог, вещал Папа, вместо покаяния и истинно христианских подвигов, звал будто бы на бой. Сам Великий Царь небесный требовал трудов, которые более всего по сердцу германцам, — требовал сильных ударов, земного геройства и битв, и сердца народов радостно забились от восхищения, от восторга. Это был непреодо-

лимый зов для многих тысяч людей. Воинственное одушевление, подобно молнии, разом охватило целые нации. Мало смущались тем, что христианство неминуемо должно было принять языческий характер, когда христианский Бог, в глазах западных христиан, сделался богом брани, как некогда языческий бог германцев... Не было недостатка в разного рода знамениях, указывавших будто бы на небесное призвание. На небе видели кометы; с востока и запада подымались огненные облака и сражались между собою; целые полчища двигались в небесных высях; во тьме ночной носились пылающие факелы и освещали легионы рыцарей, сражавшихся в воздухе, на севере блестело сияние; огромный меч подымался от земли до неба; на площадях и улицах городов, в деревнях под сенью ветвистых дубов и лип являлись люди и указывали на знак креста, будто бы чудесно впечатлевшийся у них на лбу или на платье. А клирики спешили воспользоваться возбуждением народных масс, разда-

вали и освящали мечи, посохи и сумки пилигримов, Папы спешили возвестить отпущение грехов всем, возложившим на себя крест...

Правда, первоначально крестоносцы направились против неверных — против арабов и турок с целью освобождения Святой земли и Иерусалима. Этой цели они не достигли. Святая земля и Иерусалим, лишь ненадолго освобожденные от ига неверных, скоро обратно были завоеваны турками. В сущности, движение крестоносцев направлялось против православного Востока. Восточные христиане скоро почувствовали, что власть латинян для них несравненно более тягостна, чем иго турецкое. Распространяя свою власть в православных странах Востока, крестоносцы старались всюду утвердить владычество Папы и прибегали к кровавым мерам там, где встречали сопротивление. Достаточно припомнить, как, например, на острове Кипр латинский клир жег на кострах и распинал на крестах православных христиан и

особенно священников, не хотевших подчиниться Папе.

Утвердив власть Папы в Сирии и Палестине, крестоносцы, наконец в самом начале XIII столетия покорили и тогдашнюю Византию. Ужасны были неистовства латинян при взятии в 1204 году Константинополя! Православных греков избивали беспощадно, не разбирая ни звания, ни пола, ни возраста. Благородные женщины, монахини, девы подвергались безчестию. Имущество граждан было разграблено. В храмах разыгрывались неистовые оргии. В Софийском соборе крестоносцы пировали и кощунствовали с распутными женщинами, пили вино из священных сосудов, плясали в священных одеждах, ругались над Святыми тайнами. Великие святыни Царьграда и мощи святых были отправлены в Рим в дар Папе или западным государям. Не было пощады и памятникам наук и искусств: дорогие рукописи, книги, художественные произведения подверглись порче и уничтожению. Таково

было первое проявление открытой братоубийственной вражды Запада к Востоку! Между тем Папа, внешне порицая крестоносцев за совершенные ими неистовства, в то же время внутренне радовался, что Бог руками верных чад Его смирил упрямство греков и привел их в послушание апостольскому престолу. Латинские епископы по строгому наказу из Рима должны были немедленно занять греческие церкви и водворить всюду латинские обряды...

За покорением Византии та же участь готовилась и нашему отечеству. Здесь на помощь Папе, кроме инстинктов хищничества и религиозного фанатизма, присоединилась вековая племенная вражда германского племени к славянскому. Эта вражда — одно из тех всемирно-исторических явлений, начало которых малодоступно историческому исследованию, скрываясь в глубоком мраке доисторических времен. Из седой старины доносятся до нас отголоски борьбы и утеснения славянских племен германцами. С IX века,

со времен Карла Великого, как сказано выше, мы наблюдаем уже непрерывное многовековое преследование славян германцами, которые теснят их к Востоку, неуклонно двигаясь за ними и поработывая их. Прежде всего подпали игу великой франкской монархии иллирийские славяне, обитатели восточных склонов Альп и северного Адриатического побережья. С ожесточенным упорством в течение целого ряда веков идет борьба на севере, по берегам Балтийского моря. Зато эта борьба и оканчивается не только подчинением игу германцев, но полным истреблением и онемечением многочисленных славянских племен — полабских и поморских. В середине некоторое время мужественно отстаивает независимость славянства Святополк Моравский и принципиально противопоставляет вооруженному латинству духовное оружие, которое приносится ему славянскими первоучителями из православной Византии. Немцы призывают мадьяр и при помощи их сокрушают могущество

славянского государя. Чехи за своими горами успешнее защищаются от напора немцев, но в конце концов и они подчиняются Германской империи и латинству. Поляки без борьбы принимают католицизм и являются слепым орудием в руках Пап. Таким образом, на всем обширном пространстве от Адриатики до берегов Балтийского моря разгорелась борьба германского и славянского мира, православия и латинства. В начале XIII века эта борьба принимает особенно решительный характер. Никогда папство не было более могущественно, никогда не располагало более грозными и более сосредоточенными средствами. Папою был в то время знаменитый Иннокентий III. Распоряжаясь по своему произволу царскими венцами почти во всей Европе, он с полным правом мог считать себя верховным владыкою Запада. Утвердив после падения Константинополя свою власть на православном Востоке, он мог надеяться, что теперь Самария, как они называли всю Греческую

церковь, обратится к Господу, то есть подчинится Папе, и имя Господне будет призываться одинаково в Дане и Вефиле, то есть на Востоке и Западе.

В самый год взятия и разграбления Константинополя латинянами Иннокентий спешит отправить в Россию посольство к знаменитейшему из тогдашних русских князей Роману Галицкому, причем в награду за вероотступничество предлагает ему королевский венец и материальную помощь против врагов. Посольство это не имело никакого успеха. Через три года, все еще обольщенный сокрушением православной Византии, Папа отправляет новое торжественное посольство ко всем русским архипастырям, клиру и народу.

«Вот теперь, — писал Папа, — Греческая империя и церковь почти вся покорилась апостольскому седалищу и униженно приемлет от него повеления, — ужели ж не будет несообразным, если часть (то есть церковь русская) не станет сообразоваться со своим целым и не последует ему?.. Посему, любез-

нейшие братья и чада, желая вам избежать временных и вечных бед, посылаем к вам возлюбленного сына нашего кардинала-пресвитера Виталиса, мужа благородного и просвещенного, да возвратит он дочь к матери, и убеждаем вас принять его, как посла апостольского седалища, даже как нас самих, и безпрекословно повиноваться его спасительным советам и наставлениям».

Однако все посольства и увещания оставались тщетными. Тогда по мановению владыки Запада являются многочисленные полчища монахов и рыцарей, готовых ревностно подвизаться за власть Папы. В то же время Русскую землю постигает страшное несчастье — нашествие татар, и для папской политики открываются новые виды на Востоке...

Не знаменательно ли такое совпадение событий, как одновременный грозный натиск на наше отечество с Востока и с Запада! Притом — какое сходство в конечных целях!

— Миром обладает один Бог, на небе сияет одно солнце, на земле дол-

жен быть один властелин. Все сопротивляющиеся ему оскорбляют небо и должны быть истреблены! — говорил восточный деспот.

— На небе Господь, на земле — Его наместник! Одно солнце озаряет Вселенную и сообщает свой свет другим светилам, один верховный властелин должен быть на земле! — восклицал в то же время владыка Запада.

— Все, что не крещено, избито! — говорили с похвальбой его служители.

Теряясь в безконечно разнообразных и сложных явлениях всемирной истории, наш разум стремится в многообразии отыскать единство, в частности — общие законы, стремится найти руководящую нить при объяснении событий, открыть производящие их причины. В самом деле, какая сила возбудила алтайских дикарей в XII веке и двинула их из глубины Азии на наше отечество в то самое время, когда и Запад, собравшись с силами и придвинувшись к нашим границам, грозно ополчился на нас со светским и духовным оружием? «При-

чины синхронистической связи столь разнородных событий, скажем словами знаменитого писателя, нельзя, конечно, отыскать ближе», чем в том самом плане миродержавного Промысла, по которому развивается историческая жизнь человечества». В грозном могуществе монголов не противопоставил ли Он твердый оплот против разлива западного могущества? Монгольским иггом не отделил ли Он нас надолго от всяких сношений с Западом, не приковал ли нас надолго к Востоку с целью охранить нашу народную самобытность, нашу духовную самостоятельность в такое время, когда мы еще не в силах были сами успешно защитить ее?

Вечная похвала князю, который с изумительной, истинно гениальной проницательностью вовремя разгадал страшную опасность, угрожавшую нам с Запада, предпочел татарскую неволю, всевозможные унижения и тяжелые материальные жертвы, но в то же время мужественно стал на страже русской народности.

VI

Положение Новгорода после татарского нашествия. — Нападение шведов. — Ярл Биргер. — Поход 1240 года. — Образ действий Александра. — Небесная помощь. — Невская победа и ее значение.

Тяжело было положение молодого Новгородского князя после погромов Батые. Хотя Новгород и уцелел, но зато он был предоставлен собственным силам и средствам в борьбе с многочисленными врагами, без всякой надежды на помощь из других областей. В прежние годы Ярослав Всеволодович, защищая Новгород, приводил с собою суздальские полки; следовательно, новгородцы сражались не одни. Теперь Ярославу Всеволодовичу было не до Новгорода... Враги новгородцев — шве-

ды, ливонские немцы и литовцы — спешили воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами. Покорность русских князей татарам, как ни была унижительна и горька сама по себе, однако не приносила безчестья: русский народ на себе испытал страшную силу татар и ясно видел всю бесполезность какого бы то ни было сопротивления. Можно ли было укорять князей за то, что они подчинялись неотразимой необходимости? Но как оправдать покорность перед врагами, которых неоднократно побеждали русские раньше? Отступить перед шведами, немцами и литовцами, покориться им — не значило ли это навсегда опозорить себя? Да и в одном ли безславии заключалась беда? Можно ли было забыть, что за этими ближайшими врагами двигалась страшная сила всего Запада, возбуждаемого непрерывными буллами и энергическими посланиями Римского папы? Оставалось одно — положиться на Бога и взяться за оружие. Александр Ярославич во всем

объеме сознавал всю опасность, всю ответственность своего положения. Он знал, что он должен быть щитом, прикрывающим родину, уже обезсиленную татарами, от других более опасных врагов. Прежние князья, не имея недостатка в военной силе, грудью отражали врагов. Но при изменившихся обстоятельствах, при малочисленности наличных сил одного Новгорода, пришлось подумать о другого рода защите. И вот новгородский князь, едва окончив свадебное торжество, спешит постройкой укреплений на западных границах Новгородской земли оградить себя от внезапных нападений. В то же время, подобно древнему Святославу, Александр Ярославич старается набрать дружину отважных бойцов, людей беззаветной удали, которых среди новгородцев можно было найти скорее, чем где-нибудь. «У князя Александра бе множество храбрых, яко же древле у Давыда царя; бяху бо сердца их аки сердца львов». Про него также можно было сказать: каков сам, такова и дру-

жина. Недолго пришлось ему оставаться без дела...

В 1240 году в Новгороде было получено известие, что на Неве появились шведы.

У новгородцев и прежде не раз были столкновения со шведами из-за Финляндии. Распространяя свое владычество и католическую веру в Финляндии, шведы становились все более и более опасными для Новгорода. Царствовавший в то время в Швеции король Эрих Эрихсон мало занимался делами, и все управление страной находилось в руках знаменитого Биргера. Он происходил из древней могущественной фамилии Фольконунгов. Близкое родство с царствующими домами Швеции и Норвегии давало этой фамилии огромное влияние и несметные богатства. Высшие должности в государстве — ярла, лагмана и Другие — принадлежали исключительно роду Фольконунгов. Ненасытное честолюбие и жадность были главными чертами этой фамилии. Биргер был женат на

сестре короля, и за его бездетностью сам рассчитывал занять престол. Его выдающиеся способности позволяли ему питать столь гордые надежды. Со временем ему, действительно, удалось оказать своему отечеству безсмертные услуги. Он обеспечил спокойствие в стране, сокрушив силу рода Фольконунгов, производивших междоусобия, и отразив внешних врагов, главным образом, пиратов. С необыкновенною предусмотрительностью угадал он место для столицы и основал Стокгольм на острове, лежавшем при входе в Меларское озеро, улучшил законы, исправил судопроизводство, не оставив без внимания даже нравы и домашний быт шведов. Отличаясь железною волей, не отступавшей перед злодеянием и коварством, он сокрушал все препятствия на пути своих реформ. Ненасытный честолюбец, великий герой и мудрый законодатель, он входил решительно во все и был во многих отношениях истинным благодетелем и преобразователем своего отечества. Но то был век,

когда слава и популярность приобретались, главным образом, громкими военными подвигами. Биргер получил руку Ингерды за боевые услуги против сильного и честолюбивого Фольконунга Кнута Иогансона Долгого, похитившего было престол. За другой более славный подвиг, доставивший его отечеству большие торговые выгоды, — за освобождение Любека от нападения датского короля — он был облечен высочайшим званием ярла и получил бразды правления. Но для достижения конечной цели его честолюбивых стремлений ему нужно было прославиться каким-нибудь выдающимся предприятием. То был, как сказано выше, век крестовых походов. Совершить славный крестовый поход, приобрести славу героя веры и в то же время расширить пределы государства сделалось мечтою ярла. На восточных границах Финляндии происходили смуты по случаю насильственных поступков абсолютого епископа Томаса. Назначенный главою новообращенных финнов, ро-

дом англичанин, он довел финский народ до крайней степени озлобления своей алчностью и жестокостью. Подстрекаемые новгородцами финны-язычники вступили в истребительную борьбу против епископа и совершали страшные неистовства. Они хватали миссионеров, выкалывали им глаза, забивали в голову гвозди, заливали горло растопленным свинцом, бросали в пропасти и на съедение зверям. Тогда Папа повелел архиепископу упсальскому буллою от 9 декабря 1237 года возвестить крестовый поход против язычников-финнов и русских. Закипели сборы в давно желанный поход. Папа Григорий IX именем Всевышнего обещал прощение грехов всем участникам похода, а падшим в бою — вечное блаженство. Приготовления продолжались с лишком два года. В храмах раздавались горячие проповеди, призывавшие к участию в походе. Священники указывали народу на яркую комету, явившуюся на востоке от Швеции, как на указание свыше. «Туда спешите, братья! Вот вам

небесная путеводительница к славе, к вечному блаженству!» Призыв не пропал даром. Собралось многочисленное ополчение, к которому присоединилось множество искателей приключений и добычи. Шведы захватили с собою норвежцев и подчинившихся им финнов. Войско сопровождали «честные бискупы», множество духовенства, а во главе ополчения, «пыхая духом ратным», стал сам знаменитый ярл. Точно на турок во Святую землю, с пением священных гимнов, с крестом впереди, ополчение вошло на корабли. Переезд через Балтийское море до Або и от Або к устью Невы совершился вполне благополучно. Нева стояла полною в своих зеленых берегах благодаря весенним дождям, и неприятельский флот гордо вступил в ее воды. Надеясь на многочисленность войска, Биргер рассчитывал прежде всего напасть на Ладугу и, став здесь твердой ногой, ударить на Новгород. Покорение Новгородской земли и обращение русских в латинство было конечною целью

похода. Остановившись при устье Ижоры, Биргер, «загордевся», послал сказать Александру: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться! Я уже здесь и пленю твою землю...» Но этот надменный вызов не смутил юного героя. Богатырские силы проснулись в нем. Он «разгорелся сердцем». Вот он — великий подвиг, на который зовет его священный долг. Враги идут терзать дорогую родину и искоренять веру. Их много, но они — грабители, лишь прикрывающие свою алчность священным знаменем служения Богу. Многие из них сами не верят в правоту своего дела, а нечистая совесть — плохой союзник. Своих новгородцев он позовет на защиту родины и святой веры. Это даст им необоримое мужество, это вызовет единоклубный порыв на святую брань. Александр Ярославич быстро сообразил все это и недолго предавался скорби по случаю малочисленности своей дружины. Внезапному нападению следовало противопоставить внезапность отпора и хорошо рассчитан-

ную быстроту действий. Медлить было не время. Враги не за горами, всего в каких-нибудь ста верстах от Новгорода. Все равно — ждать помощи неоткуда. С горстью отборных воинов он ударит на врага и, уповая на Святую Троицу, сокрушит его...

«Жалостно и слышати, — пишет летописец, — яко отец его честный князь Ярослав Всеволодович не бе ведал такового встания на сына своего милаго».

Отдав необходимые приказания личным силам быть готовыми к походу, Александр поспешил в соборный храм святой Софии. Там святитель, окруженный смятенным и плачущим народом, умолял Бога даровать помощь правому делу. Упав на колена перед алтарем, Александр излил свою душу в горячей молитве.

«Боже хвальный и праведный! Боже великий и крепкий! Боже превечный! сотворивый небо и землю и поставивый пределы языком, и жити повелевый, не преступая в чужие части... И ныне Владыко прецедрый! слыши

словеса гордого варвара сего, похваляю-
щаясь разорити святую веру право-
славную и пролити хотяща кровь хри-
стианскую, призри с небесе и виждь и
посети нас винограда своего и суди
обидающих мя, и возбрани борющимся
со мною, и приими оружие и щит и
стани в помощь мне, да не рекут врази
наши, где есть Бог их? Ты бо еси Бог
наш и на Тя уповаем!»

Принеся теплую молитву Всевыш-
нему, Александр Ярославич принял
благословение от владыки Спиридона
и, утирая слезы, но с одушевленным и
бодрым видом вышел к своей дружине.
Кратко, но исполнено силы и веры
было слово, с которым юный герой об-
ратился к дружине.

«Братья! Не в силах Бог, а в правде!
Вспомним слова псалмопевца: сии во
оружии, и сии на конех, мы же во имя
Господа Бога нашего призовем... Не
убоимся множества ратных, яко с нами
Бог!»

Настроение всех быстро измени-
лось. Святое одушевление князя пере-

далось народу и войску. У всех явилась
уверенность в торжестве правого дела.
Бог не оставит Своей помощью благо-
честивого князя, возложившего на Него
все упование. Горькое разочарование
постигнет дерзких врагов, все будет их

Труд-

Между тем неприятели, не ожидая
близкого отпора, бросили якорь у ус-
тья Ижоры и предались отдыху после
плавания. О нападении со стороны
Александра они, очевидно, менее всего
помышляли, как вдруг 15 июля 1240 го-
да, в день памяти святого князя Влади-
мира, просветившего Русскую землю
святым крещением, Александр Яро-
славич явился близ места стоянки не-
приятелей.

Не забудем упомянуть, что князь со
своей стороны принял все меры предо-
сторожности. По его распоряжению за
врагами наблюдал верный слуга Новго-
рода, начальник приморской стражи,
ижорский старшина Пелгусий, назван-
ный во святом крещении Филиппом.
Это был человек, со всем усердием

принявший христианскую веру. Живя среди своих соплеменников, грубых язычников (ижоры — народ чудского племени), он свято исполнял заветы своей новой веры. Ему удалось высмотреть все расположение неприятельского войска и вовремя сообщить свои сведения Александру. Но Пелгусий имел открыть князю нечто еще более важное...

«Всю ночь провел я без сна, наблюдая за врагами, — так говорил Пелгусий, удалившись несколько в сторону с Александром. — На восходе солнца я услышал на воде «шум страшен» и один насад с гребцами. Посреди насада стояли, положив на рамена друг другу руки, святые мученики Борис и Глеб, а гребцы, сидевшие в насаде, были «яко мъглою одеяни». И рече Борис: «Брате Глебе! вели грести, да поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу». Увидав дивное видение и услышав святых мучеников, я стоял «трепетом в ужасе», пока насад ушел «от очию».

Радостно забилося сердце героя при этом рассказе. В глубоком умилении, проникаясь уверенностью в Божией помощи, Александр тихо проговорил Пелгусию: «Не говори никому об этом, пока не увидим славы Божия».

Это было утром 15 июля. Туман с восходом солнца понемногу рассеялся, и наступил день яркий и знойный. Враги ничего не подозревали... Их шнеки лениво покачивались на волнах, привязанные бечевами к берегу. По всему побережью ярко белели многочисленные шатры, и среди всех высоко подымался златоверхий шатер самого Биргера. Прежде чем враги успели опомниться, русские дружным натиском ударили на них. Как Божия гроза, впереди всех пронесся в средину врагов юный князь и... увидел своего страшного врага. С неукротимой отвагой бросившись на Биргера, он нанес ему тяжкий удар по лицу — «возложил ему печать на лицо», по выражению летописи. Русская дружина прошла, избивая смятенных неприятелей, через

весь стан. Вражеское полчище бросилось к берегу и спешило укрыться на кораблях. Однако лучшая часть ополчения успела оправиться от внезапного удара, и в разных концах обширного лагеря закипел упорный бой, продолжавшийся до ночи. Но дело врагов было уже проиграно безвозвратно. Новгородцы овладели боем. Искусно распоряжался молодой вождь, среди увлечения боем умевший сохранить ясность соображения, направляя отряды своей дружины; звучно раздавался его голос, наводя ужас на врагов. Храбрейшие из них были избиты. Оставшиеся в живых с наступлением ночи поспешили убрать с поля битвы наиболее знаменитых павших и, наполнив ими три корабля, с рассветом бежали. На другой день на месте побоища виднелись разорванные шатры, разбросанные трупы и наскоро вырытые ямы, наполненные убитыми, которых, очевидно, пытались предать погребению.

Победа русских была столь неожиданна и решительна, что они, в чувстве

смирения, не осмеливались приписать ее своей храбрости и были уверены, что вместе с ними Ангелы Божий поражали неприятелей. С удивлением видели они на другой день множество неприятельских трупов на противоположном берегу Ижоры.

— Кто ж избил их там? — с недоумением спрашивали новгородцы. — Нас там не было...

При возвращении в Новгород Александр Ярославич радостно встречен был ликующим народом, но он прежде всего спешил в храм воздать горячую благодарность Богу.

«Благодарю Тебя, Владыко преблагий, славлю пресвятое Имя Твое, яко не оставил мя еси раба Твоего, и от враг наших избавил ны еси. Тии спяти быша и падоша, мы возстахом и исправихомся!..»

Как истинный христианин, Александр Ярославич скромно умалчивал о своих подвигах, но, как вождь, он спешил вознаградить своих подвижников. Ничто не ускользнуло от его зоркого

взгляда. Лично распоряжаясь боем, он имел возможность видеть подвиги каждого, и сам охотно рассказывал о них, чтобы добрая слава его богатырей не умерла в потомстве. Летописец, рассказав все ему известное о ходе сражения, прибавляет: «Вся слышах от господина своего великого князя Александра и от инех, иже в то время обретошася в той сечи». «Уважая память Александра и желая почтить память его подвижников, которых он сам признал достойными этой памяти, — справедливо говорит историк, — мы считаем непременною обязанностию привести этот рассказ теми почти словами, какими он передан в летописи, и тем более находим это необходимым, что рассказ сей, заключающий в себе часть разговор Александра, часть свидетельство других участников Невского боя, превосходно характеризует дух того времени. «Здесь явились в полку Великого Князя Александра Ярославича шесть мужей храбрых, которые крепко мужествовали с князем. Первый был именем

Гаврило Олексич, он наехал на шнеку и, видя, что несут королевича под руки, взъехал до самого корабля по той же доске, по которой несли королевича, и когда, оттолкнувши лодку, сбросили его в море вместе с конем, то он снова бросился к кораблю и вступил в бой с самим воеводою и так крепко бился, что убил и воеводу и бискупа. Другой был новгородец Сбыслав Якунович; этот много раз въезжал в самые густые полчища неприятеля с одним только топором и так безстрашно рассекал толпы противников, что все дивились его силе и храбрости. Третий Яков Полочанин, ловчий князя, с своим мечом один ударил на целый полк неприятелей и так мужественно и крепко поразил их, что сам князь похвалил его. Четвертый новгородец, именем Миша, собрав дружину соратников, пеший бросился в море и погубил три корабля шведов. Пятый был некто из младших воинов, по имени Сава, он наехал на большой златоверхний шатер королев и уронил его, подсекши столп, и тем

возвестил победу полкам Александровым, которые, видя падение шатра неприятельского, возрадовались. Шестой мужественный воитель был слуга Александров Ратмир, сей пеший бился и погиб от ран, врубившись в толпу шведов».

Потери новгородцев были весьма незначительны, всего с ладожанами двадцать человек. Так недорого обошлась славная победа! Нам невероятными представляются эти известия, «да и немудрено, — замечает историк, — им дивились современники и даже очевидцы». Но чего не может совершить беззаветная удаля и самоотверженная любовь к родине, одушевленная надеждой на небесную помощь! Успех русских много зависел от быстроты, неожиданности нападения. В страшном замешательстве и переполохе разноплеменные враги, обманувшись в своей надежде на богатую добычу и раздраженные неудачей, может быть, бросились избивать друг друга и продолжали кровопролитный бой между

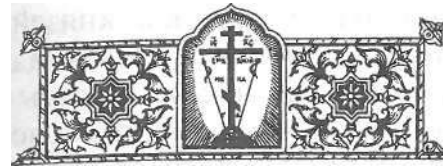
собою и на другом берегу Ижоры. Но более всего, без сомнения, победа зависела от личных достоинств вождя, который, «бе побеждая везде, а непобедим николиже». Недаром современники и потомство дали Александру Ярославичу славное имя Невского. Его орлиный взгляд, его мудрая сообразительность, его юный энтузиазм и распорядительность во время боя, его геройская отвага и разумно принятые меры предосторожности, а главное — небесное содействие ему всего вернее обеспечили успех дела. Он сумел воодушевить войско и народ. Самая личность его производила чарующее впечатление на всех, кто его видел. Незадолго до славной Невской победы в Новгород приходил магистр ливонский Андрей Вельвен, «хотя видети мужество и дивный возраст блаженного Александра, якоже древле царица южская прииде к Соломону видети премудрость его. Подобно тому и сей Андрияш, яко узре святаго великаго князя Александра, зело удивился красоте

лица его и чудному возрасту, наипаче же видя Богом дарованную ему премудрость и непременный разум, и не ведяше како нареши его и в велице недоумении бысть. Егда же возвратился от него, и прииде восвояси, и начат о нем поведати со удивлением. Прошел, рече, многи страны и языки, и видех многи цари и князи, и нигде же такова красотою и мужеством не обретох ни в царех царя, ни в князех князя, ако же великий князь Александр». Для объяснения тайны этого обаяния недостаточно указания только на отвагу и предусмотрительность. Одновременно с этими качествами в нем было нечто высшее, что неотразимо влекло к нему: на челе его сияла печать гения. Как яркий светильник, горел в нем явно для всех дар Божий. Этим-то даром Божиим все любовались в нем. Прибавим к этому его искреннее благочестие. Подобно слову Божию о Немвроде, он также был воин «пред Господом». Вдохновенный вождь, он умел вдохновлять народ и войско. Всего ярче отражается

светлый образ невского героя в летописях, писанных большею частью современниками. Каким теплым чувством, каким, можно сказать, благоговением дышат их безыскусственные рассказы! «Как дерзну я, худой, недостойный и многогрешный, написать повесть об умном, кротком, смысленном и храбром великом князе Александре Ярославиче!» — восклицают они. Изображая его подвиги, они сравнивают его с Александром Великим, с Ахиллом, с Веспасианом — царем, пленившим землю иудейскую, с Сампсоном, с Давидом, по мудрости — с Соломоном. Это не риторическая прикраса. Все это подсказано глубоко искренним чувством. Подавленный страшным нашествием татар, русский народ инстинктивно искал утешения, отрады, жаждал того, что хотя несколько могло бы поднять и ободрить упавший дух, оживить надежды, показать ему, что не все еще погибло на святой Руси... И он нашел все это в лице Александра Ярославича. Со времени Невской победы

он сделался светлой путеводной звездой, на которой с горячей любовью и упованием сосредоточил свои взоры русский народ. Он стал его славой, его надеждой, его утехой и гордостью. Притом он был еще так молод, так много предстояло ему еще впереди...

Римляне побеждены и посрамлены! — радостно восклицали новгородцы, — не свея, мурмане, сумь и емь — *римляне!*.. В этом выражении, в этом названии побежденных врагов римлянами народный инстинкт верно угадал смысл нашествия. Народ прозревал здесь посягательство Запада на русскую народность и веру. Здесь, на берегах Невы, со стороны русских дан был первый славный отпор грозному движению германства и латинства на православный Восток, на святую Русь.

VII

Утверждение немецкого владычества в Ливонии. — Войны немцев с русскими. — Падение Пскова. — Удаление Александра из Новгорода. — Возвращение его в Новгород и война с немцами. — Освобождение Пскова. — Ледовое побоище. — Небесная помощь. — Религиозный характер борьбы. — Мир с немцами. — Значение Чудской победы.

Немедленно после победы над шведами Александру Ярославичу пришлось бороться с другими, еще более опасными врагами — немцами.

На восточном побережье Балтийского моря, там, где теперь Лифляндская и Эстляндская губернии, с незапамятных времен жили финские и латышские племена. Этот край, известный под общим названием Ливонии, находился в зависимости от русских —

от Новгорода и полоцких князей. Там находились издавна русские владения. Ярослав Мудрый построил здесь город Юрьев. По берегам Двины полоцким князьям принадлежали две волости с городами Кукейнос и Герсик. Благодаря сношениям с русскими туземцы постепенно знакомились с их верой и обычаями. Можно было надеяться, что весь край понемногу делается русским православным. Но вот в XIII столетии здесь впервые появились немцы и стали силой принуждать ливонцев креститься. Папа объявил против них крестовый поход, обещая отпущение грехов всем участникам похода. Второй немецкий епископ — Бартольд прибыл в Ливонию со значительным отрядом.

— Отпусти войско домой! — говорили ему туземцы. — Убеждай словами, а не палками!

Но немцы не послушались ливонцев. На место убитого в бою Бартольда явился также во главе крестоносного ополчения новый епископ — Альберт.

Этот замечательный человек отличался железной волей и необыкновенно проницательным и хитрым умом. Его энергия поистине изумительна. Вполне справедливо считают его главным основателем немецкого владычества в прибалтийском крае. В 1200 году Альберт основал при устье Двины город Ригу и населил его вызванными из Германии жителями, но скоро он придумал другое, более верное и быстрое средство овладеть краем — основание Ордена воинствующих братии. То были иноки, дававшие Богу, между прочим, обет распространять оружием католичество. Таких военно-монашеских обществ было уже несколько в распоряжении Пап. Иннокентий III благословил предприятие Альберта, и в 1202 году основан был орден Меченосцев. Иноки-воины должны были носить белый плащ с красным мечом и крестом. Первым магистром Ордена был Винно фон Рорбах.

С того времени загорелась беспощадная кровавая борьба между непро-

шенными пришельцами и ливонцами. Рыцари оружием обращали туземцев в католицизм, захватывали их земли, их самих обращали в рабство, упрочивая свое владычество крепкими замками. Ливонцы ожесточились и не раз поднимали восстания, причем жестоко расправлялись с рыцарями, попадавшими им в руки. Ненависть к немцам они перенесли на самое христианство: они бросались в Двину, чтобы смыть с себя крещение, которое казалось им символом рабства. Но из Германии безпрестанно прибывали новые отряды закованных в железо рыцарей и умирляли туземцев. Ужасны были эти войны! Нередко немцы истребляли все мужское население, забирая в плен женщин и девиц, жилища выжигали дотла, а скот уводили с собой. На пепелище сожженных селений свирепые крестоносцы, при воплях пленных, устраивали шумные и отвратительные пиршества, с музыкой и плясками, причем вино лилось рекой... Недаром Папы сзывали в поход даже поджигателей и других

преступников, отпуская им все грехи, лишь бы приняли крест. Несчастные ливонцы стали покидать свои жилища и селиться в непроходимых лесных чащах или в подземельях. Но не всегда и здесь им удавалось укрыться от врагов. Однажды немецкий отряд заметил одно из таких подземелий. Немедленно при входе в него разложены были костры, и до тысячи человек туземцев было задушено дымом. Ливонцы преследовались, как дикие звери, гонимые из одной берлоги в другую. Среди непрерывной резни не было времени для погребения трупов, которые валялись всюду и, разлагаясь, заражали воздух. Иногда туземцы, доведенные до отчаяния, пытались просить мира, но всякий раз получали беспощадный ответ: крещение или смерть!.. Глубоко затаив в сердце ненависть к своим поработителям, ливонцы утешали себя надеждами на лучшую будущность за фобом. «Ступай, несчастный, из этого мира, где над тобою господствовали немцы, в лучший мир, где уже не они над тобою, но ты будешь

господствовать над ними!» Таким напутствием провожали туземцы своих покойников в загробный мир.

Папы всеми силами старались ускорить завоевание Ливонии. В промежутке между 1216—1240 годами можно насчитать до сорока папских посланий, выражающих большую заботливость Пап о тех, которые шли на помощь «святой земле, вновь приобретенной в Ливонии». Но конечной целью всех стремлений Пап было порабощение Русской Церкви. Завоевание Ливонии было лишь первым шагом на этом пути. В своих посланиях Папы называют русских нарушителями католической веры, повелевают отнюдь не слагать оружия и не заключать мира с язычниками и русскими, требуют, чтобы русские в Ливонии принуждаемы были к латинству, наконец, объявляют всю Русскую землю на вечные времена собственностью святого Петра и грозно предписывают рыцарям искоренять «проклятый греческий закон и присоединять Русь к Римской Церкви».

С утверждением немецкого владычества в Ливонии мы встречаем в ней в миниатюре все черты, которые отличали тотдашний западноевропейский быт; мы видим здесь и стремления Пап, желавших господствовать над совестью всех народов, и «культуру» немцев с их стремлением к владычеству над всем миром и над всеми народами, и феодализм с рабством и угнетением простого народа, и пресловутое рыцарство со всеми его уродливыми проявлениями, и кулачное право» и бюргерство, и так далее. Словом, полное экономическое и духовное порабощение! Вот что приносилось к финнам и латышам, а затем и к русским под священным знаменем веры!..

Как же поступали русские ввиду надвигавшейся грозы? Задача отразить пришельцев на первых же порах выпала на долю новгородцев и полоцких князей. Но две причины мешали успешным действиям русских: своеволие и рознь. Новгородцы заняты были своими нескончаемыми внутренними рас-

прями, происками и борьбою различных партий. С другой стороны, полоцкие князья никогда не были в близком единении с другими русскими князьями, вели между собою усобицы, боролись со своими же гражданами. Тем не менее с 1206 года начинается непрерывный ряд кровопролитных войн между русскими и немцами, причем ливонцы обыкновенно помогали русским, надеясь с их помощью вернуть свою свободу. Из русских владений в Ливонии пред «железными людьми» первым пал Кукейнос. Узнав о грозных приготовлениях немцев, русские, забрав свое добро, сами зажгли город и ушли далее на восток, а окрестные туземцы разбежались по дремучим лесам, спасаясь от свирепости крестоносцев. Затем очередь дошла до Герсика. Князем этой области в то время был Всеволод, страшный враг латинян. Епископ Альберт составил коварный план внезапного нападения на Герсик. Это ему вполне удалось. Князь едва успел бежать в лодках, но его жена и вся до-

машняя прислуга попались в плен. Город был предан разграблению. Не довольствуясь награбленным в большом числе имуществом, «добрый и верный пастырь» Альберт приказал разрушить православные храмы и обобрать святые иконы, украшения и колокола. Целый день продолжались неистовства. На другой день, уходя с награбленным добром и пленными, немцы зажгли город. Всеволод находился на другом берегу Двины. Увидав пожар, он жалостно вскрикнул: «Герсик, Герсик! Любимый город, дорогая моя отчина! Довелось увидеть мне, несчастному, пожар твой и гибель моих людей!» Епископ и рыцари, поделив добычу, с княгиней и пленными возвратились в Ригу. Всеволод должен был явиться к Альберту и униженно молить об освобождении своей супруги и русских пленников. Его просьбу исполнили под условием уступки своей волости «в дар Святой Богородицы», то есть во власть самих немцев... Впоследствии Всеволод погиб при вторичном нападении

врагов. Наконец пал и Юрьев, первое и самое крупное поселение русских в Ливонии. Там княжил Вячко, или Вячеслав, изгнанный немцами из Кукейноса. Он также был непримиримым врагом латинства. Немцы платили ему равную ненавистью и решились жестоко покарать его. Огромное ополчение рыцарей ордена, слуг Римской Церкви, пришлых крестоносцев и немецких поселенцев края окружили город 15 августа 1224 года, в тот роковой 1224 год, когда русские впервые увидели татар. Защита была упорная, немцы собрали военный совет: «Не станем терять времени и сделаем решительный приступ. Взяв город, проучим жителей — в пример другим! До сих пор мы поступали слишком милостиво, оттого другим не задано надлежащего страха. Первый, кто взойдет на стену, будет превознесен почестями, получит лучших лошадей и знатнейшего пленника, исключая князя. Ему не будет пощады! Мы повесим его на самом высоком дереве!..» На следующее утро начался

Русские отчаянно боролись, "реди общей схватки брат епископа Иоганн фон Аппельдерн с огнем в руке первый начал взбираться на вал, за ним бросались другие, стремясь взойти на стены раньше товарищей. Началась ужасная резня. Пощады никому не было. Русские были все перебиты. Немцы окружили город со всех сторон и таким образом преградили путь к бегству. Из всех мужчин оставили в живых только одного. Его посадили на лошадь и отправили известить новгородцев о судьбе Юрьева. Новгородскому летописцу пришлось записать грустное событие: «Того же лета убита князя Вячка немцы в Гюргеве и город взяша...»

Причины успехов немцев зависели, главным образом, от образа действий самих русских: они действовали, по обыкновению, не дружно. В самые решительные минуты то одни, то другие оставляли поле сражения и даже вступали в союз с немцами. В 1228 году князь Ярослав Всеволодович собрался

было в поход против немцев и привел с собою свои переяславские полки. Естественно, что он желал соединить силы Новгорода и Пскова для дружного отпора врагам. Но псковичи наотрез отказались идти в поход и поспешили заключить отдельный мир с немцами дав им и заложников с тем, чтобы немцы помогли им в случае разрыва с Ярославом и новгородцами.

— Идите со мною в поход! — звал Ярослав псковичей. — Я зла на вас не думал, выдайте мне тех, кто оговорил меня перед вами.

— Клянемся тебе, князь, и вам, братья-новгородцы, но в поход не пойдем. С рижанами мы заключили мир. Своей братьи не выдадим... Немцев вы только дразните, а нам приходится отвечать за это...

— Без своей братьи псковичей и мы нейдём! — закричали новгородцы на вече. — А тебе, князь, кланяемся...

Ярославу ничего более не оставалось, как отпустить домой свои переяславские полки.

«Можно ли было при таких отношениях успешно бороться с немцами!» — справедливо восклицает историк.

Новгородцы и псковичи жестоко ошибались, если полагали, что могут ужиться в мире с немцами. Они не могли конечно, ясно сознавать, что их вражда с опасными соседями — одно из проявлений великой вековой борьбы, которая не с ними началась, не с ними и кончится, но они должны были бы хорошо помнить, что православных русских немцы считали такими же язычниками, как и ливонцев. Можно было предвидеть, что после покорения Ливонии немцы устремятся далее на Восток. Так, действительно, и случилось. Папа неотложно требовал дальнейшего распространения его власти над русскими. Дерптский епископ Герман первый начал составлять ополчение. Собралось множество рыцарей. Без объявления войны немцы бросились на Изборск и взяли его приступом. «Из русских никто не был оставлен в покое. Убивали или забирали

в плен всех, кто только осмеливался защищаться. Вопль и стоны раздавались по всей земле!» — говорит с торжеством современный немецкий летописец. В самую годовщину Невской победы псковичи поспешили было выступить против неприятелей, но потерпели поражение. Русские, по словам немецкого историка, бежали, «отчаянно прищпоривая и прихлестывая своих лошадей, и лес оглашался стонами и проклятиями». По пятам бежавших немцы, не теряя времени, устремились к Пскову. Измученные псковичи, не имея времени перевести дух после поражения, не могли защищаться. С ужасом смотрели они на лагерь неприятелей. Кругом горели неукрепленные местности, селения и храмы Божий. Наконец, псковичи, после недельной осады, сдались немцам, которые и вступили в обладание всеми землями, принадлежавшими псковичам. То был громкий успех! Весть о нем быстро распространилась, и новые толпы текли из Западной Европы для продолже-

ния столь успешно начатых завоевали. В то время, как многие из несчастных псковичей бежали из родного города со своими семействами и появились в Новгороде, прося крова и защиты, новгородцы с ужасом узнали, что немцы напали уже на новгородские области. Намерение врагов овладеть Новгородом было очевидно. Забирая новгородские земли, немцы в то же время жестоко опустошали их. Поселяне с жалобами сбегались в город. «Не на чем орать по селам». Успехи немцев были быстры и решительны. Овладев новгородскими пригородами, неприятели показали в местности, непосредственно прилегающей к Новгороду, не далее тридцати верст, и хватали новгородских и приезжих торговцев.

Что же знаменитый неевский герой, князь новгородский?! Отчего он допустил врагов причинить так много зла его землям? Увы, его в это время не было в Новгороде. Несмотря на все его высокие и благородные качества, несмотря на укоренившуюся к нему любовь на-

рода, несмотря на славу, покрывшую его после Невской победы, неблагодарные новгородцы не могли ужиться с ним в мире. Даже ввиду страшной опасности от врагов они не могли отстать от своей привычки к мятежам и волнениям. Скоро они заметили, что их молодой князь, начав править самостоятельно, обнаруживает не одни только блестящие качества полководца, но твердую волю и сильный ум правителя: усвоив себе взгляды отца, деда и прадеда, он, очевидно, начал выказывать стремление положить конец внутренним смутам и бестолковому кричанию на вечях, производящему лишь «разньствие в братии». Мы не знаем достоверно, в чем заключалась сущность распри, возникшей между князем и новгородцами. Известно только, что новгородцы «распрение некое показаша, возропташа на святого великого князя Александра Невского, крамоляще, молву составляюще в людех», — явление, обычное в Новгороде, но вовсе не подходившее к тяжелым обстоятельствам, среди которых

приходилось жить на Руси с начала XIII столетия! В справедливом гневе на неблагодарный город Александр Ярославич, по примеру отца, с матерью, супругой и со всем двором отъехал в Суздальскую землю — в Переяславль. Это было зимою 1240 года. Там он спешил прежде всего исполнить, вероятно, давнее желание своего сердца — основать Александровский монастырь с храмом во имя святого мученика Александра Пермского. Очевидно, среди благочестивых трудов, подобно своим предкам, он жаждал найти отдых от бранных тревог и забот правительственных. Но недолго пришлось ему пробывать на родине. Новгородцы скоро увидели все свое неразумие: близость врагов напомнила им об Александре. Чувствуя свою вину перед ним, они не посмели обратиться прямо к нему. Посольство из Новгорода явилось к Ярославу Всеволодовичу с просьбою дать Новгороду князя. Вероятно, новгородцы надеялись, что Ярослав Всеволодович догадается прислать им стар-

шего сына. Но они ошиблись. Ярослав прислал им другого своего сына — Андрея. Но не Андрей нужен был новгородцам, — им нужен был Александр. Новое посольство из лучших людей Новгорода, с самим архиепископом во главе, отправилось к Ярославу с поручением усердно просить о возвращении Александра. Дело шло не об одном Новгороде, а касалось всей Русской земли — и Александр решил явиться на помощь новгородцам. Честь и слава великой душе, забывающей оскорбления ввиду священного долга! Вероятно, пользуясь обстоятельствами, Александр постарался какими-нибудь обязательствами ограничить волю новгородцев, чтобы иметь более свободы действий на будущее время. С прибытием князя все ожило в Новгороде. Народ встретил его с неподдельною радостью. Немедленно вокруг доблестного вождя собралось ополчение. Александр быстро двинулся к Копорью, где укрепились немцы, и взял его. Много неприятелей пало

от оружия новгородцев, много попало в плен. Александр Ярославич строго покарал изменивших русским ливонцев и новгородских изменников. Очевидно, крамолы и измены особенно ненавистны были прямодушному герою, потому что, с другой стороны, с пленными немцами он поступил совсем иначе: только некоторых из них привел с собою в Новгород, а остальным возвратил свободу. Милостив был «паче меры!» — как бы с легким укором замечает летописец.

Но для освобождения Пскова одних новгородских сил было недостаточно. Поэтому Александр отправился к отцу в Суздальскую землю просить подкреплений. Ярослав Всеволодович согласился отпустить свои полки, и Александр со свежими силами и с братом Андреем возвратился в Новгород. По своему всегдашнему обыкновению, благочестивый князь прежде всего явился во храм святой Софии и в горячей молитве со слезами просил у Господа сил благословения на новый подвиг. Здесь же он

возвестил поход на немцев, похвалявшихся «укорить еловеньский язык», и, не теряя времени в ожидании, пока соберется новгородская рать, поспешил занять все дороги, ведущие к Пскову. Немцы еще не успели узнать о предполагаемом походе, как Александр уже находился под стенами Пскова. Город без особенного труда был освобожден. Немецкие наместники были закованы в цепи и отправлены в Новгород. Псков был объявлен свободным. Немедленно после того Александр устремился на немецкие земли. По приказу князя новгородцы опустошили их на большое пространство, причем погибло много неприятелей, не ожидавших такой быстроты нападения.

Страшная весть об освобождении Пскова, подобно громовому удару, поразила ливонских немцев. Вся Ливония пришла в движение. Быстро собиралось громадное немецкое ополчение. Немцы решили покончить с новгородским князем, подобно Вячеславу. Первый магистр Ордена и «честные биску-

пы» были вполне уверены в успехе. «Пойдем, погубим великого князя русского, возьмем Александра живым в плен!» — хвастливо говорили рыцари. Эти гордые надежды имели свое основание: все, кто видел многочисленность неприятельского войска, со страхом говорили о «силе немецкой». Но, надеясь на помощь Божию, невский герой не пал духом. «Воин пред Господом», выступая на решительный бой, он и в Пскове еще раз спешит подкрепить свой дух молитвою. Над стенами кремля, детинца, величественно возвышается соборный храм Святой Троицы — святыня, столь же дорогая народному сердцу Пскова, как святая София Киеву и Новгороду. Псковичи считали своих врагов врагами Святой Троицы; за Святую Троицу они всегда готовы были положить свои головы. Первоначальное основание храма приписывается святой Ольге. Впоследствии храм был построен из камня святым князем Всеволодом-Гавриилом. В главном храме, по левой стороне, между колонна-

ми — серебряная рака с мощами благодетеля и защитника Пскова святого благоверного князя Всеволода-Гавриила и икона его супруги, весьма древняя и близкая к подлиннику. Здесь-то и пролил слезы, вознося теплые молитвы, Александр Ярославич. Без сомнения, он призывал на помощь святого заступника Пскова, прося его ходатайства перед Богом за свой город. Вместе с князем усердно помолились и его сподвижники и граждане Пскова. Приняв благословение от пастырей церкви, князь выступил навстречу врагам. Время было зимнее. Пользуясь удобными путями, передовые полки Александра должны были выследить движение неприятелей. К несчастью, легкие отряды наткнулись на главные силы врагов. Немцы с яростью бросились на русских и разбили их. Часть войска попала в плен, другие бежали к Александру с печальным известием о постигшей неудаче. Однако успех неприятелей, по видимому, принес им больше вреда, чем пользы. Немцы приняли передовой от-

ряд за главные силы русских и с большою самоуверенностью двинулись вперед. Они шли по направлению к Пскову по льду Чудского озера. Передовые русские полки отступали перед неприятелями. Между тем к Александру постоянно подходили новые отряды новгородцев, вполне готовые к бою. Главные силы русских сосредоточивались у скалы Вороний камень, получившей свое название от множества кружившихся там воронов, на Узмени, при повороте из Чудского озера в Псковское. С высоты уступа Александр внимательно следил за движениями неприятельского войска. Перед ним на далекое пространство расстиралось к северу Чудское озеро с низменными, поросшими лесом берегами, и по льду его, сверкая издали доспехами, двигалось стройное рыцарское ополчение.

Что передумал, что перечувствовал в эти мгновения невольный герой?! Глубокое сознание собственной правоты, невозможность какой-либо уступки врагам, покушавшимся на свободу

родины, на веру, на все, что дорого человеку на земле, мысль о тех бедствиях, которые враги уже причинили русскому народу, об их гордых притязаниях — все это с быстротою молнии пронеслось у него в уме, и из глубины души вырвалось у него восклицание, потрясшее сердца русских.

— Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом! — громко произнес он, воздев руки к небу. — Помоги мне, Господи, как некогда прадеду моему Ярославу против Святополка Окаянного.

Громкие восклицания окружавших его полков раздались в ответ на эти слова:

— О дорогой и честный наш княже! Пришло время! Мы все положим за тебя свои головы!

Одно чувство общего одушевления пронизало сердца русских. Все горели нетерпением сразиться. Для страха не было места.

Была суббота, день 5 апреля 1242 года, на восходе солнца, когда перед рус-

скими открылся клинообразный строй немецкого войска, который русские называли *свиньею*. Этот строй страшен для слабого войска, которое он рассекает надвое и дробит на мелкие отряды, подобно скале, разбивающей морские волны. Рассеянные неприятели, теряя между собою связь и вместе с тем присутствие духа, разбегаются в разные стороны. Но не таковы были полки Александра. Несокрушимой стеной двигались вперед «железные люди», стремясь пройти как можно дальше сквозь густые полки русских. Они и прошли. Но дорого стоил им этот путь. Русские не смутились смелым натиском неприятелей и мужественно поражали их с разных сторон. Множество рыцарей пало под ударами топоров и мечей русских. Немцы озираются кругом и, вместо ожидаемого расстройства и рассеяния врагов, с ужасом видят, как ряды русских плотно смыкаются живою стеной. Грозные взоры русских, их сверкающее оружие, дымящееся неприятельской кровью, их готовность

броситься на врагов смутили немцев. Александр Ярославич только и ждал этого психологического момента боя. Подобно вихрю, налетел он на оторопелых врагов, совершив искусное обходное движение, и ударил на них с отборными полками с той стороны, откуда они вовсе не ожидали нападения. Военная хитрость Александра вполне удалась. Весь боевой план немцев расстроился. Тогда началась ужасная сеча. Поднялся невообразимый шум от частых ударов мечей по щитам и шлемам, от треска ломавшихся копий, от разрывов льда, от воплей сраженных и утопавших. Казалось, все озеро всколыхнулось и тяжело застонало... Лед побагровел от крови... Правильного боя уже не было: началось избиение врагов, упорно боровшихся до позднего вечера. Зато и потери их были громадны. Многие пытались спастись бегством, но русские настигали их. Озеро на протяжении семи верст покрылось трупами, вплоть до Суболичского берега. Много славных

рыцарей пало в бою и попало в плен. Войско, недавно еще столь грозное и блестящее, более не существовало.

Без сомнения, то был один из самых светлых дней в истории Пскова, когда победоносный вождь с торжеством возвращался в город. Весь народ в праздничных нарядах вышел встречать победителя. Впереди шло духовенство — игумены и священники со святыми иконами и крестами, в светлых ризах. Вот он, освободитель, герой, защитник веры и родины, впереди своих славных полков. Близ его коня — пятьдесят знатнейших пленных. Какой печальный вид у них, у этих недавно столь гордых завоевателей Пскова! Позади войска — множество простых пленных... Несмолкаемый гул радостных восклицаний раздался в воздухе. Все славили Бога и верного раба Его Александра Ярославича.

— Пособивый, Господи, кроткому Давиду победити иноплеменники и верному князю нашему оружием крест-

ным, свободи город Псков от иноязычных и от иноплеменник рукою великого князя Александра Ярославича!

— Прославил Бог великого князя Александра Ярославича перед всеми полками, яко Иисуса Навина у Ерихона! Вот говорили немцы: возьмем великого князя Александра руками... Но Бог предал их в руки его, и не нашлось ему противника в брани!

Общий восторг сменился слезами умиления, когда благочестивый герой, сойдя с коня, поклонившись, с благоговением приложился к святыне и принял благословение. Не гордость победителя — чувство благодарности к Богу озаряло его прекрасное одушевленное лицо. Вступив в город, Александр Ярославич прежде всего поспешил во храм Святой Троицы излить свою душу в благодарной молитве. Светлое торжество, без сомнения, продолжалось несколько дней. Псковичи радушно угощали победителей. Общее одушевление сказывается в словах ле-

тописца: «О неведгласи Пьсковичи! — восклицает он, как бы рассердившись при одном предположении неблагодарности со стороны псковичей. — Аще забудете великого князя Александра Ярославича, или отступите от него или от детей его, или от всего роду его, уподобитесь жидомъ, их же препита Господь в пустыни крестелми печеными, и сих всех забыша благ Бога своего, изведшаго их из работы Египетския Моисеом, се же вам глаголю: аще кто приидет и напоследок рода его великих князей, или в печали приедет к вам жити в Псков, а не примете его, или не почтите его, наречетеся вторая жидова».

Отраднее всего замечать, что предки наши, далекие от ропота на Бога в несчастиях, смиренно признавая их за справедливое наказание Божие за грехи, не превозносились суетною гордостью среди торжества победы. Все успехи свои они приписывали помощи Божией. Глубоко религиозным, почти библейским духом веет во всех расска-

зах, дошедших до нас. Да и немудрено: охраняя свой вертоград, Десница Божия, видимо, помогала в этой борьбе, где прежде всего стоял вопрос о чистоте веры. Сам виновник победы подвигся на брань, потому что «вельми оскорбе за кровь христианскую». Он поспешил, забыв обиды, в Новгород, «разгоревся духом и своею ревностию по Святой Троице и по святей Софии». Не уверенность в человеческих силах руководила им, напротив, выступая из Новгорода, он «поклонился святей Софии с мольбою и плачем». В решительный момент боя он, «вздв руке на небо», призывает Бога. Он разгромил врагов, «победив силою Божиею и святых Софии и святого мученика Бориса и Глеба». «Се же слышах от самовидца, — говорит летописец, — рече ми: яко видех полки Божия на вздусе, пришедше на помощь великому князю Александру Ярославичу». Не забывает летописец заметить, что самый бой произошел 5 апреля «на Похвалу Святыя Богородица»...

Как бы в ознаменование непрекращающегося покровительства Божия, Псков вскоре обрадован был дивным проявлением благодати Божией. «Господи, слава Тебе! — восклицает по этому поводу летописец. — Давый нам, недостойным рабом Своим, такое благословение, и на Тя уповаем, Господи Вседержителю, яко призираеши на нас убогих Своею милостью, Человеколюбче!»

Разделив радость торжества с псковичами, Александр поспешил в Новгород. Без сомнения, новгородцы не отстали от псковичей в выражении сердечной благодарности Богу и восторга по случаю славной победы, о которой память хранилась у них очень долгое время. Даже в конце XVI столетия в храмах возносились молитвы об упокоении братии, павших на льду Чудского озера, как свидетельствуют об этом синодики новгородские.

Скромный герой не превозносился своими славными победами, но его «прослави Бог»: со времени Ледового

побоища, по словам летописца, «нача имя слыти великаго князя Александра Ярославича по всем странам, от моря Варяжскаго и до моря Понтъскаго, и до моря Хупожьскаго, и до страны Тиверийскыя, и до гор Араратьских, об ону страну моря Варяжскаго, и гор Аравитьских, даже и до Рима великаго: распространи бо ся имя его пред тмы тмами и пред тысящи тысящами».

Между тем как на Руси радовались по случаю победы, по Ливонии разносилась потрясающая вестъ о разгроме немецкаго ополчения и исполняла всех ужасом. Немцы со дня на день ожидали Александра под стенами Риги. Магистр ордена немедленно отправил посольство к датскому королю просить неотложной помощи против *неверных*. Судя по себе, наши враги не могли предполагать, что их благородный победитель считает своим нравственным долгом жить, «не преступая в чужая части». Для него довольно было и того, что он навел страх на врагов, от кото-

рого они долгое время не могли прийти в себя, и заставил их уважать русское имя. Пробыв немало времени в тревожном ожидании, немцы понемногу успокоились и спешили заключить с новгородцами мир. Полты их явились в Новгород с дарами и поклонами. Александра в это время не было в Новгороде, и новгородцы «без князя» самостоятельно вели переговоры. Немцы отказывались от всех своих последних завоеваний и уступали значительную часть своих земель. Заключенный мир был свято исполнен.

«Так печально окончилось предприятие Ордена против русских! — с грустью восклицает немецкий историк. — Храбрый Александр принудил рыцарей к миру». Для русских победа на льду Чудскаго озера имеет огромное значение: здесь указан предел распространению немецкаго владычества, здесь Сам Бог рассудил вековой спор германцев и славян, оградив навсегда наше отечество от опасных иноземцев. Что было бы с нашей северо-

восточной окраиной, с Новгородом, с Псковом, с прилегающими к ним землями, если бы успех остался за врагами?! Пример несчастной Ливонии дает нам ясный ответ на это. Кто знает, может быть, нам никогда впоследствии не пришлось бы и думать о приобретении берегов Балтийского моря, о тех славных задачах, которые одушевляли Петра Великого...

VIII

Литовцы и Тевтонский орден. — Набеги литовцев на Русскую землю. — Семь побед. — Кончина великой княгини Феодосии. — Продолжение борьбы с Литвою. — Характер войн святого Александра Невского.

По восточному побережью Балтийского моря, от устьев Вислы до Западной Двины, расстилается равнина, на которой с незапамятных времен поселилось литовское племя, близко родственное по языку и происхождению с племенами славянскими. Невеселый, глухой и бедный край! Песчано-глинистая почва, множество рек, озер, болот, непроходимые лесные чащи, где преобладают дуб и сосна, с множеством зверей, изредка встречающиеся холмы и пригорки — такова природа страны,

среди которой, под надежной защитой лесов и болот, долгое время, как бы всеми забытые, жили бедные литовские племена, пока соседние с ними полоцкие и волынские князья не начали мало-помалу подчинять их своей власти. Но что было взять у бедных литовцев! Скот, звериные шкуры, лыки и венники — вот в чем состояла вся добыча русских... В свою очередь литовские князья делали набеги на соседние русские области, созвав своих дикарей звуком трубы «на четыре стороны».

Встреча русских с литовцами как бы заранее предreshала судьбу этого племени. Их язычество должно было пасть перед светом истинной веры. Русские превосходили их своею гражданственностью. При большем знакомстве литовцев с русскими между обоими народами мало-помалу начинала устанавливаться близкая связь. Кроткий, невоинственный характер литовцев позволял надеяться в более или менее близком будущем на мирное сожительство, если не на полное слия-

ние двух родственных народов. «Для литовских князей союз с русскими был необходимостью, которая обуславливалась всей историей Полоцкой и Литовской земли; Литву тянула к Руси сама история, сама жизнь; в течение веков Литва так сроднилась и срослась с Русью, что не могла без нее жить. Войны и разбойнические набеги, как они ни были часты, не могли разорвать этой связи, сложившейся веками».

Но вот и к литовцам явились непрощенные гости — немцы, под знаменем креста и цивилизации попиравшие все священное и драгоценное человеку. В 1231 году на берегах Вислы впервые увидели суровых крестоносцев. То были иноки-рыцари Тевтонского Ордена, прибывшие сюда из Палестины. Только немцы, и притом дворянского рода, могли быть членами этого общества. Черная туника и белый плащ с черным крестом на левом плече отличали их от других воинствующих братьев. Литовское племя — пруссы, обитавшие по нижнему течению Вислы,

с негодованием увидели, как незнакомые пришельцы, высадившись близ векового священного дуба, начали воздвигать свое укрепление. Как в Ливонии, так и здесь загорелась кровавая истребительная война. Вооруженные дубинами, каменными топорами и стрелами, пруссы не могли успешно бороться с завоевателями. За поражением, конечно, следовали насильственное крещение, рабство, тяжкие работы, всякого рода угнетение. Верховный владыка Ордена — папа спешил оказать свое содействие рыцарям, настоятельно призывая крестоносцев на дальнейшую борьбу с язычниками и щедро раздавая полное отпущение грехов. Наконец в 1237 году в своей резиденции, в Витербо, Папа Григорий IX благословил соединение двух орденов, Ливонского и Тевтонского, для более успешных действий против общих врагов — литовцев и русских, чем значительно увеличил силы немцев. Тогда литовцы оказались как бы сдавленными железным кольцом. Будучи охвачены с противополож-

ных сторон владениями двух соединенных орденов, они встрепнулись. Спавший дотол в своей берлоге зверь был встревожен и поднялся на ноги. Ввиду грозы, надвигавшейся с берегов Вислы и из-за Двины, литовцы быстро превратились из кроткого и мирного племени в диких озлобленных хищников и сделались сами грозою своих соседей. Отбиваясь от немцев, они начали ряд опустошительных набегов на соседние русские земли.

Таким образом, в то время, когда наше отечество, истерзанное татарами, можно сказать, едва дышало, свирепые хищники, отличавшиеся друг от друга происхождением, языком и религиею, как бы условившись между собою, собрались почти в одно время докончить дело восточных варваров. Едва прошел год после нашествия шведов, немцы овладевают Псковом. Непосредственно за повествованием о мире новгородцев с немцами, заключенном после Ледового побоища, летописцу приходится говорить о новых врагах: «В то время

(1242 год) умножишася языка литовскаго, и начата пакостити в области великаго князя Александра». С каждым годом возрастают затруднения, но не ослабевают изумительная энергия доблестного защитника отечества Александра Ярославича. Он всюду поспевает. Едва окончив одну борьбу, он уже громит новых опасных врагов. Великий человек не падает духом под ударами судьбы, напротив, его сильная воля еще более закаляется среди опасностей, которые смутили бы слабого.

Летом 1242 года, с получением первых известий о набегах литовцев, Александр с немногочисленным войском выступил навстречу врагам. Недостаточность сил он восполнял искусством и необыкновенною быстротою: за один поход ему удалось рассеять до семи неприятельских отрядов, причем много литовских князей было избито или взято в плен. Раздраженные опустошениями, новгородцы не щадили пленных: привязав их к хвостам своих лошадей, они гнали за собой нестройные толпы

неприятелей. Поход Александра достиг цели, хотя и ненадолго: с этого времени литовцы «начата блюстися имени его».

Около двух лет после того Александр Ярославич прожил спокойно в Новгороде. Но за это время пришлось ему понести тяжелую семейную утрату: в 1244 году в Новгороде скончалась его мать, «блаженная и чудная» великая княгиня Феодосия. Александр, отличавшийся нежностью родственных чувств, горько оплакивал кончину матери, но его скорбь смягчалась отрадным упованием, что дорогое его сердцу существо переселилось в лучший мир. Украшенная христианскими добродетелями, великая княгиня незадолго до кончины приняла иночество с именем Евфросинии.

В следующем, 1245 году, оправившись от понесенных поражений, литовцы вновь сделали набег на русские земли. Жестоко опустошив окрестности городов Торжка и Бежецка, они сбились уже с захваченной добычей

возвратиться на родину, но под стенами Торопца были настигнуты соединенными силами новоторжцев, тверичей и дмитровцев. Потерпев поражение в открытом поле, литовцы засели в Торопце. На утро следующего дня с неожиданной быстротой явился со своей дружиной и новгородцами грозный Александр. Появление его произвело великое одушевление и радость среди русских. Торопец в тот же день был взят. Литовцы в ужасе бросились бежать из города, надеясь на быстроту своих коней, но большею частью были иссечены русскими. Восемь князей их пало в битве. Вся добыча и пленные достались победителям. Довольные победой, новгородцы не захотели продолжать борьбы, но дальновидный князь их на этот раз решил иначе: с дикарями нельзя заключать мирных договоров — они нарушают их при первой возможности. Только страх перед силой, только тяжесть руки, наносящей сокрушительные удары, могут удерживать их от новых набегов. Как бы пред-

видя, что скоро нужды отечества надолго отвлекут внимание от западных врагов, Александр решился на этот раз дать литовцам урок, который остался бы у них в памяти. Поэтому, не желая терять времени на убеждения близоруких новгородцев, с одной своей дружиной, «со своим двором» Александр погнался за врагами, которые успели спастись бегством. Недолго пришлось ему отыскивать неприятелей. Бежав без оглядки после торопецкого погрома, литовцы остановились было передохнуть близ озера Жизца, в той же Торопецкой области, как вдруг нагрянул на них страшный новгородский князь и истребил всех до последнего человека, до последнего князя. Но этим дело не кончилось. Александр Ярославич прибыл в Витебск, где в то время княжил тесть его Брячислав. Там у деда гостил его сын. После кратковременного отдыха в Витебске, взяв с собою сына, Александр выступил в поход и встретился с новыми полчищами неприятелей близ Усвята (местечко в Витебской

губернии Суражского уезда, при озере того же имени). Неожиданное нападение Александра привело неприятелей в смятение: несмотря на свою многочисленность, они бросились бежать. Но Александр, не дав им опомниться, спешил нанести им решительное поражение.

Не чувство мести, не увлечение военной славой были причиной настойчивости Александра: им руководил верный расчет, внушенный заботой о благе родины. Дальнейшие события вполне оправдали его образ действий: в течение нескольких лет литовцы не осмеливались нападать на его владения. А может быть, проницательный гений Александра и в этих нападениях нового врага уже предугадывал проявление той же враждебной нам политики, которая толкала против нас силы Запада...

Отметим еще одну замечательную черту в этой борьбе Александра с западными врагами. Неумоимо сражаясь с ними, он в сущности всякий раз ве-

дет оборонительную войну и не стремится к захватам чужих владений, являясь в этом отношении вполне представителем своего народа. Его заставляет прибегать к оружию необходимость самозащиты. Мы не видим в нем ни одной черты, которая обличала бы славолубие или жажду добычи. Безкорыстный и великодушный, милостивый «паче меры», он, без сомнения, охотно отказался бы от военных лавров, если бы враги не вызывали его. Но, раз взявшись за меч, он уже не останавливается на полдороге, не довольствуется каким-нибудь частным успехом, достаточным для удовлетворения самолюбия вождя, но стремится достигнуть более или менее прочных результатов, насколько было возможно для него при тех незначительных силах, которыми он располагал. Своими победами он доказал западным врагам, что даже обесзсиленная, лишенная политической самостоятельности, святая Русь сумеет постоять за себя...

IX

Внутреннее состояние России в половине XIII века. — Невозможность борьбы с татарами. — Погребение Ярослава Всеволодовича. — Безпорядки во Владимире. — Грозный приезд Александра. — Отправление в Орду.

Несмотря на то, что Новгород не был завоеван татарами, доблестному новгородскому князю, которому «не обретется противник во брани никогда же», благодаря которому «королю части римския от полунощныя страны» не удалось обратить «в работу себе славянских людей», пришлось наравне с другими князьями испить горькую чашу унижения от свирепых завоевателей и принять от них честь, которая показалась Даниилу Галицкому «злее зла».

«Мне покори́л Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей?» В таких выражениях Батый прислал ему приказ явиться в Орду. «Если хочешь сохранить за собою свою землю, приходи ко мне: увидишь честь и славу царства моего».

Естественно недоумение: если в самую печальную эпоху монгольского ига могли же удаваться нам решительные победы, да к тому же над врагами вовсе не дюжинными, что же помещало нам, русским, имея во главе такого героя, сбросить позорное иго? В самом деле, не странно ли звучит после одушевленного рассказа летописца о знаменитых побоищах Невском и Чудском призыв-приказ «царя от восточныя страны»: «Аще мыслещи соблюсти землю твою невредиму, то потщися немедленно прийти ко мне», то есть прийти с поклонами?! И доблестный князь, краса и утешение своей земли, спешит исполнить волю варвара...

Рассмотрение обстоятельств того

времени даст нам вполне удовлетворительное объяснение этого факта.

На Западе мы имели дело с народами оседлыми, культурными, которые, имея свои собственные территории, высылали против нас избыток своих сил в виде более или менее значительных колоний или крестоносных дружин. Это не было в строгом смысле слова движение народов. С такими врагами Александр мог перевестись теми силами, которыми он располагал, силами земли Новгородской. Не то — восточные варвары. Благодаря кочевому быту они имели возможность переселяться целыми ордами в виде громадных масс. Это была стихийная, страшная сила, которую можно было победить также лишь с напряжением всех сил народных, при дружном участии всей Руси. Но вот этого-то условия и недоставало: у нас не было государственной централизации.

Мы знаем, что в Суздальской области князя, ближайшие предки Александра Невского, сознали всю неудов-

летворительность старых порядков, когда на Руси владело множество князей-родичей, едва признававших над собою власть старшего в роде, великого князя. Безспорно, наши князья и их дружины были храбры, мужественно боролись с врагами и, по выражению летописца, расплодили Русскую землю. Таково, по свидетельству историка, было назначение старой Руси: расплодить, распространить Русскую землю, наметить границы. Но нужно было подумать и о том, чтобы закрепить приобретенное, связать, сплотить части, дать им внутреннее единство. Иначе — какая могла быть польза в том, что была намечена обширнейшая территория, когда, при отсутствии государственной централизации, Русской земле неминуемо грозило распадение? Много ли пользы могла принести блестящая храбрость при отсутствии единой воли, которая направляла бы ее на благо родины, когда из-за пустяков всегда готова была возгореться ссора между князьями? Какой урок мог быть

красноречивее нашей первой встречи с татарами на берегах Калки? Русь выслала против них сонм своих князей-героев, но эти князья затеяли распрю и погубили рать... Занятые своими междоусобиями, переходя постоянно из одной волости в другую, князья не смогли и точнее определить своих отношений к подвластному народонаселению, не могли заняться установлением твердого порядка. Отдельные области имели также мало связи между собою. Когда нагрянули татары, граждане городов не снеслись между собою, не представляя даже возможности соединения своих сил для дружного отпора, и поодиночке погибли на развалинах. Сельское население представляло еще большую картину разброанности, чему немало способствовали обширность страны, безпредельный простор, беспрепятственность передвижения. Не привыкло и оно к соединению сил для преодоления затруднений, предпочитая уход — средство самое легкое при простоте быта. Так

князья с дружинами жили сами по себе, города сами по себе, сельское народонаселение само по себе...

Печальными чертами изображают наши историки внутреннее устройство удельно-вечевой Руси. По словам одного, оно представляло «только еще несогласные начала вещей в общественном хаосе».

«Безпрерывное переходение с места на место князей, бояр, воев и отчасти самых поселян — и нигде никакого установленного твердо порядка, которого вотще, видно, искали Словене за морем», — жалуется другой. Совершенно полная свобода, подвижность, изменчивость господствовала во всех учреждениях — в преемстве князей и в их отношении к людям, между собою, в собрании веч, в избрании духовных сановников; какая-то недоверчивость или отвращение от всякого положительного определения; привычка, сделавшаяся второй природой, решать все дела вне правил, смотря по обстоятельствам и требованиям времени, как в ту

или другую минуту представлялось нужным, полезным и целесообразным.

— Сколько источников и поводов для замешательств всякого рода!

А нравственный, духовный уровень в передовых деятелях стоял между тем высоко, поднимался беспрестанно, — и во всех областях, во всех слоях общества являлись люди глубоко просвещенные о едином, еже есть на потребу, — исключительный предмет древней русской любознательности и просвещения, — но голоса их были голосами вопиющих в пустыне.

Народ принимал все бедствия как естественные, так и гражданския, справедливым наказанием за грехи и приносил покаяние устами своих летописей, но помочь злу он был не в силах и не в понятиях.

Что же грозило государству, до такой степени распущенному, далее, — при естественном умножении князей!

Мелкопоместность, чересполосность, разнобоярщина, однодворчество!

Вот в каком ужасном, отчаянном положении находилось отечество в половине XIII столетия!

Враги сильные, грозные, многочисленные, одни других лютее, с востока, юга, запада, севера и моря, как хищные звери с зияющею пастью, стали над ним и грозили порабощением. Татары, литовцы, поляки, венгерцы, немцы, датчане, шведы окружили святую Русь как бы облавою, напирали на нее, грозили разнять ее по составам, готовясь поделить ризы ея по себе и об одежде метати жребий.

Была ли какая человеческая возможность сладить с таким страшным сборищем врагов стране, изнуренной двухсотлетними междоусобиями, лишенной теперь почти всего своего военного сословия, опустошенной огнем и мечом вдоль и поперек от одного конца до другого?

Казалось, гибель ее неизбежна, нигде не видать было исхода, надежды никакой не мелькало на перемену обстоятельств к лучшему, — пропадет

святая Русь. Казалось тогда, что на роду написано ей: не быть!

Такую горькую, тяжелую думу думал, вероятно, святой отшельник в глубине пещер киевских или черниговских, смиренный летописатель, заносивший в летопись не чернилами, а слезами и кровию, описание страшных событий, — думал и молился со страхом и трепетом о спасении дорогой отчизны, — Господи, помилуй!

Помилует ли Он?

Да, Он помилует, она спасется, она перенесет тяжелое огне-кровавое испытание, она превозможет всех своих врагов, она восстанет с новою силою и славою: аще бо паки возможете, и паки побеждени будете, яко с нами Бог!

Кто же спасет святую Русь?

Спасет ее народ терпеливый, смиренный, твердый, толковый, талантливый, носивший в глубине своего сердца сознание о государственном и земском единстве.

Спасет ее земля просторная, плодородная, разнообразная, достаточ-

ная для бесчисленных грядущих поколений.

Спасет ее язык творческий, сильный, многосмысленный, обильный, благозвучный.

Спасет ее вера православная, горячая, безусловная, готовая в избранных душах на всякие жертвы».

Но если во всем этом, — в основных чертах нашей народности, в нашей народной святине заключалось спасение Руси, *Александр Невский является перед нами в то страшное время поистине Ангелом хранителем этих драгоценных залогов.*

Эта истина станет вполне очевидно из дальнейшего изложения событий.

30 сентября 1246 года, как известно, скончался в далекой Монголии «нужною», то есть насильственной, смертью великий князь Ярослав Всеволодович. Бояре привезли тело его во Владимир. Узнав об этом, Александр поспешил немедленно из Новгорода туда же, чтобы воздать последний долг почившему.

Горькие, тяжелые думы внушала страдальческая кончина Ярослава... Спутники его, без сомнения, подробно рассказывали обо всем его сыновьям. Какой-то Федор Ярунович оговорил его перед татарами. В клеветах этого обвинителя можно было предполагать козни князей-родственников, имевших почему-либо причины желать скорой смерти Ярослава.

Погребение совершилось, конечно, со всеми подобающими почестями. При выносе за гробом следовали князь, дружина и народ, несли стяг (знамя) умершего князя и вели его коня. Все были в «скорбных», то есть траурных, платьях, «в черних мятлих».

Окружая гроб отца, дети, без сомнения, вспоминали с чувством сердечной скорби последние слова почившего, переданные им его спутниками:

«Вельми изнемогая», вспомнил он вас, «любезная своя чада». Обращаясь к вам, как будто вы находились перед его глазами, он говорил: «О возлюблении мои! плод чрева моего, *храбрый*

и мудрый Александре, и *поспешный* Андрею, и Константине удалый, и Ярославе, и милый Даниле, и добротный Михаиле! Будьте благочестию истинные поборники, и величеству державы русския настольницы... Не презрите двоих ми дщерий, Евдокии и Ульянии... Для них настоящее время горче желчи и полыни».

Горячо молилась осиротелая семья, да «причтет его Бог к Своему избранному стаду».

Печальный обряд завершился обычным поминовением, а «монастырям и нищим роздана была щедрая милостыня».

Посещая святыни Владимира, каждый русский, без сомнения, найдет во владимирском Успенском соборе, в приделе на правой стороне, могилу Ярослава Всеволодовича и с благоговением поклонится праху этого князя, «много истомления подъявшаго и душу свою положившаго за землю Русскую».

Между тем оставшийся старшим в роде брат покойного, Святослав Все-

володович, занял владимирский великокняжеский стол и роздал уделы своим племянникам, причем Александр, удерживая Новгород, получил Переяславль. Так следовало по старине. Старший в роде наследовал и великое княжение. Но и в старину бывали примеры, когда великому князю наследовал не брат, не старший в роде, но сын. Так было, например, при кончине великого князя Всеволода Ярославича, после которого великим князем в скором времени сделался (после Святополка II) сын его Владимир Мономах. Он не был старшим в роде, но его высокие личные качества, его заслуги пред Русской землей устранили в глазах современников всякое соперничество. То же самое могло произойти и после смерти Ярослава. Старший сын его Александр, слава которого гремела далеко за пределами России, так же высоко стоял среди современных ему князей, как в свое время Владимир Мономах. О нем можно было сказать то же самое, что говорили о его слав-

ном прадеде: «Не было земли на Руси, которая бы не хотела его иметь у себя и не любила бы его». Соперничество с доблестным племянником было бы не под силу Святославу Всеволодовичу. Может быть, сознавая это, Святослав немедленно по получении известия о кончине Ярослава поспешил в Орду, чтобы противопоставить заслугам племянника решение хана. Туда же отправился и племянник его Андрей, младший брат Александра. Если Святослав действительно опасался своего великого племянника, то это опасение во всяком случае было неосновательно: невиский герой не искал корысти. Если же Святослав думал упрочить свое положение, заискав в Орде, то жестоко ошибался, мало того — он другим указывал путь, каким образом всего легче можно было добиться великого княжения, даже не имея на то никаких прав. Стоило только отправиться в Орду и, вытерпев всевозможные унижения, задарить хана и его приближенных. И, действительно, многие князья уст-

ремились в Орду, где они «идяху сквозе огонь, и кланяхуся кусту и идолам, славы ради света сего, и прошаху койждо себе власти; они же без взбранения даяхуть им, да прельстят я славою света сего». Для татар такое поведение князей представляло прямую выгоду." они обирали всех, раздавая волости сегодня одному, завтра другому — кто дороже заплатит. Помимо денежных выгод соперничество русских князей обеспечивало татарам владычество над Русью. Они скоро поняли, как много пользы можно извлечь из застарелой склонности князей к междоусобиям. «Обычай бо поганых вмещуще вражду между братии, князей русьских, и на себя болшая дары взимаху». Но самое главное, — по весьма верному замечанию летописца, — татары старались о том, «да прельстят я славою света сего».

Запутавшись в своекорыстных стремлениях, князья всего скорее могли забыть об интересах угнетенной родины, о возвращении ей независимости. Так

поступали многие князья, но не так поступал Александр! Его стремления далеко расходились со стремлениями его ближайших родственников. Почти одинокий со своей серьезной думой, мало понимаемый, он идет своим особым путем, — не спешит в Орду склонить свою благородную голову перед варваром. Отдав последний долг родителю, Александр возвращается в Новгород, не заявив ничем своего недовольствия на раздел земель, произведенный его дядею. Там он получает грозный укор хана за свою медлительность и, покоряясь необходимости, спешит принести новую жертву для блага родины. Дорогою он заезжает во Владимир. Но на этот раз «великий князь Александр приде в Володимер в силе тяжце и бысть грозен приезд его...». Очевидно, недостойное поведение его ближайших родственников, скорое обнаружение ими себялюбивых стремлений, высказавшаяся склонность продолжать прежнее соперничество из-за преобладания одного над

другим возмутили дух его. Ему стало ясно, что немногие из его братьи-князей сознают всю опасность положения отечества, что для большинства потрясающие события эпохи и тяжкие испытания не послужили полезными уроками. Сам же он, до сих пор с напряжением всех сил борющийся с наступавшими отовсюду врагами, отлично понимал, что времена изменились, что отныне жизнь князя, народного вождя, должна быть самоотверженным служением родине, непрестанным подвигом. Без сомнения, более, чем кто-либо, он сознавал цену истинной славы, приобретаемой доблестными заслугами, — могли ли в его глазах иметь какое-нибудь значение честолюбивые притязания, преимущества и почести, приобретенные позорной ценою всевозможных унижений в Орде? Тем менее могли занимать его душу праздные развлечения и забавы: с юных лет привыкнув видеть и понимать народное горе, мог ли он помышлять о суетных удовольствиях мира, об утехах жизни,

когда кругом народ стонал под тяжким игом? Вот почему грозен был приезд его во Владимир в силе тяжце. Не будучи великим князем, он тем не менее давал понять, чтобы князья-родичи не забывали его прав, основанных на великих заслугах. Все должны были знать, что хотя он не вмешивается в соперничество из-за первенства, напротив, осуждает его, однако не дозволит и другим продолжать образ действий, явно вредный для родины. Для этого у него найдется достаточно силы. Правда, подобно другим, он также отправляется в Орду, но никто не должен забывать, что он мог бы и не делать этого.

Князь области, не покоренной татарами, сумевший уже побороть опасных врагов, он более, чем кто-либо, мог бы отважиться на попытку борьбы с татарами. Его подчинение, скорее всего, можно назвать добровольным. Если он поклонится Батыю, то не из-за того, чтобы взять верх над родственниками, но единственно в интересах горячо любимой родины. Несмотря на то, что

он не спешит как другие добиваться великого княжения, которое татары могут отдать «без взбранения» всякому, кто дороже заплатит, все должны были почувствовать, что настоящим хозяином положения, главным руководителем дел на Руси может быть не кто иной, как именно славный новгородский князь. Не одно заискивание перед татарами — надлежащий авторитет главе государства должны доставлять силы нравственные и материальные, а подавляющий перевес их, бесспорно, на стороне доблестного победителя шведов и немцев. Таков, по-видимому, смысл грозного приезда Александра во Владимир.

Между тем надлежало поспешить с исполнением ханской воли. Подкрепив себя молитвой и приняв благословение митрополита Кирилла, Александр простился с народом и отправился в путь. Мы ничего не знаем, но можем догадываться о тех чувствах, которые волновали душу Александра на пути к местопребыванию Батыея. Для блага ро-

дины он шел на унижение, жертвовал своим покоем, семейными радостями, но такие жертвы приносили и другие. Не может быть сомнения в том, что ему особенно теперь не раз приходили на память его славные победы. Высоко поднял он русское имя перед западными врагами, не склонил своей головы ни перед шведами, ни перед немцами. И вот теперь ему, ни разу не побежденному в бою, приходится изъяснять унижительную покорность перед азиатскими варварами. Душевная буря, без сомнения, не раз поднималась в нем и всякий раз заглушаема была голосом разума, указывавшего на неизбежность предстоящего шага. Но ограничится ли дело одним унижением? Не предстоит ли ему опасность лишиться жизни? Кто скажет, с какою целью хан вызывает его к себе? Может быть, он действительно желает насладиться видом славного русского князя, простирающегося у подножия его трона, желает поразить его блеском своего могущества, но возможно и другое предполо-

жение, на которое могла наводить Александра страдальческая кончина его отца. Не желают ли татары избавиться от храбрейшего русского князя, который один из всех князей мог с некоторым основанием надеяться на успех в борьбе с ними или, по крайней мере, не чувствовать себя в совершенной зависимости от хана? В предлоге для его убиения у татар недостатка не будет. Около этого же времени зверски умерщвлены были в Орде князь Михаил Черниговский и боярин его Феодор за отказ выполнить языческие обряды. Если татары вздумают и Александра принуждать к тому же, может ли он колебаться в выборе между смертью и отступничеством? Среди подобных опасений и душевных тревог благочестивый князь, без сомнения, искал утешения и подкрепления в вере. Прибегая с молитвою к Богу, он, по своему обыкновению, изливал свою душу в слова псалмопевца, которые так хорошо подходили к его положению.

Избавь меня от врагов моих, Боже мой!
Защити меня от восстающих на меня,
Избавь меня от делающих беззаконие,
Спаси от кровожадных.
Ибо вот, они подстерегают душу мою;
Собираются на меня сильные
Не за преступление мое и не за грех мой,

Господи;

Без вины моей сбегаются и вооружаются;
Подвигнись на помощь мне и воззри.
Сила — у них, но я к Тебе прибегаю,
Ибо Бог — заступник мой!

(Пс. 58)

Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю;
Спаси меня от всех гонителей моих
И избавь меня;
Да не исторгнет он, подобно льву, души моей,
Терзая, когда нет избавляющего.

(Пс. 7)

Боже! Ты отринул нас, Ты сокрушил нас,
Ты прогневался: обратись к нам!
Ты потряс землю, разбил ее:
Исцели повреждения ее, ибо она колеблется.
Ты дал испытать народу Твоему жестокое,
Напоил нас вином изумления.
Даруй боящимся Тебя знамя,
Чтобы они подняли его ради истины,
Чтобы избавились возлюбленные Твои;
Спаси десницею Твоею и услышь меня.

(Пс. 59)

По мере углубления в степи Александру Ярославичу все чаще приходилось встречать многочисленные стада под присмотром лихих татарских наездников и наездниц, непрерывно упражнявшихся в стрельбе, селения из круглых юрт, сплетенных из хвороста и крытых войлоком. Впрочем, постоянных поселений на Волге у татар еще не было. Обыкновенно хан или значительный мурза указывал место для поселения, и немедленно вырастал подвижной город из бесчисленного множества кибиток, перевозимых на телегах с места на место. По прошествии более или менее значительного промежутка времени — новый приказ сниматься и укладываться. Огромный обоз в несколько сот и тысяч телег, запряженных лошадьми и волами, двинулся в другое место в сопровождении бесчисленных стад и конских табунов. В таких поселениях Александру и его спутникам, разумеется, не раз приходилось останавливаться во время пути. Громкая слава предшествовала ему. Та-

тары с невольным чувством уважения смотрели на доблестного русского князя, поражавшего их своим величественным видом.

— Молчите! — говорили, унимая плакавших детей, «жены моавитския». — Вот идет великий князь Александр!

Приходилось Александру Ярославичу встречать среди татар и своих соотечественников, томившихся в рабстве. Сострадательное сердце его наполнялось жалостью, но помочь им он был не в силах...

Наконец, показалась в виду и ставка самого хана. «Сам Батый, — пишет Плано Карпини, — живет на берегу Волги, имея пышный, великолепный двор и шестьсот тысяч воинов, сто шестьдесят тысяч татар и четыреста пятьдесят тысяч иноплеменников, христиан и других подданных. В пятницу Страстной недели провели нас в ставку его между двумя огнями для того, как говорили татары, что огонь есть чистилище для всяких злых умыслов, отнимая даже

силу у скрываемого яда. Мы должны были несколько раз кланяться и вступить в шатер, не касаясь порога. Батый сидел на троне с одною из жен своих, его братья, дети и вельможи на скамьях, другие на земле, мужчины на правой, а женщины на левой стороне. Сей шатер, сделанный из тонкого полотна, принадлежал королю венгерскому; никто не смеет входить туда без особенного дозволения, кроме семейства ханского. Нам указали место на левой стороне. Он и вельможи его пили из золотых или серебряных сосудов, причем всегда гремела музыка с песнями. Батый имеет лицо красноватое; ласков в обхождении со своими, но грозен для всех; на войне жесток, хитр и славится опытностию». Русский летописец дополняет картину приемов у хана. У Батыя был такой обычай: приезжавших на поклонение не сразу допускали к хану, но отправляли к волхвам, которые заставляли их проходить «сквозе огонь и поклониться кусту и огневи и идолом их». Алек-

сандру Ярославичу также предстояло исполнить эти обряды. Благочестивый князь наотрез отказался подчиниться требованиям, противным его христианской совести. Ввиду мучительной смерти он безтрепетно ответил татарским властям: «Я — христианин, и мне не подобает кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Богу единому, в Троице славимому, создавшему небо и землю и вся, яже в них суть». Спокойное мужество князя поразило придворных хана. «Смерть, смерть ему!» — завопили волхвы и, полные дикой ярости, уже готовились к новому зверскому убийству. Приближенные отправились к Батыю известить его о поступке Александра. Без сомнения, все были уверены, что Батый пришлет объявить ему то же самое, что и князю Михаилу: «Выбирай одно из двух — жизнь или смерть! Если не поклонись кусту, солнцу и идолам, умрешь злою смертью!» Прошло несколько минут напряженного ожидания... Наконец яви-

лись ханские слуги и, к общему удивлению, принесли приказ хана не принуждать Александра к исполнению обрядов... Сгорал ли Батый нетерпением поскорее увидеть славного князя, о котором так много приходилось ему слышать, чувствовал ли он, сам мужественный воин, особое уважение к невшскому герою или, может быть, рассудил, что новая жертва возбудит слишком сильное озлобление в русском народе, — не можем решить, какое предположение в данном случае наиболее вероятно. Злобно сверкнули глаза волхвов при виде ускользавшей из рук их жертвы. Александр предстал пред лицо Батыя. Величественный вид его поразил хана. Батый сразу сообразил, что перед ним — князь, далеко превосходивший других князей своим умом и достоинствами. Самодовольная улыбка проскользнула по лицу его, когда Александр Ярославич склонил перед ним свою голову.

— Царь, я поклонюсь тебе, потому что Бог почтил тебя царством, но

твари не стану кланяться... Я служу единому Богу, Его чту и Ему поклоняюсь, — мужественно произнес Александр.

Батый некоторое время любовался героем, наконец, произнес, обратясь к окружавшим: «Правду говорили мне, нет князя, равного этому...»

-

Х

Путешествие святого Александра на поклонение верховному хану. — Семья Чингизидов. — Каракорум. — Церемония возведения на престол. — Представление святого Александра хану Менгу. — Распределение областей между Ярославичами. — Великодушие святого Александра. — События на Руси. — Михаил Хоробрит. — Возвращение святого Александра. — Прибытие в Новгород. — Болезнь. — Посольство к Гакону.

Батый не был самостоятельным властелином: он считался наместником верховного хана; поэтому наши князья, поклонившись Батью, должны были по требованию последнего отправиться в главную Орду на поклон великому хану. «Не подобает вам жити на земле Батыеве и Канове, не поклонившеся има», — говорили татары русским кня-

зьям. Александру Ярославичу так же, как и его родителю, пришлось совершить далекое путешествие к истокам Амура. Вместе с ним отправлялся и брат его Андрей, который гораздо раньше Александра, может быть, одновременно с дядею Святославом, был к Батью.

Верховный хан жил в Каракоруме, на родине Чингизидов. То была горная окраина страшной азиатской пустыни Гоби, лежащая за Байкалом. Русским князьям во время их путешествий на поклонение верховному монгольскому властелину приходилось проезжать через обширные степи и пустыни Средней Азии. Плано Карпини пишет, что, отправившись по повелению Батыя к истокам Амура, послы папы за Уралом вступили в совершенно безводную и пустынную страну кангитов (ныне Киргизскую). «В этой печальной пустыне погибли от жажды бояре Ярослава, русского князя, посланные в Татарию: мы видели их кости. Вся земля опустошена монголами; жители, не

имея домов, обитают в шатрах, подобно половцам, не знают земледелия и занимаются одним скотоводством». Далее путь лежал через земли бисерменов (хивинцев), Кара-Китай, Монголию. Оставив в левой стороне Байкал, путники после трех или четырех месяцев пути достигали цели своего путешествия. Другой путешественник того времени — Рубруквис, отправленный Людовиком IX, королем французским, послом к верховному хану, рассказывает о страшных трудностях, которыми сопровождалась эти дальние поездки. Приходилось терпеть голод, жажду, невыносимый жар и страшную стужу. После погромов монгольских степи и пустыни казались еще безлюднее: развалины и груды костей на местах некогда богатых поселений красноречиво говорили о свирепости завоевателей. Среди этого царства смерти самым татарам, привычным к кочеванию по пустыням, становилось страшно...

Современные путешественники могут дать нам еще более ясное представ-

ление о страшных трудностях путешествий по среднеазиатским пустыням, тем более, что условия быта остались там неизменными со времен глубокой древности. Мрачное, тяжелое впечатление наводят на душу путника необозримые пространства степей, лишенные всякой растительности. Животные бегут из таких страшных пустынь. Даже ящерицы и насекомые встречаются редко среди местностей, напоминающих скорее обширные кладбища: под ногами то и дело попадаются кости погибших лошадей, мулов и верблюдов. Почва раскаляется от невыносимой жары: солнце немилосердно жжет от восхода до заката. Неподвижна атмосфера, мутная, точно наполненная дымом... Ветерок не колышет воздуха, не дает минутной прохлады. Лишь изредка промчится горячий вихрь и погонит перед собой крутящиеся столбы солевой пыли. Впереди и по сторонам играют обманчивые миражи.

Страшные бури нарушают по временам безмолвие пустыни. Необыкновен-

но сильный, порывистый ветер вздымает тучи песка и пыли, помрачающих свет солнца. Атмосфера делается желтою, но скоро наступает тишина, как в сумерки. Соленая пыль засыпает путников и слепит им глаза...

Таковы были трудности, которые приходилось претерпевать царственным братьям на пути в Татарию! Но они возрастали еще более вследствие недостатка в пище для скота и людей, вследствие недостатка в топливе, особенно после монгольских погромов...

Кто может поведать нам мысли и чувства Александра Ярославича во время долгого, томительного пути по безконечным пространствам азиатских степей, среди невыносимых лишений, можно сказать, среди постоянной опасности погибнуть вдали от родины и близких! Много нужно было веры в Провидение, много любви к родине, много нравственного мужества, чтобы перенести все это и не потерять искры надежды на лучшую будущность, хотя бы и отдаленную. Мы нередко удивля-

емся великим подвигам, трудам и добровольным лишениям великих исторических деятелей, удивляемся, например, поступку Александра Македонского, вылившего на землю воду из шлема среди безводной пустыни для ободрения своих сподвижников, но здесь мужество героя подкрепляла блистательная цель, имевшаяся в виду, награда за подвиг, громкая слава и величие. Чего мог ожидать, на что надеяться Александр Ярославич? Увидеть место безвременной кончины отца, униженно склонить голову перед надменным варваром... Возвращение на родину... но в этом еще можно было сомневаться... Да мало утешения предстояло и в родной земле. Без сомнения, русские пленники не раз встречались Александру Ярославичу и в глубине азиатских степей и рассказывали грустную повесть о своем несчастье. Эти рассказы живо воскрешали пред ним картину народного горя: он знал, что татары продолжают разорять отечество ежедневно. Татарские сборщики дани

отнимали детей у родителей, юношей и дев уводили в плен и продавали в рабство. Крымские и азовские города, Малая Азия, Сирия, Египет, Северная Африка, Испания наполнялись русскими рабами. Много впоследствии переплатил в Орду золота и серебра Александр Ярославич, выручая из тяжкого плена своих соотечественников. Со-страдательное сердце его обливалось кровью при мысли о народном бедствии, и заботы о себе отступали на второй план.

Но вот, наконец и Монголия. Уже миновали Байкал. Скоро придется предстать пред очи верховного властелина Азии.

У Чингисхана было четыре сына: Джучи, Джагатай, Огодай и Тулуй. Джучи умер еще при жизни отца. Вскоре скончался и сам Чингисхан, в 1227 году. Своим преемником, или верховным ханом, грозный завоеватель назначил самого способного из своих сыновей, Огодая, Джагатаю отдал Бухарию и Восточный Туркестан, Тулюю — Иран,

или Персию, Батыю, сыну Джучи, достались обширные земли, простиравшиеся от Юго-Западной Сибири и северных пределов Туркестана к западу до Карпатских гор, в числе их и наше отечество. Эти страны покорены были татарами при Огодае. Таврические и азовские степи Батый предоставил одному из своих родственников. Брат его, Шибан, с его соизволения господствовал в той части Джучиева удела, которая лежала в Юго-Западной Сибири и Северном Туркестане. В середине, в обширных поволжских и подонских степях, расположились с главными силами сам Батый и сын его Сартак. Владея таким громадным пространством земель, Батый, хотя и подчинялся верховному хану, был, однако, сильнее-шим из монгольских властителей.

Огодай умер в 1241 году. Верховною властью завладела Туракина, самая влиятельная между женами Огодая. Она желала доставить престол своему сыну Гаюку, но на это требовалось согласие курилта. Так называлось со-

брание вельмож, созывавшееся в важнейших случаях. Однако при достижении цели Туракине предстояло преодолеть значительные трудности: в семье Чингисхана уже начались раздоры. Члены семейств Огодая и Джагатая со своими приверженцами боролись против потомства Джучи и Тулуя. Четыре года прошло, прежде чем Туракине удалось, наконец, утвердить на престоле сына своего Гаюка при помощи торжественного избрания на великом курилтае в 1246 году. Ярослав Всеволодович был свидетелем этого избрания и всех торжеств, последовавших за ним. Гаюк отличался воинственными наклонностями и уже намеревался собрать страшные полчища для покорения Западной Европы, но внезапная смерть положила конец этим замыслам (1247 год). Тогда Батый решил воспользоваться всем своим могуществом для возведения в достоинство верховного хана близкого к нему племянника Менгу, сына Тулуева. По его воле в Туркестане собрался курилтай, на ко-

тором и состоялось избрание Менгу, а вскоре затем великий курилтай на родине Чингисхана в Каракоруме подтвердил это избрание. Напрасно пытались помешать этому потомки Огодая и Джагатая: одни из них были умерщвлены, другие изгнаны. Утвердившись на престоле, Менгу отдал Персию своему брату Гулагу, в Китай назначил другого брата — Кубилая, за Батыем остались его прежние владения.

Вышеприведенными обстоятельствами всего вероятнее объясняется продолжительность путешествия Александра Ярославича, пробывшего в Азии около двух лет, так как верховный хан не мог принять его раньше своего избрания. Вполне возможно и то, что ему, подобно Ярославу, также пришлось присутствовать при церемонии возведения хана на престол на одном из курилтаев, всего вернее на втором.

Каракорум, столица верховного хана, был громадный город, опоясанный глиняною стеной с четырьмя воротами. Внутри находились обширные поме-

щения для ханской свиты, вельмож, чиновников и прислуги. Население города было самое разнородное: там толпились представители всех народов, поработанных монголами, встречались и европейцы — французы, немцы и другие, которые служили за жалованье. Монголы пользовались их знанием ремесел и художеств. Разноязычный говор слышался всюду. В разных местах столицы виднелись христианские храмы католиков и православных, в которых свободно совершалось богослужение, мечети, языческие кумирни. Громадный и богато украшенный дворец хана находился за городом. Там принимались посольства из разных стран и народов. Хан принимал послов, восседая с одной из своих жен на возвышении, украшенном массой золота и серебра и множеством драгоценных камней. Обилие всевозможных украшений можно было видеть и на вельможах, разъезжавших на богато убранных конях. Вельможи ежедневно меняли одежды: в один день появлялись в мно-

гоценных белых, на другой день — в красных, на третий — в голубых, на четвертый блистали тканями, шитыми золотом. У коней узда, нагрудник и седло также сияли золотом и драгоценностями. Но, несмотря на несметные богатства, все носило печать крайнего варварства, соединенного с нелепою, безвкусною роскошью. Крайне безобразные, по-прежнему крайне нечистоплотные, монголы питались такою грязною пищей, одно описание которой возбуждает отвращение, и в своих привычках, в ежедневном быте остались прежними дикарями-кочевниками.

Нельзя с достоверностью сказать, точно ли в Каракоруме представились хану Александр и Андрей Ярославичи. Пребывание на одном месте не нравилось монголам. Ханы только время от времени появлялись в столице. Обычно они с огромными обозами, нагруженными несметными богатствами, переезжали с места на место. На указанной ханом местности на необозримое пространство раскидывались шат-

ры. Ханский шатер утверждался на столбах, обшитых золотыми листами. Ковры, золото и драгоценности украшали шатер внутри и снаружи. Вокруг обширного стана паслись безчисленные стада лошадей, верблюдов, коз, овец и рогатого скота.

Церемониал возведения на престол происходил следующим образом: в назначенный день собираются вельможи и долгое время молятся Богу. После молитвы хан возводится на золотой трон. Вельможи и народ бросаются на колена и приносят поклонение, затем сановники приближаются к хану и говорят:

— Мы желаем и просим, чтобы ты повелевал нами.

Хан отвечает:

— Желая иметь меня государем, готовы ли вы безпрекословно повиноваться мне, являться по первому зову и идти, куда велю, предавать смерти всякого, на кого укажу?

— Готовы! — отвечают все присутствующие.

— Слово мое да будет отныне моим мечом! — восклицает хан.

Вельможи сводят хана с престола и сажают на войлок.

— Над тобою — небо и Всевышний, под тобою — земля и войлок, — торжественно говорят хану. — Если будешь заботиться о нашем благополучии, соблюдать милость и правду и чтить князей и вельмож по достоинству, то царство твое прославится во всем мире, земля будет покорена тобой, и Бог исполнит все желания твоего сердца. Но, если не оправдаешь ожидания рабов твоих, будешь презрен и так обнищаешь, что лишишься и того войлока, на котором сидишь!

После произнесения этих слов вельможи, подняв хана на руках, торжественно провозглашают его своим повелителем и подносят ему в дар множество всякого рода драгоценностей. Хан в свою очередь дарит своих приближенных. Церемония оканчивается пиршеством, продолжающимся до поздней ночи.

Только после избрания хан торжественно принимал послов, в том числе и русских князей. Александр и Андрей Ярославичи, пав на колена, поднесли богатые дары хану. Менгу сидел на троне в богатой шубе, имевшей лоск тюленьей кожи. Он был среднего роста и казался сорок лет от роду. Наружность его была чисто монгольская: выдавшиеся скулы, приплюснутый нос и так далее. Неизвестно, происходил ли при этом какой-нибудь разговор и в чем он состоял. Мы можем только предполагать, что Александр Ярославич произвел и на хана Менгу столь же благоприятное впечатление, как и на Батю.

Воздав поклонение повелителю Азии, Александр не спешил с возвращением на родину. Ему необходимо было хорошо изучить татар в самом центре их могущества, чтобы уяснить себе способ дальнейшего обращения с ними, чтобы понять, с какой стороны возможно ужиться с ними. Прежде всего его должно было поразить строжайшее подчинение всех воле одного,

доходившее до раболепного поклонения, до полного уничтожения самостоятельности личности. Здесь крылась тайна той страшной сплоченности сил, на которую опиралось могущество монголов. Ничто так не вооружало их, как замеченное в ком-либо поползновение к неповиновению, к независимости от воли хана. Ясно было, что татары по одному мановению своего властелина готовы были каждую минуту броситься, как один человек, для беспощадного истребления хотя бы целых народов и превращения вселенной в груды развалин для осуществления планов их повелителя. Эта черта должна была тем более броситься в глаза наблюдателя, что Русь того времени, как мы видели, представляла совершенно противоположную картину разъединенности и своеволия. Но вместе с этой чертой у татар связано было полное равнодушие к внутреннему духовному миру человека, к верованиям и убеждениям. Подчиняйся слепо властям — и затем молись Богу, как тебе

угодно, живи, как знаешь и как находишь для себя удобнее. Повелители монголов отличались необыкновенной терпимостью по отношению к чуждым вероисповеданиям и даже готовы были покровительствовать им: на свой счет хан содержал в своей ставке священников Православной Церкви, которые открыто совершали богослужение в храме, находившемся перед его большою палаткою. В самом семействе хана были христиане. Пред ханом Менгу совершали службу поочередно христианские несторианские духовные, магометанские муллы и языческие жрецы. Сам Менгу выражался следующим образом: «Мы, монголы, веруем, что есть только один Бог. Но подобно тому, как рукам Он дал много пальцев, так и людям указал много путей в рай». Эта терпимость к чужим верам у монголов предписывалась даже законом — черта, чрезвычайно важная для народов, имевших несчастье подвергнуться игу! Равным образом татары вовсе не были склонны вмешиваться во внутренний строй жиз-

ни покоренных народов, нарушать их нравы и обычаи. Монголы были способны, как никто, к беспощадной разрушительной деятельности, но совершенно не годились для создания более или менее прочных основ, каких бы то ни было учреждений, которые могли бы обеспечить продолжительность их господства над покоренными, словом — для политического творчества. Требуя безусловной покорности, они полагались лишь на грубую материальную силу. Отсюда для внимательного наблюдателя могла мелькнуть надежда, что самое иго, наложенное татарами, могло продолжаться лишь до тех пор, пока на их стороне находился перевес материальной силы. Но, как мы видели, уже в самой семье Чингизидов возникли раздоры, обычное явление при многоженстве, очень опасное для монархий, основанных силою меча.

Другая черта наших поработителей, которая, конечно, также не могла ускользнуть от зоркого взгляда Александра, заключалась в том, что татары,

будучи исполнены свирепой вражды ко всем другим народам, в то же время очень ласковы и обходительны со своими. Естественно, что на русских князьях они смотрели подозрительно, особенно на князей, выщававшихся среди других умом и доблестью. Но с другой стороны, в своих собственных интересах, они могли бы дорожить князем, на верность которого можно было положиться. Без сомнения, Александр Ярославич употребил все силы своего ума для того, чтобы снискать доверие и расположение верховного хана и его приближенных. Мы очень мало знаем о путешествии Ярославичей ко двору верховного хана, но, судя по результатам, равно как и по дальнейшему течению событий, можем полагать, что благодаря своим блестящим качествам, такту и умению обращаться с монголами Александру, действительно удалось заручиться расположением хана и его приближенных.

Но в то же время сколько горьких унижений пришлось испытать в хан-

ской ставке невяскому герою! Как, должно быть, было тяжело ему скрывать невольное чувство отвращения, вызываемое всем бытом, всей обстановкой монгольской жизни! Для снискания себе ханской милости русскому князю приходилось дарить богатые подарки и угождать не только хану, но и его женам, приближенным и даже слугам и близко знакомиться с ними. Чтобы стать в глазах татар своим, близким человеком, необходимо было и самому угощать и принимать угощения, приходилось пить любимый татарский напиток кумыс, на который русские более, чем другие христиане, смотрели с омерзением и, вкусив его по необходимости, спешили взять у священника отпустительные молитвы. То же самое было и с остальной пищей, кониной, падалью и животными, убитыми рукою язычника... Сколько пришлось вытерпеть от гордого, презрительного обращения не только вельмож, но и простых варваров! «Татары более горды, чем другие народы, и презирают дру-

гих, не обращая никакого внимания на знатность тех, с кем имеют дело», — пишет папский посол. Унижения были бы поистине нестерпимы, если бы благочестивый герой не помнил непрестанно о Том, Кто претерпел бесконечно горшие унижения и позор для спасения рода человеческого. Унижение становилось высоким подвигом...

Отпуская от себя Ярославичей, верховный хан распорядился так, что старший — Александр — должен был получить Киев и «всю землю Русскую», удерживая в то же время за собою Новгород и Переяславль-Залесский, а младший — Андрей — владимирский стол с остальными областями. Киев — старинный стольный город. История удельно-вечевой Руси полна междоусобными войнами из-за обладания Киевом, матерью городов русских, колыбелью христианства на Руси, хранилищем святыни. Но Владимир уже во времена Андрея Боголюбского возвысился над Киевом и сделался на самом деле средоточием Русской земли. Пос-

ле нашествия Батыя Киев скорее походил на деревню, чем на город. Чем же объяснить, что великое владимирское княжение досталось не старшему брату, как можно было бы ожидать, не Александру, а младшему — Андрею? Нельзя сомневаться в том, что Александр, пользуясь всем своим влиянием, сумел бы добиться великого княжения, если бы это входило в его планы. Но, чуждый самолюбивых расчетов, он и на этот раз не торопит событий и подчиняется ханскому распоряжению. Может быть, хан, отдавая преимущество младшему брату, со свойственным монголам коварством хотел еще раз испытать Александра, может быть, он еще опасался вручить сильнейшую русскую область князю, выдававшемуся своими способностями?.. Но были и другие основания для Александра удовольствоваться данною ему частью. По словам Татищева (IV, 22), хан сделал свои распоряжения относительно братьев «по завету отца их». Судя по тогдашним обстоятельствам на Руси, это

вполне вероятно. Предусмотрительный политик Ярослав Всеволодович соображал, что храбрый Александр, уже доказавший свою способность с успехом бороться с западными врагами, сумеет более, чем кто-либо другой, отстоять против их нападений целостность Русской земли, став на страже ее западной окраины. В самом деле необходимость бдительного наблюдения за западными соседями и энергических действий против них становилась все очевиднее. Во время путешествия старших Ярославичей доблестный брат их Михаил сложил свою голову в борьбе с литовцами, которые с каждым годом, можно сказать, становились опаснее для Руси. В то же время шведы и немцы, хотя и уstraшенные победами Александра, однако вовсе не думали отказаться от враждебных действий против русского народа, выжидая лишь более благоприятных для себя обстоятельств.

Было и еще одно соображение, которым мог руководиться Ярослав при распределении земель. Он сам расчи-

тывал утвердиться в Киеве в то время, как разразилась гроза монгольского нашествия. По известию Волынской летописи, он не мог его удержать за собой и удалился в Суздальскую область. Только Александр мог упрочить здесь свою власть и удержать Киев за родом Ярослава. Далее — во время погрома Батыева — особенно пострадало Приднепровье. Между тем, как Северо-Восточная Русь начала оправляться благодаря скорой и энергической помощи самого Ярослава, Приднепровские земли оставались в запустении. Никто не был способнее Александра сколько-нибудь привести здесь дела в порядок и энергической деятельностью хотя отчасти загладить следы разорения. Словом, гораздо большие трудности, которые предстояли теперь киевскому князю, могли побудить Ярослава назначить Андрея во Владимир. Может быть, здесь отчасти действовало особенное расположение Ярослава к Андрею, с которым он никогда не расставался.

Как бы то ни было, Александр Ярославич без малейшего неудовольствия принял на себя трудную задачу, одушевляемый любовью к родине. Тем удивительнее встречать у наших историков обратное, ни на чем не основанное предположение о недовольстве Александра тем, что ему достался Клев, а не Владимир. Разве не так же спокойно отнесся и раньше Александр к разделу областей, произведенному его дядю непосредственно после смерти Ярослава?.. Удивительно и то обстоятельство, что, несмотря на недовольство старшего брата, однако умевшего с замечательной энергией достигать своих целей, Андрей спокойно княжит во Владимире, а Александр, нисколько не думая о соперничестве, собирается в Киев, несмотря на то, что его горячо отговаривали новгородцы. Между тем это нисколько не мешает утверждать, что «невский герой не поехал туда (в Киев), а пребывал или в Новгороде Великом, или в своих суздальских волостях (мы могли бы сказать с большим

правом: гостил у брата своего Андрея во Владимире), ожидая удобного случая завладеть стольным Владимиром». Если бы мы могли перенестись в описываемое время, то увидели бы нечто совершенно противоположное словам историка, а именно — трогательное зрелище всенародного горя по случаю тяжкой болезни, постигшей неевского героя, всеобщего горячего участия русских людей, с умилением слышали бы горячие молитвы всей Руси о том, кто служил ей лучшим утешением в те скорбные годы... Так опасно свои собственные мысли и соображения, притом построенные в расчете на слабости человеческие, приписывать деятелям, отличавшимся возвышенным строем мысли и благородством души... Но мы еще раз вернемся к этому предмету.

Посмотрим теперь на то, что происходило на Руси во время продолжительного отсутствия старших Ярославичей. Если Александр, уважая права старшинства, признал после смерти отца дядю Святослава великим князем

владимирским, — не так взглянул на это младший брат Михаил, князь московский. Судя по участи отца, постигшей его во время путешествия в Татарию, Михаил, вероятно, мало надеялся на возвращение своих старших братьев и поспешил поправить, как могло ему казаться, непростительную оплошность старшего брата, не пожелавшего воспользоваться своим влиянием для захвата великокняжеского престола и удержания его в роде Ярослава. По прошествии года после отъезда старших братьев храбрый и предприимчивый Михаил, по прозвищу Хоробрит, не имея никаких прав, напал на своего дядю Святослава и, заставив его отказаться от великокняжеского стола, сам занял его. Поступок Михаила явно показывает, насколько изменились прежние понятия о старшинстве.

Сделавшись великим князем, Михаил немедленно собрал большие военные силы и, сумев привлечь к участию в походе и других князей, в 1248 году отправился против литовцев. Недаром,

видно, внук Удалого и брат Невского носил название Хоробрита... Поход был удачен. Враждебные рати сошлись на берегах реки Протвы, в Смоленской земле. «Бишася князи рустии с Литвою, и одолеша князи рустии». Но предводитель русского ополчения доблестный Михаил сложил в бою свою голову. Видно, этот князь в короткое время сумел заслужить общее расположение. Все решительно — князья, бояре, духовенство и народ — единодушно горевали о безвременной кончине храброго и «добротного» князя. С берегов Протвы по настоянию суздальского епископа Кирилла его тело перевезли во Владимир и с великой честью положили в соборном храме. «Плакашеся братья его и бояре над ним».

Святослав снова занял великокняжеский стол, но ненадолго. В конце 1249-го или в самом начале 1250 года старшие Ярославичи возвратились из своего путешествия, и великим князем, согласно воле верховного хана, сделался Андрей Ярославич. Александр не-

которое время гостил у своего брата во Владимире, куда, без сомнения, собрались все братья и ближайшие родственники, чтобы приветствовать Александра и Андрея и разделить с ними радость по случаю благополучного возвращения. Но светлая радость омрачилась болезнью двоюродного брата Ярославичей Владимира Константиновича и племянника Василия Всеволодовича. Можно представить себе, как огорчен был Александр болезнью столь близких родственников, к которым питал нежную любовь. Несмотря на внимательный уход, князья скончались. «Плакался над ними Александр князь много...»

Между тем новгородцы не могли дожидаться своего любимого героя и сгорали нетерпением видеть его среди себя. Наконец, настал давно желанный день. Можно сказать, весь новгородский народ, и стар и млад, спешил на встречу Александру Ярославичу. Восторг был неописанный. «Вот оно, наше солнышко красное!» — раздавалось повсюду. Словом, «бысть радость велика

в Новгороде!». Прежде всего, разумеется, Александр поспешил в храм принести благодарность Всевышнему за то, что Он Своей десницей охранил его, подобно Даниилу во рве львином, среди опасностей далекого путешествия. Новгородцы, казалось, не могли достаточно наглядеться на своего князя и, когда Александр вознамерился было отправиться в Киев, горячо умоляли его продолжить свое пребывание у них. Подобно матери, со страхом отпускающей нежно любимого сына в дальние края, новгородцы воображали себе опасности, которые предстояли их князю на юге, и не желали подвергаться вновь пережитому уже раз тревожному чувству опасения за дорогого человека. Тронутый этой привязанностью, Александр склонился на их просьбы. Но не только новгородцы — вся Русская земля радовалась благополучному возвращению Александра. Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл вместе с ростовским епископом, Кириллом же, в начале 1251 года пожелали почтить

Александра Ярославича своим посещением в Новгороде. Велико было в Древней Руси значение верховного архипастыря, и вполне понятно, что новгородцы приготовились к торжественной встрече дорогих гостей. Знаменитейшие граждане города и народ с князем во главе, духовенство с крестами и иконами вышли за город навстречу митрополиту. Во время пребывания в Новгороде по просьбе граждан митрополит поставил архиепископом 5 мая 1251 года Далмата на место Спиридона, скончавшегося в том же, 1251 году. Светлые празднества, без сомнения, не раз происходили в Новгороде во все время пребывания почетных гостей.

Если новгородцы так не желали отпустить от себя Александра из опасения предвидимых опасностей, то можно представить себе, как все были глубоко потрясены, когда, по отъезде митрополита, по городу разнеслась весть, что князь сильно разболелся, «и бысть болезнь его тяжка зело». Забыты были все мелкие и крупные интересы:

все с тревожным участием следили за ходом болезни. Иные доходили до мрачного отчаяния... Город представлял умиленное зрелище: храмы с утра до вечера наполнены были людьми всех сословий, горячо молившимися о выздоровлении князя. Но не в одном Новгороде — всюду, куда только проникала печальная весть, она погружала русских людей в невыразимую скорбь, и всюду возносились теплые молитвы ко Всевышнему о том, кто был надеждою русского народа. И Господь не отверг молитв народных: Александр оправился от тяжкой болезни. Неутомимый труженик, сам едва встав с одра болезни, Александр спешил оказать помощь своему народу. Всю весну того года шли проливные дожди, точно сама природа плакала, сострадавая народному горю. Волхов разлился, и произошло сильное наводнение, разрушившее мост через реку, причем погибли сено, хлеб и другие запасы. Ранний мороз довершил беду... Новгороду грозил голод. Живо представля-

лась Александру картина народного бедствия, хорошо знакомая ему по событиям 1230 года. Без сомнения, князь принял разумные и энергические меры для спасения голодавших. Но среди этих забот его многосторонний ум не упускал из виду и других обстоятельств. В том же году состоялось замечательное посольство Александра к норвежскому королю Гакону в Дронгтейм, внушенное ему заботами о безопасности северной окраины Новгородской земли, на которую напали норвежцы. Вместе с тем послам дано было и другое поручение: в случае согласия Гакона прекратить набеги, послы должны были посватать дочь короля Христину за Александрова сына Василия. Король изъявил самые миролюбивые намерения, не прочь был породниться со славным русским князем и в свою очередь прислал послов в Новгород для заключения формального договора. Послы были встречены с почетом и отправлены обратно с богатыми подарками. Однако этот во многих отношени-

ях знаменательный брак не мог состояться. Посольство к норвежскому королю показывает нам только, что, мужественно оберегая честь и целостность родины от западных соседей, Александр, однако, не чужд был мысли о поддержании добрых отношений с европейцами, которые могли бы принести большую пользу русскому народу, но, видно, для этого еще не пришло время...

Страшные беспорядки во Владимире заставили Александра отложить свои личные и семейные дела до другого, более благоприятного времени. Александр должен был поспешить в Орду, откуда уже возвратился великим князем Владимирским...

XI

Великий князь Андрей Ярославич. — Гнев на него хана и Неврюево нашествие. — Несправедливость обвинения Александра в наведении Неврюя. — Бегство Андрея из Владимира. — Александр Ярославич — Великий князь.

Как нам уже известно, по решению верховного хана Менгу Владимирское великое княжение получил Андрей Ярославич. Этот князь — из числа тех личностей, которые отличаются хорошими природными дарованиями, благородством характера, отвагой, энергией при достижении намеченных целей. Добродушие нрава соединяется у них с ласковым, любезным обращением с другими, они умеют снискать симпатии и поразить воображение современников. Они не прочь совершить гром-

кий подвиг, в особенности при сочувствующих им зрителях. Но при всем том им часто не хватает глубины характера, стойкости и выдержанности воли, самоотвержения, вследствие чего они оказываются неспособными к непрерывному труду, к тяжелой, будничной, если можно так выразиться, к черной работе, вызываемой глубоко сознаваемым чувством долга... Они самонадеянны и часто дерзки до отваги, когда им благоприятствуют обстоятельства, когда удача венчает их усилия, но при этом малодушны и готовы падать духом при первом серьезном испытании. Ум у них гибкий, находчивый, соображение быстрое, они способны создавать смелые планы, но им недостает вдумчивости, глубины, охоты к серьезному изучению всех обстоятельств дела, всей наличной действительности... Карамзин так характеризует Андрея Ярославича: этот князь имел душу благородную, но ум ветреный, неспособный отличать истинное величие от ложного. Это значит, что он не мог

отрешиться от обычных представлений о чести властителя, от оболыщения славою мира, не понимал, как его старший брат, что истинное величие состоит в отдавании всего себя труду, которого не могут понять и оценить современники, значение которого делается ясным разве для отдаленного потомства.

Мы видим, как он, «поспешный», по выражению его отца, действительно спешил получить великое княжение, не обращая внимания на права дяди и старшего брата. Но, добившись всего, на что он только мог надеяться при тогдашних обстоятельствах, он счел, что труд его окончен, что ему остается теперь только пользоваться плодами своих усилий. Что положение его отечества изменилось, что его народ страдает от тяжкого ига, что малейшая неосторожность, один неверный шаг может навлечь на Русь еще большие страдания — это мало приходило ему на ум. О татарах в особенности не хотелось ему думать и вспоминать; он не любил советоваться со старыми бояра-

ми и предпочитал беседу молодых сверстников, не испытавших силы монголов. Мрачные думы, порой посещавшие его, он спешил рассеять удовольствиями и развлечениями и между прочим со страстью предавался охоте, любимой забаве знатных людей того времени. В 1250 году Андрей вступил в брак с дочерью галицкого князя Даниила Романовича и блистательно отпраздновал свадьбу. Это родство и близкое знакомство с Даниилом имело решительное влияние на его судьбу.

Даниил Романович Галицкий представляет самый яркий тип князя того времени, слишком свыкшегося с прежним строем жизни, чтобы примириться с новым положением, созданным покорением Руси татарами. В числе других князей и он изъявил покорность Батью, но злее зла показалась честь, оказанная ему татарами, и его задушевною мечтой сделалось освобождение от позорного рабства.

Как и всем русским князьям того времени, зависимость от татар, конеч-

но, не сладка была и Андрею, но он переносил ее, как нечто роковое, необходимое и неотвратимое. При ближайшем знакомстве с идеалами и стремлениями тестя, симпатичный нравственный облик которого, без сомнения, произвел сильное впечатление на Андрея, гнетущее чувство недовольства могло и у него принять более осязательную форму, а именно: породить надежду на возможность избавления от ненавистного ига. Он стал небрежнее относиться к своим обязанностям по отношению к татарам, может быть, не стал посылать богатых подарков в Орду, не слишком заботился о сборе дани. Получив великое княжение по решению верховного хана, он, очевидно, был слишком уверен в прочности своего положения и не принял в расчет того, что он нанес страшную обиду дяде Святославу, который дважды занимал великокняжеский стол и дважды был лишаем его своими племянниками. Много горечи накопилось у Святослава... Сами татары, конечно, зорко следили за пове-

дением князей, но, если бы даже от татар и укрылось настроение великого князя, все-таки Святослав, тоже, без сомнения, внимательно следивший за поступками Андрея, мог раскрыть им глаза и истолковать его поведение в смысле измены. Уступив поневоле великое княжение Андрею, он действительно вместе с сыном отправился в Орду, всего вероятнее — с надеждою заискать расположение завоевателей и вернуть утраченное. Батый был уже стар, едва передвигал ноги и мало занимался делами. Действительная власть перешла к сыну его Сартаку. Сартак принял Святослава благосклонно; тем с большей настойчивостью Святослав мог хлопотать о достижении главной цели своего путешествия и, очевидно, настолько вооружил хана против племянника, что тот отдал приказ царевичу Неврюю привести к нему владимирского князя.

Такова последовательность событий, связанных с нашествием Неврюя, насколько можно судить по строгом со-

ображении всех обстоятельств и внимательном изучении памятников. Поэтому невольно останавливаешься в крайнем недоумении перед взглядом знаменитого историка Соловьева, который видит причину горестного события в происках Александра Ярославича, будто бы оклеветавшего Андрея с целью добиться великого княжения...

«В 1250 году, — говорит Соловьев, — Андрей вступил в тесную связь с Даниилом Галицким, женившись на его дочери; а в 1252 году Александр отправился за Дон, к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторглись в землю Суздальскую. Андрей при этой вести сказал: «Что это, Господи! Покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар: лучше мне бежать в чужую землю, чем дружить с татарами и служить им».

Итак, герой, самоотверженно служивший родине, до изображаемого нами времени ни разу не обнаруживший в своей деятельности самолюбивых стремлений, сперва уступивший во уважение старшинства великое княжение своему дяде, затем брату, нежный родственник, горько рыдавший над гробом близких, милостивый «паче меры» не только к своим, но и к чужим, «милостилюбец, а не златолюбец, благ домочадец», оказывается не более и не менее как клеветником, наводчиком татар, из личного честолюбия готовым погубить брата и навлечь неисчислимые бедствия на родную страну!!! Подобное обвинение, ложащееся кровавым пятном на память Невского, производит слишком тяжелое впечатление, вопрос слишком важен, так что мы должны как можно тщательнее рассмотреть все основания, на которые опирается знаменитый историк, вместе с разделяющими его взгляд писателями, — со всей добросовестностью и уважением к истине, которых требует самая

важность предмета. Однако несмотря на весь вполне справедливо заслуженный авторитет историка, да не подумает кто-либо, чтобы предстояли особенно большие затруднения при устранении мнения, бросающего тень на светлый облик неевского героя: легкие облака не могут затмить лучезарного солнца... Исходным пунктом прискорбной ошибки, в которую впадают историки, обвиняя Александра в «Неврюевом пленении», служит предвзятая мысль, что Александр, несмотря на все свои заслуги, несмотря на громкую славу, которую он пользовался и дома, и у татар, и в Западной Европе, — «до гор Араратских» и до «Великого Рима», не получив великого княжения, *должен*, мог быть недовольным, уступив младшему брату. А если бы он не уступил Андрею и сам добился великого княжения, изгнав дядю Святослава, имевшего по старине бесспорное право на великое княжение, — что *тогда* сказали бы об Александре? Да сказали бы, что Александр воспользовался своим

выгодным положением, чтобы попрасть права, основанные на старшинстве, и затем, разумеется, последовало бы суждение, вызванное подобным же поступком его брата, Михаила Хоробрита: «Явление чрезвычайной важности, ибо здесь мы видим совершенный произвол, совершенное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное преобладание права сильного». Александр не пожелал нарушить прав дяди, обидеть его и выставить принцип права сильного — за него сделали это его меньшие братья, сперва Михаил, затем Андрей. Не очевидно ли, что поступки Михаила и Андрея прямо были следствием добровольного отказа искать великого княжения под дядею со стороны старшего брата, — отказа, обнаружившего возвышенную душу Александра? Могли ли бы младшие братья добиваться великого княжения против старшего, если бы последний сам стремился к его захвату? А теперь выходит так, что Александр, как будто спохватившись, что так долго предо-

ставлял первенство другим, спешит в Орду, обвиняет брата перед ханом и подвергает отечество всем ужасам нашествия, как будто он не мог, при своем необыкновенном уме, найти для достижения своей цели более благовидных средств... Не очевидно ли, что над суждением историка господствует неотвязчивая мысль, — трудность представить себе: как же это Александр мог добровольно уступать первенство другим? Или в действиях исторических деятелей, даже отличавшихся святостью жизни, не допускается случаев возвышенного самоотвержения, соединенного притом с глубокой предусмотрительностью? Судьба Андрея достаточно ясно показала, как опасно было еще нарушать права других, освященные стариною, всеми пока признаваемые — хотя номинально...

В летописях нет ни малейших указаний на то, о чем говорит Соловьев, но у Татищева нашлось место, испорченное, по мнению историка, а по нашему убеждению, совершенно лишен-

ное смысла: «Князь же Александр, слышав сия, елика сотвори брат его Михаиле, прииде в Володимер и бысть им прятя веля о великом княжении: они же уложиша идти в Орду, и поидоша князи Александр и Михаиле и многу стяжанию бывшу» — вот что читаем у Татищева под 1248 годом. Ни Александр не мог быть в это время во Владимире и спорить с Михаилом, потому что находился в Азии, ни тем более Михаил: его уже не было в 1248 году в живых... Всего вернее, что в приведенном известии Татищева перепутано несколько событий. Очень может быть, что когда-нибудь и действительно происходил спор Александра с Михаилом, порывавшимся захватить великое княжение, причем Александр старался отговорить пылкого брата от незаконных честолюбивых притязаний. Во всяком случае, за неимением более подробных известий, нет возможности надлежащим образом разъяснить известие Татищева. Соловьев не распутывает, а разрушает гордиев узел. Чтобы придать какой-

нибудь смысл словам Татищева, он полагает, что вместо имени Михаила следует поставить имя Андрея, и тогда будто бы получится надлежащее разъяснение дела, а именно, что Александр с Андреем спорил перед лицом великого хана о великом княжении, но, к крайнему своему неудовольствию, не переспорил брата, на сторону которого склонился верховный властитель. Не говоря уже о том, что в высшей степени странно у серьезного историка встретить два раза ошибочно поставленное одно имя вместо другого, — можно ли полагаться на такое шаткое основание, как испорченное и даже не имеющее смысла известие, притом идущее вразрез со всеми другими летописными известиями, не дающими ни малейшего указания на то, что Александр когда-либо спорил с братом Андреем о великом княжении?

Став раз на ложную точку зрения, Соловьев и разделяющие его мнение историки идут далее и уже прямо, как мы видели, называют Александра на-

водчиком полчищ Неврюя. В подтверждение этого обвинения Соловьев, во-первых, опирается на того же Татищева, во-вторых, приводит собственные соображения. Рассмотрим то и другое.

Татищев говорит: «Иде князь Александр в Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью, и жаловася Александр на брата своего великаго князя Андрея, яко сольстив хана взя великое княжение под ним, яко старейшим и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея, и повеле Неврюю Салтану идти на Андрея и привести его пред себя».

Противопоставим приведенному месту следующее гораздо более авторитетное известие Степенной книги, которому мы и следуем, вместе с Карамзиным, в своем изложении: «Великий князь Александр паки прииде в Орду к новому царю Сартаку. Славный же град Владимир и всю Суздальскую землю блюсти поручи брату своему Андрею. Он же аще и преудобрен бе благороди-

ем и храбростию, но обаче правление державы яко поделение вменяя, и на ловитвы животных упражнялся, и советником младоумным внимая; от них же бысть зело многое нестроение, и оскудение в людех, и тщета имению. Его же ради царь Сартак посла воеводу своего».

Соловьев замечает, что «связь между событиями, какую выставляет Степенная книга, не держится», не приводя однако ничего в приведение своего приговора.

Карамзин, особенно чуткий к нравственной оценке исторических деятелей, напротив, известие Татищева называет не более и не менее как вымыслом!

Приговор строгий, но вполне справедливым! Не станем вдаваться здесь в перечисление всех недосмотров, ошибок и неточностей в труде Татищева: это слишком отклонило бы от занимающего нас вопроса. Достаточно сказать, что ни в одном памятнике мы не находим ничего, подтверждающего из-

вестие Татищева. И. Д. Беляев потрудился сделать выписки *из двенадцати летописей*, в которых говорится о нашествии Неврюя и о путешествии Александра к Сартаку, и нашел, что из двенадцати летописей, приведенных им, «ни одна не обвиняет Александра в наведении татар, другие летописи также ничего не говорят об этом». «Вообще, — добавляет от себя почтенный исследователь, — не было в характере Александра обижать кого-либо и тем паче наводить татар на Русскую землю, что доказывает вся его жизнь».

Предоставляем каждому решить, что должно иметь больший вес в глазах историка — известие ли Степенной книги и согласное с нею свидетельство всех летописей или одиночное свидетельство позднейшего писателя, которым можно пользоваться лишь с большою осторожностью?

Разберем далее те соображения, в силу которых Соловьев предпочитает следовать известию Татищева. «*Справедливость этого известия подтверж-*

дается, во-первых, словами Андрея: «Господи! Что се есть, доколе нам меж собою браниться и наводити друг на друга татар!»

Не говоря уже о том, что личности, подобные Андрею, насколько мы уяснили себе его характер, при встретившихся им затруднениях вместо того, чтобы хладнокровно обсудить положение и найти причину затруднений в собственных поступках, падают духом («великий князь Андрей... смутися в себе») и раздражаются жалобами на посторонние обстоятельства и на других лиц, — не знаем, почему в словах Андрея можно находить обвинение именно против Александра, а не против дяди Святослава? Мы видели, чем занят был Александр в Новгороде после возвращения из Азии, и как, среди государственных и семейных забот, затруднения и беспорядки во Владимире внезапно отвлекли его внимание на Восток, между тем, как дважды лишенный великого княжения своими племянниками, Святослав отправился

хлопотать за себя в Орду и успел снять расположение молодого властителя Сартака. Происки дяди, очевидно, и имел в виду Андрей. «Без сомнения, — говорит Беляев, — Андрей называл наводчиком татар не кого другого, как Святослава». Борьба из-за великого княжения началась непосредственно после смерти Ярослава. Святослав и Андрей поспешили к Батью. Святослав вернулся из Орды великим князем. Но от хана Менгу Андрей получил ярлык на великое княжение и изгнал дядю. Он считал это дело уже безповоротно оконченным, как вдруг снова поднимается на него гроза. «Доколе нам меж собою браниться!?» — восклицает он. Когда же, наконец, прекратится этот спор между им и дядею? И в самом деле, если бы Андрей имел в виду брата Александра, а не дядю, он, без сомнения, сказал бы: «наводити брат на брата татар». Но дело в том, что все время шла борьба не братьев между собою, а племянников с дядею.

«Александр, — продолжает историк, — был в это время в Орде и взял старшинство от хана: если бы он не был против брата, то почему не умилоствовал Сартака как умилоствовал его после, по случаю восстаний народных?»

Прежде всего скажем, что Александр именно и не было в Орде во время состоявшегося приказа Неврюю относительно Андрея. Одним уже этим фактом безповоротно опровергается обвинение против Александра... Беляев обстоятельно доказал, что Александр не мог быть в Орде раньше конца июня или начала июля, между тем как Неврюй уже 23 июля переходил Клязьму. Но предположим на минуту, что Александр успел прибыть в Орду к началу Неврюева похода — все-таки очень сомнительно, чтобы ему удалось умилоствовать хана. Можно было, хотя и с трудом, укрощать ханский гнев по случаю восстаний народных, ссылаясь на многое: на неразумие толпы, на хищность сборщиков дани и тому подобное. Но что мог сказать Александр в

извинение брата, раздражившего татар? Разве Андрей обнаруживал склонность принести покорность хану? Не заявлял ли он гордо в это время: «Лучше отказаться от престола, чем служить татарам»? *Как просить прощения тому, кто сам его не желает?* Далее, — за народ Александр приносил хану извинения и ходатайствовал о милости в качестве признанного самими татарами его главы, и хан уважал его предстательство. Какое право мог иметь Александр, ходатайствуя за брата? Наконец, достаточно ли велико было расположение Сартака к Александру в то время? Если Александр спасал русский народ от последствий ханского гнева, это еще не значит, что он во всякое время мог спасти всякого князя, вздумавшего прогневать своих властителей. Известно, как строго смотрели татары на долг повиновения... Насколько велик был гнев хана на Андрея видно из того, что впоследствии, когда Александр был уже великим князем и, следовательно, пользовался полным доверием хана,

он, крайне сожалея о судьбе, постигшей Андрея, хотел дать ему Суздаль, но «не смеяше царя».

«Бегство Андрея в Швецию, — говорит далее Соловьев, — и радушный прием со стороны шведов может показывать, что они видели в Андрее врага Александра».

Слишком слабое основание. Прежде всего, Андрей отправился не в Швецию, а к сыну своего мнимого врага — Василию, княжившему в Новгороде по отъезде отца... «Очевидно, — справедливо говорит Беляев, — Андрей не побежал бы к сыну своего врага, боясь, что его непременно выдадут татарам; да и в Новгороде бы его действительно схватили и отослали к хану, ежели бы в самом деле Александр был враг Андрею». Между тем новгородцы не дозволили только Андрею оставаться у себя, высказав в этом случае замечательное благоразумие и трогательную заботливость об Александре, да и о самом Андрее: Александр был ведь в это время в Орде, где его могли задержать залож-

ником, и тогда новгородцам для освобождения дорогого для них князя пришлось бы пожертвовать Андреем и самим отвезти его к хану... Радущие же шведов имело своекорыстное основание: они рады были удалению Андрея из Владимира, потому что оно избавляло их от непосредственного соседства с грозным Александром...

«Предположение кн. Щербатова, что всему виною был дядя Святослав, не имеет основания, — утверждает Соловьев, — ибо Святослав не получил от перемены никакой пользы». Малопонятное соображение: как же мог Святослав воспользоваться переменой 1252 года, когда он в том же году умер?.. По крайней мере, при назначении ханом на великое княжение Александра состояние здоровья Святослава исключало всякую возможность занять ему великое княжение...

Вот и все основания, которые приводит знаменитый историк в подкрепление своего взгляда!..

Постранствовав в чужих краях, Андрей в конце концов возвратился в оте-

чество. Как же встретились братья? Андрей спешит к Александру, который встречает его с распростертыми объятиями, с «любовию», по словам самого Татищева, и спешит устроить его положение... Не так встречаются враги, причинившие друг другу незабываемые обиды!

Замечательно, что татары, наряду с Андреевой областью, опустошили и владения Александра, его родину — Переяславль, — и это они сделали также в интересах Александра, по его наущению?!

Наконец, скажем от себя, не чудовищно ли обвинять Александра в ужасах Неврюева погрома? Или он был настолько непредусмотрителен, что не мог предвидеть того грозного оборота, который приняли события под влиянием его наветов? Могли ли современники относиться с такою любовью, с таким, можно сказать, благоговением к Александру, если бы на памяти его лежало кровавое дело? Тогда ведь не было дипломатических тайн, и причина на-

шествия Неврюя не укрылась бы от современников. Раскроем, например, Софийский временник. Разве можно было бы прочитать в нем следующие строки непосредственно после известия о Неврюевом нашествии: «Князь благ в странах не собирая богатства и не презря кровь праведничу, сироте и вдовице вправду судя, милостилюбец, а не златолюбец, *благ домочадец своим*, а внешним своим от страны и приходящим от страны кормитель, на таковыя Бог призирает; и распространи Бог землю его, и богатство и славу, и удолжи Бог лета ему».

Но — довольно!.. Не обманывалось сердце русского народа, считавшего Александра своим Ангелом хранителем и горько впоследствии оплакивавшего его кончину, как всенародное бедствие, не погрешила и Православная церковь, причтя его, по указанию свыше, к лику святых.

Получив приказ привести непокорного владимирского князя, Неврюй собрал огромные полчища, притянув к

себе силы двух царевичей — Котии и Олабуги Храброго. Александр, получив сведения о готовившихся событиях, поспешил в Орду в надежде предотвратить ужасы нашествия, но не имел достаточно времени, чтобы остановить поход. Уже «в канун Боришу дню безбожнии татарове под Володимирем бродиша Клязьму». Великий князь Андрей Ярославич совершенно потерял голову: попеременно от крайнего малодушия переходя к заносчивости, он то обвинял других в своем несчастье, то гордо заявлял, что «лучше бежать в чужую землю, нежели дружитися и служите татарам». Без сомнения, у него были благоразумные бояре, которые советовали ему поспешить в Орду с заявлением полной покорности и щедрыми подарками Неврюю, по крайней мере, уменьшить размеры несчастья, но он, вероятно, склонился на убеждения своих «младоумных советников» и принял самое несчастное решение — сразиться с татарами. Встреча произошла близ Переяславля, и «сразиша

ся обои полци, и бысть сеча велика». Русские потерпели поражение, сам великий князь «едва убежа». Пробыв немного времени в Новгороде, он, вероятно, по совету новгородцев, удалился во Псков, как в более безопасное место. Но татары могли настигнуть его и во Пскове. Поэтому Андрей увидел себя в необходимости бежать за пределы России и прибыл с молодой своей княгиней к немцам, в город Колывань. Оставив здесь княгиню, он отправился в Швецию, вероятно, чтобы выхлопотать себе помощь против татар. Найдя у шведов радушный прием, он вызвал к себе из Колывани супругу. Однако надежды на шведскую помощь не оправдались, а одна «добродушная ласка шведов не могла утешить его в сем добровольном изгнании: отечество и престол не заменяются дружелюбием иноземцев», по выражению Карамзина. Андрей вернулся на родину, где, как мы видели, его с братской любовью встретил его доблестный брат, употребивший, вероятно, немалые усилия,

чтобы выхлопотать ему прощение. Андрей скончался весной 1264 года, пережив годом старшего брата, но великое княжение для него было потеряно безвозвратно. Последние годы своей жизни он княжил в Суздале. Третий из участников прискорбного эпизода нашей истории, Святослав, по выражению Беляева, «не воспользовался успехами Неврюева похода», да и не мог воспользоваться: окончательно расстроив в Орде свое здоровье, он умер 3 февраля 1252 года и был погребен в Юрьевском соборе. Много пришлось выстрадать этому князю: не по силам ему была борьба с даровитыми племянниками! Право на великокняжеский стол теперь уже, бесспорно переходило к Александру, и он по решению хана принял великое княжение. Но собственное возвышение не радовало Александра: он знал, что происходит на Руси. Татары, разбив Андрея, рассеялись по всей Суздальской области и страшно ее опустошили. Родина Александра — Переяславль испытал общую

участь: город был разрушен, воевода убит. Застигнув здесь семью другого брата Александра — Ярослава Ярославича, варвары убили его супругу, детей — одних избили, других увезли в плен. Но от Переяславля, неожиданно повернув назад, с громадной добычей, со множеством пленных «взратишася в страны своя». Такое поспешное удаление объясняется тем, что Александр, по выражению Карамзина, «благодарными представлениями» успел укротить гнев Сартака и возвращался во Владимир с ханской милостью.

Дорогой великий князь с сокрушенным сердцем видел повсюду печальные следы опустошения: города и селения разрушены, храмы разграблены, люди разбежались по лесам. Между тем широко распространявшаяся молва, что Александр возвращается великим князем, исполняла сердца всех живейшею радостью. Настроение народа Александр заметил, без сомнения, уже по пути во Владимир. Но вот и окрестности столицы, изобиловавшие нивами,

поемными лугами, рощами и озерами. Сколько воспоминаний связано с разными местностями! Вот при самом устье многорыбной Нерли, впадающей в Клязьму, каменный храм Покрова Богородицы, воздвигнутый Андреем Боголюбским, далее, в расстоянии с небольшим версты, виднеются валы Боголюбова, любимого местопребывания того же князя, со знаменитым храмом Рождества Богородицы. Вот и село Красное с княжим двором. Всего два года тому назад гостил здесь Александр Ярославич — и сколько перемен! Давно ли кипела здесь жизнь со всем раздольем, а теперь кругом царит запустение... Печальные мысли о недавнем хозяине внушали эти развалины... Зато, по крайней мере с наружной стороны, совершенно уцелел дивный храм, воздвигнутый дедом Невского Всеволодом III в честь Дмитрия Солунского. Вот, наконец, сам стольный город Владимир, красиво возвышающийся на левом нагорном берегу реки Клязьмы, весь утопающий в зелени садов и лесов.

В центре города — детинец, или кремль, разделяющий наружный город на две части, как бы на два отдельных города. С двух сторон детинец омывается струями Клязьмы и Лыбеди. На берег Лыбеди смотрят Медные ворота кремля, а на берег Клязьмы — Волжские. На конце одной части внешнего города, близ устья Лыбеди, находились ворота, называвшиеся Серебряными. На противоположном конце столицы, с юго-западной стороны, въезжали в другую половину наружного города так называемыми Золотыми воротами. Князь Андрей Боголюбский все это устроил, «ворота золотая доспе, а другая серебряном учини!». Внутри кремля над самым обрывом высится соборный храм Успения Богородицы, с главной святыней города — чудотворной иконой Владимирской Богоматери, а в его притворах — гробницы князей, предков Александра, создавших силу Суздальской земли, и епископов. Подъезжая с юго-западной стороны, Александр вступал в столицу Золотыми вратами. То

был светлый, радостный день! Забыты были недавние ужасы нашествия — с Александром вновь возвращались надежды на лучшие дни. Народ во множестве спешил навстречу давно желанному гостю. Не только владимирцы, но и жители других городов сошлись для торжественной встречи, потому что «бысть радость велика во Владимире и во всей земли Суздальской», У самых Золотых ворот великого князя встретили митрополит Кирилл, игумены, священники с крестами. Во главе народа встречал князя тысяцкий Роман Михайлович, управлявший делами за отсутствием князя и теперь спешивший передать бразды правления в могучие руки невского героя. Начались обычные приветствия, сопровождавшиеся громкими радостными криками народа. От Золотых ворот шествие направлялось в кремль, в соборный храм Богородицы. Там торжественно совершено было посажение Александра на престол, с пожалованием царевым. Как некогда в Новгороде у святой Софии,

так и теперь горячо со своим народом молился Александр Ярославич о ниспослании ему помощи и сил на новые, еще более трудные подвиги. Тогда он был почти юношей, а теперь перед взорами всех стоял муж, прославленный победами и изведавший тяжкие жизненные опыты. Мужественная красота Александра, озаренная глубокой мыслью, светившаяся в прекрасных, добрых очах, производила неотразимое впечатление на всех присутствовавших, вселяя любовь и твердую уверенность, что никто другой, кроме этого мощного человека, не в силах поднять тяжкое бремя правления в столь трудную эпоху, что для улучшения положения отечества отныне сделано будет все, что только возможно в силах человеческих, что у руля стал надежный кормчий, который безопасно проведет корабль среди бушующих волн. Тем пламеннее возносились молитвы к Богу о том, чтобы Всевышний «удолжил лета ему», чтобы на дела его ниспослал Свое благословение.

Первой заботой Александра после того, как он получил «старейшинство во всей братии своей», было — загладить следы Неврюева погрома. Подобно отцу своему Ярославу, устроившему Суздальскую область после нашествия Батя, Александр спешил восстановить и украсить храмы, обстроить города и собрать разбежавшихся жителей. «Скоро воцарилось спокойствие в великом княжении: люди, испуганные нашествием Неврюя, возвратились в дома, земледельцы к плугу и священники к олтарям». Твердая, энергическая рука державного хозяина чувствовалась всюду... «Добре бо рече о таких Давыд пророк: во отец своих место быша сынове их», справедливо замечает летописец, и «добро бяше хрестьяном!».

XII

Великое княжение Александра Ярославича. — Святой Александр — правитель. — Отношение к Западу. — Политика относительно татар.

Если бы Андрей Ярославич сумел удержаться великим князем, установить надлежащим образом отношения к татарам и в качестве правителя оказаться на высоте своего положения, задача Александра была бы ясна и немногосложна — стоять на страже отечества против западных врагов и оберегать по-прежнему целостность Русской земли от неизбежных нападений с их стороны. Но Провидение решило иначе: Александр стал во главе русского народа, и его задачи сразу усложнились. Однако многообъемлющий ум и могучая воля помогли ему в разре-

шении труднейших вопросов века. Так постепенно развивается перед нами величие этого героического образа... В первую половину своей деятельности в качестве новгородского князя он является перед нами, главным образом, как *искусный полководец*, которому удивляются до сих пор. Но уже за это время его жизни выступают перед нами главные черты его характера. Он не увлекается личной, рыцарской храбростью, не жаждет военной славы; битвы и победы составляют для него только средства для достижения высших целей. Он не гордится своими успехами, приписывая их всецело небесной помощи. Проявляя личную храбрость, где нужно, он побеждает неприятеля, главным образом, стратегическим искусством, глубоко обдумывая план своих действий и затем с ужасающей быстротой приводя его в исполнение. Таким образом, это вовсе не была бурная натура, страстно и неудержимо стремившаяся вперед и увлекавшая за собою других. В вопросе о великом княжении

он обнаруживает удивительную предусмотрительность и осторожность, скромность и самоотвержение и вместе с тем глубокое уважение к правам других. Он умеет терпеть, когда другие спешат. Сознание внутренней нравственной мощи сказывается в этом спокойствии...

В нем в удивительном согласии сочетались три величайшие доблести: практический трезвый взгляд, гибкий, изобретательный и широкий ум, способный обнимать разнородные предметы и обстоятельства во всей их сложности и, проникая в будущее, намечать новые формы жизни в соединении с несокрушимой волей и самообладанием. Эти свойства помогли ему проявить более высокую, чем доблесть полководца, поистине царственную добродетель — *правителя*. Из дальнейшего изложения деятельности Александра в качестве великого князя мы убедимся, что он — один из тех немногих великих людей в истории, которые завершают предшествующую эпоху и, сознав пол-

ную несостоятельность прежних форм жизни, отдаются на служение новым началам, несмотря на личные страдания и даже унижения. Александр имел достаточно силы и самоотречения, чтобы воплощать в своей деятельности идеалы будущего и сообразно с ними устраивать судьбы своего народа тем способом, какой только был возможен по обстоятельствам того времени, благодаря чему новые, намеченные им порядки, несмотря на ошибки его преемников, пустили корни в народной жизни и получили возможность дальнейшего развития и применения. И в этот момент своей жизни, который должен был повлиять на судьбу целых столетий, он является перед нами великим правителем и героем, который жертвует своим спокойствием, всеми выгодами и почестями своего положения, всеми личными интересами для того, чтобы заложить прочные основы великого здания будущего, отличаясь в этом отношении от всех современных ему князей. Фундамент для Москов-

ского государства заложен был Александром. Успехи Даниила, Калиты, Донского, Иоанна III были бы невозможны без Александра.

* * *

Рассматривая многостороннюю деятельность Александра Невского в качестве главы русского народа и стараясь разъяснить ее внутренний смысл, мы должны признать, что ключом для понимания его политики служат его отношения к монголам. Это вполне понятно: завоевание Руси варварами и потеря политической самостоятельности — такое обстоятельство, которое, тяготея над всеми другими отношениями, надолго должно было определять исторические судьбы русского народа. Примириться в душе с фактом подчинения христианского народа грубым варварам, отказавшись от надежды на возвращение политической независимости, очевидно, было невыносимо; следовательно, оставалось избрать более или менее верный путь, который

рано или поздно привел бы к освобождению. Современным руководителям судьбами русского народа представлялся двоякий исход: прежде всего, конечно, приходила в голову мысль воспользоваться несокрушенными еще силами христианского мира в лице западноевропейских государств и постараться призвать их на помощь против варварства, грозившего затопить весь цивилизованный мир. Это средство могло казаться наиболее легким и осуществимым. Но для того, чтобы воспользоваться помощью христианского Запада, необходимо было объединиться с ним в духовном отношении, признать власть Папы и, как роковое следствие этого, втянуться в круг западноевропейского развития. На этот путь и попытался вступить один из замечательных князей того времени, современник Александра Невского, Даниил Романович, король Галицкий. Почти вся Юго-Западная Русь была в его владении. Сам он отличался выдающимися качествами, вызывающими глубокое

сочувствие историка: всегда отважный, не знавший страха, великодушный и до крайности добросердечный, он в то же время обладал светлым, широким взглядом на политические обстоятельства того времени. Волей-неволей пришлось ему побывать в Орде с поклоном ненавистному Батыю. Татарский хан принял его с честью, но эта честь тяжело отозвалась в его сердце...

«О, злее зла честь татарская! — восклицали тогда. — Даниил Романович, князь великий, владевший Русской землей — Киевом, Волынью, Галичем, стоит на коленях, холопом называется, дань обещает платить, за жизнь свою трепещет, угрозу боится!..»

Нестерпимым показалось такое унижение Даниилу. Скрепя сердце, в надежде на помощь с Запада, он решился дать клятвенный обет покорности Римской Церкви и принял королевский венец, по выражению летописца, от Бога, и от престола святого Петра, и от отца своего Папы Иннокентия... Ведал ли король Галицкий, что творил,

вступая в столь тесную связь с Западом? Безспорно — и дальнейшая история русского народа доказала это — мы не могли бы успешно продолжать свое развитие, окончательно замкнувшись в себе и устранившись от Запада, не усвоив себе плодов высшей европейской культуры, но вопрос не в этом, а в том когда, на какой ступени своего развития могли мы воспринять семена европейской культуры, не страшась потери своей политической и духовной самостоятельности? Если в XVIII веке, уже достаточно сильные своим государственным единством и национальным самосознанием, вступив в тесное культурное общение с Западом, мы тем не менее вкусили много, много горьких плодов этого сближения, — готовы ли мы были к такому сближению в XIII веке?.. К счастью, все задушевные планы и надежды Даниила на помощь Запада рушились. Запад обманул его, Папа не прислал ему помощи, и Даниил, прервав все сношения с Римом, умер сыном Православной Церкви. Но

лучшие силы этого благородного князя были потрачены безвозвратно: гоняясь за своей мечтой, он не успел ни освободиться от монгольского ига, ни позаботиться о том, чтобы оставить своему государству прочные залогов развития на будущее время. «Не прошло ста лет после Даниила, — говорит историк, — и в то время как в Восточной Руси возникали прочные начала государственного единения. Южная Русь, явившись еще в XIII веке на короткое время в образе государства, под властью князя, получившего титул монарха между европейскими государями, не только распалась, но сделалась добычей чужеземцев... Восточную часть Южной Руси завладели литовцы, Западной — поляки, и, по соединении последних между собою в одну державу, Южная Русь на многие века была оторвана от русской семьи, подвергаясь насильственному давлению чуждых стихий и выбиваясь из-под их гнета тяжелыми, долгими и кровавыми усилиями народа».

Иной путь избрал славный князь Северо-Восточной Руси. Не рассчитывать на чужую помощь, а расти и подниматься собственными усилиями, с напряжением всех сил народных выработать и создать свой собственный центр могущества, сохранив неприкосновенными черты народности, и затем уже думать о свержении ига — таковы смысл и значение деятельности святого Александра Невского. Какая могучая вера в свой народ требовалась для того, чтобы не смутиться обрушившимися над Русью бедствиями, чтобы надеяться на то, что рано или поздно, укрепившись духовно и собравшись с материальными силами, Россия воскреснет, как феникс из пепла, для новой, политической и духовно самостоятельной жизни!

Западные враги неминуемо грозили не только политической независимости, но самой народности. Зато с ними можно было бороться, и наш национальный герой сражается с ними без усталости, без малейшей уступки, до край-

него напряжения сил. Думать же о сопротивлении татарам при подавляющем ввиду внутреннего состояния России перевесе материальных сил на их стороне было немыслимо. Необходимо было покориться им и на время пожертвовать политической независимостью. Зато они не представляли большой опасности для народности, для сохранения безценных залогов будущего величия отечества. Стоило только внешними знаками глубокой покорности, обещанием богатых даней и подарками отстранять более тесное сожительство с варварами и держать их по возможности в некотором отдалении от Руси. Татары и без того по своей дикости и привычке к кочевому быту совершенно не склонны к оседлой, городской жизни, особенно в северных болотистых и лесных странах. Им не по вкусу сложное устройство народов более образцованных и оседлых. Не предпочтут ли они ограничиться временным пребыванием в России своих баскаков, оставив неприкосновенными религию и нравы

и предоставив по-прежнему власть русским князьям? Не предпочтут ли ханы и мурзы их довольствоваться большими доходами с покоренной страны, не утруждая себя скучными трудами и заботами суда и управления? Не останутся ли они в своих столь любезных им степях, не проникая в глубь Русской земли?

А между тем, усыпляя татар безусловною покорностью и данью, не следовало упускать из вида и забот о лучшей организации сил народных, чтобы хоть в будущем, близком или отдаленном, можно было вернуть и политическую независимость. *Главная, самая могущественная охрана народности есть государство.* Сила, крепость и тяжесть этой народной брони, очевидно, должна соответствовать силе опасностей, которым она должна противостоять. Необходим был поэтому могучий подъем государственного духа, необходимо было довершить то, что было начато суздальскими князьями. Руси нужен был единодержавный властелин, рас-

поряжающийся силами всей земли и имеющий полную возможность направлять их к общему благу. Идеал такого властелина предносился светлому уму Андрея Боголюбского. Но, всматриваясь глубже в дело, мы едва в состоянии обнять все трудности задачи. Кто заставит князей отказаться от своих прав и вместо независимых владельцев сделаться подручниками? Кто заставит области и города отказаться от своей особенности и слиться в одно политическое тело? Кто принудит население нести тяжкие жертвы во имя малопонятного ему блага государственного? *Здесь нам помогли отчасти сами татары...* Прежде всего, они объединили всю Русь общим союзом — союзом общего горя, плена. Над Россией, помимо ее воли, вознеслась единая страшная власть — власть хана, и необходимость безусловного повиновения этой власти, после страшных погромов, живо сознавалась всеми — от князя до последнего смерда. Наши князья, *став посредниками между ханом и русским народом, за-*

слонив собою русский народ, оказывая полную покорность татарам, предотвращая погромы, могли в то же время укреплять свою власть, вводить более строгие формы зависимости по отношению к государству, требовать большего повиновения, больших жертв, не вызывая сильного народного недовольствия и противодействия, потому что вся ненавистная сторона зависимости падала на татар. Привычку к своему волю, к распушенности должен был сдерживать страх сурового, беспощадного возмездия. *Позорное иго предстояло обратить в школу исторического воспитания.* Указывая на грозу нашествия, наши князья могли мало-помалу совместить в своих руках всю полноту власти, которую завоевание вручило татарам. По отношению к народу наши князья должны были уподобиться матери семейства, «которая, — выражаясь словами знаменитого писателя, — хотя и настаивает на исполнении воли строгого отца, но вместе с тем избавляет от его гнева, и потому столько же пользу-

ется авторитетом, сколько и нежною их любовью». За успех ручалось врожденное русскому народу чувство государственности. Сначала подчиняясь необходимости и внешней силе, народ мало-помалу сознает благодетельность сильной государственной власти и сам станет на страже ее... Что же касается отношений князей между собой, то, очевидно, вопрос о чести, о первенстве должен был отойти на второй план. *Надлежало позаботиться о силе — нравственной и материальной...*

Представлял ли себе с полной ясностью современное положение дел, имел ли точно определенный план действий наш народный герой — мы не знаем. Великие люди правят народами, не высказывая заранее придуманной программы. Напротив, величие истинно государственного человека, практического деятеля в том и состоит, что, применяясь к обстоятельствам времени, он умеет извлекать из них наибольшую пользу для своего народа. Мы увидим, что Александр Ярославич в своей

политике относительно татар ясно и твердо намечает тот путь, на который вступили его ближайшие потомки, московские князья, собиратели земли Русской... Изумительна пронизательность, едва оценима громадность исторической заслуги!

В дальнейшем рассказе, обнимающем период времени великого княжения Александра, постараемся выяснить по порядку: 1) отношение его к Западу; 2) политику относительно татар и 3) внутреннюю деятельность великого князя.

XIII

Посольство Папы Иннокентия IV. — Вручение папского послания святому Александру. — Ответ Папе.

Решительные победы Александра Ярославича принудили наших западных врагов навсегда отказаться от мысли о порабощении Руси наподобие Ливонии. Ни шведы, ни немцы не могли сокрушить доблестного князя. Даже литовцы, проснувшееся мужество которых грозило сделаться опасным даже для соединенных сил двух орденов, приведены в трепет непобедимым героем. Папы увидали, с каким противником они имеют дело, и вот вместо грозных булл, призывавших к крестовым походам против русских наравне с язычниками, папская политика изби-

рает другой путь. Оставалось испытать последнее средство — уловить Александра в свои сети коварством, хитро рассчитанными речами, пышными обещаниями. В 1248 году Папа Иннокентий IV отправил к Александру посольство и во главе его двух хитрейших кардиналов, Галда и Гемонта, которые должны были вручить ему папское послание и употребить все усилия к тому, чтобы склонить его к подчинению Риму. Послание было составлено весьма искусно, но, как это часто бывает, слишком большая хитрость и тонкость приемов при встрече со светлым, возвышенным умом, с правдивостью благородной души потерпели полное крушение.

«Святейший отец много слышал о тебе, славном и дивном князе. Поэтому он прислал нас из числа своих кардиналов, чтобы ты выслушал нас», — говорили папские послы, представляясь князю.

Александр, без сомнения, в присутствии православных пастырей, знат-

нейших бояр и всего своего двора принял от послов папское послание. Оно было следующего содержания:

«Иннокентий епископ, раб рабов Господа, знаменитому мужу Александру, князю Суздальскому...

Отец будущего века, насадитель непорочного совета, Искупитель наш Господь Иисус Христос низвел росу Своей благодати на ум славного блаженной памяти князя Ярослава, родителя твоего, которому, подавая вследствие удивительной щедроты неизреченную милость Своего ведения, приготовил путь в место, чрез которое он приведен был к Господней пастве, подобно овце, долгое время блуждавшей по пустыне, как мы узнали об этом от возлюбленного сына нашего Иоанна де Плано Карпини. Отец твой, желая облечься в нового человека, смиренно обещал послушание своей матери Римской Церкви и был освящен руками того же брата, что он открыто и исповедал бы пред всеми людьми, если бы столь внезапно и столь несчастно не

похитила его смерть. И так как он завершил течение настоящей жизни столь счастливым концом, то надлежит благочестиво верить и без всякого сомнения принимать, что он, сопчислившись к лику праведных, покоится в вечном блаженстве, где блистает безпредельный свет, где разливается благоухание, не рассеиваемое ветром, и где сильна полнота любви, которой не уменьшает насыщение. Итак, желая, чтобы и ты, ставший законным наследником в отцовском наследии, сделался причастником столь великого блаженства, мы, наподобие жены евангельской, возжегшей светильник, чтобы найти потерянную драхму, изыскиваем пути, употребляем усилие и прилагаем старание, чтобы иметь возможность благоразумно навестить тебя на мысль спасительно последовать по стопам твоего отца, с которыми во всякое время надлежит сообразоваться. И как он от чистого сердца и с неложным намерением обещался принять постановления и уче-

ние Римской Церкви, так и ты, оставив путь погибели, приводящий к осуждению вечной смерти, смиренно вступил бы в единение с той же церковью, которая без всякого сомнения по прямому пути направляет к спасению своих почитателей».

Плано Карпини в описании своего путешествия в Татарию ни одним словом не дает предполагать, чтобы Ярослав Всеволодович при конце жизни изменил вере предков. О, как красноречиво он описал бы это событие, если бы действительно произошло что-либо подобное! Но отчего не прибегнуть к обману для вящей славы Божией? Блистательная цель, имевшаяся в виду, не очистит ли недостойного средства? Ярослав Всеволодович скончался ведь так далеко от родины, от близких. Плано Карпини был почти свидетелем его кончины. Кто может возразить против того, что ввиду приближающейся смерти великий князь не склонился на увещания папского посла? А пример отца, память которого была священной для

сына, не должен ли подействовать сильнее самых красноречивых убеждений? Очевидно, Папа много рассчитывал на эту часть своего послания. Но вышло нечто совершенно противоположное. Дух Александра возмутился при столь наглой клевете на его покойного отца. Негодованием блеснул его взор, и, без сомнения, гневное восклицание прервало на несколько минут чтение грамоты.

«Конечно, и ты не должен отвергнуть нашей просьбы, — говорилось далее в послании, — которая, служа с нашей стороны исполнением долга, послужит в то же время и твоим выгодам, потому что, когда мы таким образом требуем, чтобы ты боялся Бога и, любя Его всею душою, исполнял Его заповеди, конечно, ты не оказался бы в здравом разуме, если бы отказал в повиновении нам и даже Самому Богу, наместником Которого, хотя и не по заслугам, мы являемся на земле. Впрочем, вследствие этого послушания честь какого-либо государя от-

нюдь не уменьшается, но благодаря ему всякая власть и временная свобода умножается, потому что достойно правят своими народами те, которые, сами стремясь властвовать над другими, в то же время стараются о повиновении божественному превосходству. Поэтому мы просим твое величество, увещеваем и прилежно убеждаем, чтобы ты снова признал своею матерью Римскую Церковь и оказал послушание ее первосвященнику. Постарайся также действительно привлечь к повиновению апостольскому престолу и твоих подданных, чтобы в вечном блаженстве наследовать тебе за это плод, который не гибнет вовек. Да будет тебе известно, что, если ты воспользуешься нашим — или лучше — Божиим благоволением, мы будем считать тебя наилучшим между католическими государями и всегда с особенным усердием будем стараться об увеличении твоей славы».

В приведенных строках, как в зеркале, отражается характер папства. По-

смотрим, однако, в чем могла бы состоять та великая честь и слава, об умножении которой Папа обещает русскому князю приложить особенное старание. Обращаясь к западноевропейскому политическому устройству в средние века, мы видим пирамидально-иерархический строй общества со множеством державцев разных наименований. В основании пирамиды — подавленное духовно и экономически крестьянство. Над ним — целая иерархическая лестница синьоров, вассалов, подвассалов с разными титулами, герцогов, графов, ландграфов, бургграфов, маркграфов, вице-графов, баронов и так далее. Ступенью выше стояли короли, еще выше — император. На самой вершине пирамиды, как бы покрывая ее своей мантией, возвышается верховный владыка Запада — Папа, уже «не просто человек, но Бог», как учил один из защитников папства. Сам император властвует только по желанию и приказанию Папы. Папа поставляет и судит его, но над ним, над Папой, есть только суд

Самого Бога... Нам представляется чудовищною эта гордыня папства, исказившего духовный характер Церкви Божией, придавшего ей образ и подобие земного царства, но такой взгляд на свою власть Папа решительно высказывает и в послании к Александру. «Правители народов, стремясь к господству над другими, повинуются сами Божественному превосходству. Русский князь не должен отказывать в повиновении Папе или лучше — Самому Богу, наместником Которого на земле является Папа». На какой же ступени указанной выше иерархической лестницы станет русский князь, признав власть Папы? Предоставит ли ему Папа титул графа, герцога или, может быть, возвеличит титулом короля? Во всяком случае, ему придется стать в ряд подчиненных властителей, получающих повеления с высоты папского престола, под опасением, в случае малейшего ослушания, отлучения от Церкви, низложения, разрешения подданных от присяги и так далее... И ввиду этого Папа пригла-

шает русского князя привлечь к послушанию «апостольскому престолу» и своих подданных!.. «Это будет служить и твоим выгодам, это укрепит и твою власть», — пишет Папа; другими словами, ты можешь тогда безнаказанно угнетать твоих подданных, опираясь на высший авторитет, подобно сонму средневековых державцев. Подобное представление о власти должно было показаться диким и чуждым на Руси, где власть понималась скорее как служение родной земле, где идеалом князя был *страдалец* за землю Русскую...

«Так как опасностей всегда легче избежать, если вооружиться против них щитом предусмотрительности, мы особенно просим тебя, чтобы, лишь только узнаешь, что татары направляются против христиан, ты тотчас постарался бы уведомить об этом братьев Тевтонского ордена в Ливонии, чтобы, получив сведения об этом от тех же братьев, мы могли заблаговременно позаботиться о противодействии татарам с Божией помощью.

Сверх сего за то, что ты не захотел преклонить выи пред свирепостью татар, мы прославляем твое благоразумие достойными в Боге похвалами. Дано в Лионе 8 февраля 1248 года».

Какая трогательная заботливость о Русской земле! Но давно ли возбуждались крестовые походы против русских? Александру Ярославичу великодушно предлагается содействие братьев Тевтонского ордена и всего Запада к отражению татар. Но давно ли эти братья грозно ополчились на Русскую землю? Давно ли на льду Чудского озера Александр с Божией помощью разгромил наголову этих борцов папства? Можно ли было хотя на один миг поверить искренности столь внезапно проявившегося благоволения к Русской земле? Но, без сомнения, более всего оскорбило благочестивого князя то, что Папа дерзнул обругать «святая святых» его души — святую православную веру, назвав ее «путем погибели, приводящим к осуждению вечной смерти». Глубокая личная обида послышалась

ему и в этом приглашении постараться о привлечении к латинству своего народа... Долго сдерживаемое при чтении послания чувство гнева вырвалось наружу и сказалось в следующем сухом и грозном ответе:

«Слышите, посланницы папестии и прелестницы преокаянные! От Адама и до потопа, и от потопа до разделения язык, и от разделения язык до начала Авраамля, и от Авраамля до приития Израилева сквозе Чермное море, а от начала царства Соломона до Августа царя, а от начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресения Его, а от воскресения Его и на небеса вшествия и до царствия Великого Константина и до первого собора и до Седьмого собора: сия вся сведаем добре, а от вас учения не принимаем».

Ответ глубоко знаменательный! Несмотря на его краткость, несмотря на особые обстоятельства, среди которых произнесены были эти слова, в

минуту гневного возбуждения, в них выражается целое мирозерцание, указывающее на то, что победоносный князь носил в душе ясно и отчетливо созданный им светлый образ православия. Точно внезапно блеснувший луч молнии, ответ Александра ярко озарил внутренний строй его мысли и показал нам, что его светлый ум глубоко задумывался не над одними только практическими вопросами, важными для правителя и полководца. Всмотримся повнимательнее в сущность этого ответа.

После прискорбнейшего события в мире — отпадения западной Церкви от вселенского единства — учителя Православной церкви, как и следовало, не раз указывали на заблуждения латинян. При этом, однако, обличители латинства останавливались, главным образом, на отдельных пунктах отступлений от чистоты православия. В XI и XII веках таких отступлений насчитывали до тридцати восьми и более. Святой и

благоверный князь избирает иной, по истине царственный путь: не входя в обличение частных дел, он взглянул на дело с высот исторического разумения. Обращаясь к скрижалям истории, он в общих чертах намечает пред послами величественный план Божественного домостроительства нашего спасения, из которого видно, что Православная церковь зиждется на незыблемых вековых началах и должна пребывать постоянно и неизменно верно этим началам. В раю создана была первая Церковь безгрешных прародителей и там же, по грехопадению, положено было новое основание Церкви спасаемых в обетовании о Спасителе. По исполнении времен Господь Иисус Христос, свершив дело нашего спасения, положил начало Своей собственно христианской церкви. Прошли века гонений. Со времени Константина Великого основные начала христианского вероучения и правила жизни раскрываются и утверждаются Вселенски-

ми соборами настолько твердо, что православные христиане имеют несомненное мерило истины. Итак, верность Церкви тем началам, которые положены Самим Иисусом Христом и Его апостолами и затем утверждены Вселенскими соборами, постоянное одушевление Церкви этими началами и жизнь в духе этих начал, непрерывно текущая в Церкви от самого ее основания, преемственно и непрерывно переходящая из века в век до последнего времени, — вот в чем состоит истина православия! Со времени отпадения Римской Церкви от вселенского единства, между тем как Запад устремился на путь многих и многих перемен, прибавлений и убавлений в существенном и несущественном, для Православной церкви открылось именно особое, исключительное служение блюсти в неприкосновенной целости тот священный залог, который был некогда общим достоянием Церкви восточной и западной, блюсти истинно, как святыню, все то, что изна-

чала было достоянием единой, апостольской и соборной Церкви. Если же православие есть пребывание Церкви неизменно верною ее божественным началам и жизнь в духе этих начал, то ясно, что начала православия не суть начала внешнего авторитета, вроде папской власти, но внутреннего, не временного человеческого, но вечного — божественного. Таков внутренний смысл замечательного ответа, данного русским князем послам Папы, — и какой сокрушительный для латинства смысл! Не проронив ни одного слова обличения, своим богомудрым ответом Александр Ярославич поражает латинство, так сказать, во главу, в главное его заблуждении — во вновь придуманном католиками догмате о Папе, как видимой верховной и непогрешимой главе Церкви, — как новой, человеческой основе для здания Божия...

Письменный ответ Александра, врученный послам Папы, насколько мож-

но судить по дошедшему до нас пространному изложению веры, приписываемой святому Александру, является необходимым дополнением устного. Указав на то, что существо православия заключается в неизменной верности божественным и вечным основам Церкви Божией, — в письменном изложении, «сдумав с мудрецы своими», Александр в существенных чертах раскрыл основные пункты христианского вероучения.

В папском послании говорится о чести властителей, покоряющихся святому престолу, о материальных выгодах, которые последовали бы для Русской земли за подчинением Риму, — словом, все послание отличается чисто практическим духом, смещением небесного и земного, временного и вечного. Политика, земные расчеты решительно преобладают над интересами религиозными. Ничего этого мы не видим в ответах Александра. О, как много он мог бы сказать по адресу Пап, которые уже до-

статочно заявили себя в качестве национального врага русского народа! С каким правом он мог бы указать на буллы и послания, на подстрекательства против русских! Между тем в его словах нет ни одного намека на временные, земные отношения. Вопрос о вере стоит для него бесконечно выше всех политических интересов. Для него, как для православного христианина, вера есть святыня, данная свыше, охраняемая Церковью и усвояемая благочестием. Нравственное достоинство принадлежит только такой вере, предмет которой не зависит от человеческого произвола, никакого отношения к личным вкусам и мнениям, а равно и к временным политическим отношениям не имеет.

Всматриваясь в личность Александра, насколько она высказалась в данном случае, мы невольно преклоняемся перед его величием. Многогранный дух его одинаково обнимает великое и малое. Мужественно и искусно отстаивая интересы своего наро-

да, в то же время он как бы перед лицом всего света развертывает то священное знамя, под сенью которого русскому народу суждено было сохранить и отстоять свою духовную и политическую самостоятельность. Его ответ папству должен был послужить на все будущие времена образцом при дальнейших попытках Рима к подчинению Русской Церкви.

XIV

*Войны с литовцами и ливонскими немцами. —
Поход 1262 года. — Раковорская битва. —
Финляндский поход.*

После сурового ответа, данного Александром послам Папы, в Риме должны были потерять всякую надежду на добровольное подчинение русских. Но это не значило еще, что Папы оставят Россию в покое. При известной всему миру настойчивости и строгой последовательности римской политики в достижении намеченных целей надлежало ожидать, что Папы, потерпев неудачу в попытке совратить русских путем убеждения и лести, вернуться снова к обычному в то время способу обращения — посредством оружия. Действительно, вскоре после знаменитого по-

сольства мы видим возобновление враждебных действий папства, направленных против нашего отечества. Презрительно смешивая русских с татарами, Папа Иннокентий IV посылает в 1253 году епископам и духовенству Ливонии, Эстонии и Пруссии повеление проповедовать крестовый поход против татар, опустошающих Ливонию и Эстонию. Вступивший в 1255 году на престол Папа Александр IV спешит возобновить борьбу с православным русским народом, если можно так выразиться, по всей линии, поднимая против нас литовцев, ливонцев и шведов. Виды Папы хорошо обрисовываются в его внушениях, обращенных к рыцарям: все земли, укрепления, местечки и города... даже то, что состоит под властью безбожных татар, — все это мы принимаем в полную собственность святого Петра. По обращении в христианство (то есть в католичество) все эти земли, в силу нашего определения, должны состоять на вечные времена под особым покровительством и защи-

той апостольского престола. Наибольшее внимание должно быть обращено на русских, держащихся греческой схизмы.

Особенное внимание Пап начинает привлекать литовский народ, среди которого около половины XIII столетия совершалась знаменательная перемена. Литовцы долгое время подчинялись многим князьям. Набеги их на соседние земли были опустошительны, но при отсутствии единства власти не имели прочного завоевательного характера. В половине XIII столетия под давлением внешних обстоятельств среди литовского народа обнаруживается стремление к установлению единовластия. Миндовг идет решительно к этой цели, не разбирая средств. Человек железной воли, необыкновенно хитрый и жестокий, не останавливающийся ни перед каким злодеянием, он представляет собою яркий тип основателя государства в варварские времена. Чего не достигал силой, того добивался он коварством, обманом и подкупом. Наш

летописец говорит о нем: «Нача избивать братью свою и сыновце свои, а другая выгна из земле, и нача княжити один во всей земле литовьской». Кроме русских, литовцы враждовали с немцами, уже успевшими покорить их соплеменников-пруссов. Сознывая невозможность бороться одновременно с русскими и немцами, Миндовг, чтобы обезопасить себя от нападений немцев и обеспечить успех наступательных действий против русских, объявил ордену, что готов принять католичество. Понятно, какую радость должно было произвести это известие во всем католическом мире. Новые, свежие силы отдавались в распоряжение папства. Литовцы позволяли рассчитывать на себя тем, что успели уже подчинить значительную часть православной Руси. Открывались дальнейшие виды на исполнение при помощи их заветного желания Пап — подчинить русских своей власти. Папа был в восторге и, приняв Миндовга под свое покровительство, поспешил отправить приказание

к ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять нового сына католической церкви, поручая в то же время епископу кульмскому венчать Миндовга королевской короной. Далее, Папа Александр спешит уже воспользоваться ревностью новообращенного, чтобы направить его против русских, и, заранее убежденный в успехе, повелевает рижскому архиепископу посвятить епископа в русские области... Правда, Миндовг принял католичество притворно, точно так же, как латыши и пруссы принимали его под мечами рыцарей. К тому же он скоро убедился, что для немцев распространение христианства было лишь предлогом и оправданием их завоевательных замыслов. Вместо помощи против русских немцы под знаменем креста готовили иго его народу... Миндовг отрекся от христианства и королевского титула и снова вступил в борьбу с немцами. Тем не менее можно было предвидеть, что раз намеченная Римом богатая добыча так или иначе попадет в сети папской

политики, что, действительно, и произошло столетием позже... Для России вражда литовцев с немцами представляла, конечно, большие выгоды, и южнорусские князья успешно действовали против Миндовга. Далеко не так удачно шли дела в земле Полоцкой. Последним полоцким князем упоминается в летописях Брючислав, тесть Александра Невского, но потом мы встречаем в стольном Полоцке уже Миндовгова подручника и племянника Тевтивила. За Полоцкой землей, по видимому, такая же участь грозила и Смоленску. В 1252 году Миндовг послал своего дядю Выкынга и двоих племянников, Тевтивила и Едивида, воевать Смоленскую землю, дав им такой наказ: «Что кто возьмет, то пусть держит при себе!» Как раз в том же году Александр должен был оставить Новгород и спешить в Орду. Отсутствие грозного князя придало еще больше смелости литовцам. В 1253 году они сделали совсем неожиданный набег уже на новгородские земли и, рассеявшись

в разные стороны, забирали скот, пожитки и пленников. Отъезжая из Новгорода, Александр оставил там князем второго своего сына — Василия. Молодой князь, стремясь подражать подвигам своего великого отца, быстро собрал войско и погнался за литовцами, которые с большой добычей уже подвигались к своим пределам. У Торопца новгородцы настигли варваров и вступили с ними в жаркий бой. Василий Александрович сражался геройски и своим примером воодушевлял других. Отбив всю добычу и пленников, «новгородцы отмстили за кровь христианскую». Этот первый опыт показал, что Александр мог рассчитывать на своего сына. Через пять лет литовцы сделали, однако, новый набег под Смоленск и «взяша Войщину на щит». Отсюда они направились к Торжку, жители которого мужественно выступили было им навстречу, однако варвары, ведя непрерывные войны, научились военным хитростям и устроили русским засаду, причем «овых избиша, а инех изыма-

ша, и много зла бысть в Торжку». Но вскоре затем Миндовг рассорился с рыцарями, и в 1262 году литовцы уже вместе с русскими участвуют в походе на немцев.

Ливонские немцы еще более, чем литовцы, рады были удалению из Новгорода чудского победителя. Немедленно по его отъезде, собрав большие силы, они подступили в 1253 году к Пскову, который был как бы передовым постом Русской земли против немцев. Как и в 1242 году, немцы сожгли и разграбили посад. Застигнутые врасплох, псковичи заперлись в городе, но не пали духом. Ледовое побоище еще у всех было свежо в памяти. Собравшись с силами, они бодро выступили из города и бросились на неприятелей. Недаром говорили про них немцы: «Псковичи — это народ свирепый! У них вооружение блестящее, а шлемы сияют, как стекла». Между тем новгородцы, узнав о нападении, спешили с молодым князем на помощь. Один слух о приближении новгородцев навел страх на

рыцарей, обратившихся в поспешное бегство. Не теряя времени, новгородцы воротились домой и, быстро приготовившись, отправились за Нарову во владения немцев, совсем не ожидавших нападения с этой стороны и потому не оказавших отпора, и «створиша волость их пусту». В то же время и псковичи при виде столь быстрой помощи погнались за отступавшими немцами, по следам их вступили в Ливонию и, принудив к бою, «победита я». «Оказании преступници крестнаго целования», отложив свою гордость, как и в 1242 году, униженно просили мира, соглашаясь на все требования победителей. Мир был заключен «на всей воле новгородской и псковской».

Занятый важнейшими делами, Александр теперь, конечно, только издали мог следить за борьбой с врагами России на ее западной окраине, являясь с помощью только в случае крайней нужды, как это было, например, в 1262 году, уже незадолго до его кончины. Побуждаемые посланиями Папы

Александра и раздраженные изменою Миндовга, истребившего в своей земле всех католиков, ливонцы открыли вновь враждебные действия против Новгорода и Литвы. Александр получил известие об этом как раз в такое время, когда ему невозможно было принять личное участие в походе: ему необходимо было спешить в Орду, чтобы спасти русский народ от грозивших ему в то время ужасных бедствий. Тем сильнее был его гнев на «окаянных преступников правды», спешивших воспользоваться трудным положением его и Руси, и он решился расправиться с ними так, чтобы они живо припомнили времена Ледового побоища. Как ни тяжело положение Руси, но он не уступит им ни пяди родной земли, он покажет им, что рука Руси еще высока! Святая Русь заслонила собою Западную Европу, приняв на свою богатырскую грудь все удары варваров, а спасенные ею, так недавно сами содрогавшиеся свирепости неодолимых монголов, стремятся воспользоваться положением многострадаль-

ной земли, чтобы безнаказанно оскорблять ее, прилагать раны к ранам! Всевышний не оставит таких поступков безнаказанными!.. Такие чувства, без сомнения, одушевляли Александра, когда он делал распоряжения относительно похода против немцев в 1262 году. Для достижения возможно полного успеха он не пренебрег даже содействием литовцев. Заключен был союз с литовским князем Миндовгом, жмудским Тройнатом и полоцким Тевтивилом. Все низовые полки отпускал Александр, вверив начальство над ними своему брату Ярославу, князю тверскому, и зятю Константину с тем, чтобы они во главе с сыном его Димитрием, княжившим тогда по распоряжению отца вместо Василия в Новгороде, и с храброй его новгородской дружиной двинулись в Ливонию. Между тем неукротимый Миндовг, не дождавшись прихода русских, ворвался в пределы Ливонии и, внося всюду опустошение, явился под стенами Вендена. «Опустошил он всю землю, — печально гово-

рит немецкий писатель, — и оставил следы своего зверства, на какое только был способен этот отступник и враг христианского имени». Но без помощи русских Миндовг мог совершить только опустошительный набег, а между тем русские замедлили в походе. Поэтому литовский князь, удовольствовавшись большой добычей и опустошением неприятельской земли, вернулся домой. Но немцы не успели еще успокоиться, как появились русские с другой стороны. Целью их похода был Юрьев, старинное достояние Русской земли. Немцы превратили его в сильную крепость, с большим количеством жителей и сильным гарнизоном. Город был обнесен тремя каменными стенами, под защиту которых враги «пристроили себе на городе брань крепку». Видно, велико было раздражение русских против неугомонных врагов: не теряя времени в правильной осаде, вожди решились на немедленный приступ. С неукротимой отвагой бросились русские на приступ и быстро овладели

посадам. Так «сила честного креста и святой Софии всегда низлагает неправду имеющих... Ни во что же твердость та бысть!» — замечает летописец. По обычаям того сурового времени, город был сожжен, имущество разграблено, набрано много пленных. Урон русских был весьма незначителен. Поэтому с трудом верится немецкому историку, утверждающему, что магистр ордена Вернер, собрав войско, напал на русских и, отбив добычу, вслед за ними ворвался в Новгородскую землю и произвел страшное опустошение. Русские летописи ничего не говорят об этом. Мир был заключен в том же 1262 году. Памятником похода осталась договорная грамота с немцами, писанная от лица Александра и сына его Димитрия.

Распоряжения относительно этого похода были последним делом Александра по отношению к ливонским немцам. Не раз и впоследствии возобновлялась вражда с ними, но заслуга Александра состоит в том, что он указал русским путь к победам и эти как

бы завещал стоять до конца за русское достояние. Особенно замечательна была война, происшедшая в 1268 году, пять лет спустя по кончине Невского. Сын Александра Димитрий был опять в числе главных участников знаменитого похода, в котором «совкупишася вся княжения русьская в Новгород со множеством вой своих», между тем как с другой стороны также «совкупися вся земля немецкая». При Раковоре произошла страшная битва, напомнившая всем Ледовое побоище. Так же, как на льду Чудского озера, Русь, одушевляемая «храборством великого князя Дмитрия», сломала железный строй рыцарей «великие свинии», так же гнала их, устилая землю трупами, на протяжении семи верст, и только темная ночь прекратила побоище. Видно, дух Александра еще был жив в новгородцах и псковичах!..

Во Пскове дело Александра продолжал доблестный Довмонт, бывший литовский удельный князь, бежавший из Литвы и нашедший на Руси вторую ро-

дину. Получив при святом крещении имя Тимофея и сделавшись псковским князем, Довмонт поспешил породниться с домом Невского, память которого была священной для псковичей, женившись на внучке Александра, дочери Димитрия Александровича. Так как Довмонт со своими псковичами также участвовал в славной Раковорской битве и сильно опустошил Раковорскую область до самого моря, на другой год магистр ордена Отто фон Роденштейн собрал ополчение и, подступив к Пскову, начал громить город стенобитными орудиями. В 1269 году во Пскове как бы повторились памятные дни весны 1242 года. Так же, как тогда, горячо молились граждане в соборном храме Святой Троицы вместе со своим князем, который, подобно Невскому, не полагаясь на силы человеческие, смиренно сложил свой меч у алтаря. По окончании богослужения игумен препоясал князя этим мечом и благословил на брань за веру и родину. «Слышал я о мужестве вашем, — восклицал

Довмонт, ободряя свою дружину напоминанием о Ледовом побоище. — Потягаем, братья, за Святую Троицу и святые церкви и за свое отечество!» Одушевленные надеждою на помощь свыше, псковичи сделали геройскую вылазку и причинили большой урон неприятелю, а весть о приближении новгородцев заставила магистра поспешить отступлением.

Ничто так ясно не говорит нам, сколь «честно и грозно» было имя Александра у западных соседей Руси, как то обстоятельство, что немедленно после удаления его из Новгорода все они по очереди начинают усиленно нападать на русские области. Шведы также не захотели отстать от ливонцев и литовцев. Не довольствуясь распространением своей власти и католичества в Финляндии, они не переставали думать о захвате новгородских владений. В 1256 году, собрав большие силы, шведы в союзе с датчанами под начальством Дитмана появились на берегах Наровы и стали здесь чинить крепость;

новгородцы были поражены дерзостью неприятелей и немедленно отправили посольство к великому князю с просьбой о помощи. Положение их было тем более затруднительно, что у них не было вождя. Княживший в Новгороде Василий Александрович находился в то время во Владимире у отца. Но, известив Александра, новгородцы и сами не бездействовали, может быть, из опасения, что Александр, занятый в то время весьма важными переговорами с татарами об исчислении русского народа с целью определения количества дани, или не успеет прибыть вовремя с полками Суздальской земли, или и совсем не будет иметь возможности оказать им необходимой помощи. Из Новгорода разосланы были гонцы во все волости с призывом к поголовному ополчению. Призыв не пропал даром: быстро собирались отовсюду полки, и силы возрастали. Уже приготовления новгородцев настолько напугали врагов, что они поспешили подобро-поздорову обратиться за море, оста-

вив свою крепость недостроенною. Но дерзкая попытка не должна была остаться безнаказанной. Как ни занят был в то время Александр, он решился проучить старинных врагов своих и добиться во что бы то ни стало прекращения враждебных действий с их стороны. Он решился лично явиться на помощь новгородцам.

Предприятие 1256 года весьма замечательно. Что сам Александр придавал ему серьезное значение, видно из того, что он взял с собою митрополита Кирилла, как бы давая понять, что дело касается не одного Новгорода. Далее, самые действия Александра во время похода, как увидим, весьма любопытны и знаменательны, обнаруживая его планы, клонившиеся не к одному только отражению нападавших врагов. В Новгород Александр прибыл зимою с полками суздальскими и присоединил к ним дружины новгородские. Ясно было, что, несмотря на суровое время года, князь отправляется в поход, но — куда? Этого никто не знал. «Не

ведяху, где князь идет...» Ходили слухи, может быть, и намеренно распускаемые, что дело идет о войне с Чудью, как русские называли финнов, но, наверное никто ничего не мог сказать. Александр, видимо, скрывал цель предприятия, на что, разумеется, он имел свои причины. В самом деле, можно было опасаться, что, узнав о трудностях дальнего похода, новгородцы, несмотря на присутствие представителя высшей духовной власти, выкажут нежелание следовать за князем и подвергаться всем предстоявшим лишениям. Не менее важно было и от врагов скрыть конечные цели похода. Окончив приготовления и по своему всегдашнему обыкновению помолившись у святой Софии, Александр приказал войскам выступить к Копорью. Митрополит также шел с войском... В Копорье князь остановился, чтобы дать необходимый отдых войску ввиду предстоявших ему трудов. Здесь только все узнали, что пойдут в Финляндию, что князь вознамерился покарать шведов в их соб-

ственных владениях. Немедленно среди буйных новгородцев начались волнения. Многие из них по торговым делам, конечно, посещали Финляндию и были знакомы с этой страной. Зачем было идти в эту «страну озер» и чародеев, где высятся гранитные скалы, горные цепи, поросшие лесами «дремучими», где завывают ветры «буйные», где в безчисленном множестве затрудняют путь болота «стоячие» и озера «бурные», где реки «свирепые» шумят водопадами, где царствуют туманы непроглядные? Что делать в этой стране вечного мрака в зимнее время, когда не отличить дня от ночи во время короткого тусклого просвета? Чем воспользоваться в этой стране с ее скудной, однообразной растительностью, с жалкими деревушками, ютящимися в прогалинах лесов по берегам рек, состоящими из изб-землянок, похожих на шалаши? Правда, шведы, покоряя эту страну, постоянно готовы нападать и на Новгородские земли, но разве не миновала опасность? Разве

одни приготовления Великого Новгорода не утратили дерзких врагов? Такие толки раздавались по лагерю, смущая и суздальские полки. Но любовь и доверие к славному вождю превозмогли недовольство. Незначительная часть новгородцев, правда, оставила князя, но большая часть войска изъявила полную готовность повиноваться и следовать за своим вождем, куда ни поведет. Александр не препятствовал уходу недовольных, находя, быть может, что удаление вредных элементов принесет даже пользу среди предстоящих трудностей.

В Копорье митрополит благословил князя и войско и возвратился в Новгород. Александр двинулся в путь.

Финны, населяющие Южную Финляндию, делятся на две семьи: в юго-западной части живут тавасты, «Чудь белоглазая». Светлокудрые, с голубыми глазами, широким лицом и носом, коренастые, широкоплечие — они представляют собою типичных финнов. Вялые, неповоротливые, угрюмые,

злопамятные и подозрительные, вечно молчаливые — они слыли за колдунов и чародеев. Между тавастами свое влияние распространяли шведы. В восточной части Финляндии жили карелы, более стройные, с правильными чертами лица, с серовато-синими глазами, с густыми темно-русскими волосами, ниспадавшими локонами на плечи. В духовном отношении карелы гораздо живее, общительнее, деятельнее тавастов, добродушны и ласковы. Между ними новгородцы распространяли свое влияние и даже окрестили их в православную веру в начале XIII столетия. Карелы не раз в союзе с новгородцами боролись против шведов. В 1187 и 1188 годах они вторгались даже в пределы Швеции, проникали в Меларское озеро, умертвили епископа упсальского, сожгли и разорили город Сигтуну. Впоследствии такой же участи подверглись город Або и другие шведские владения в Финляндии. Карелы враждовали и с тавастами, владения которых раньше простирались далее на восток,

между Ладожским озером и Северной Двиной. К тавастам же принадлежало, по-видимому, и племя ямь, или емь, часто заодно со шведами нападавшее на владения новгородцев.

Потерпев в 1240 году поражение на берегах Невы, Биргер далеко не отказался от своих планов и решился достигнуть их более осторожным и обдуманном образом действий. Так он в 1242 году выстроил замок Тавастгус в обеспечение шведской власти в Финляндии. В 1249 году неутомимый ярл решил окончательно закрепить за шведами всю Финляндию и для этой цели вступил в союз с ливонскими немцами. Рижский епископ, по благословению Папы Александра IV, задумывал уже учредить новую Латинскую епископскую кафедру в финских землях, находившихся под влиянием Новгорода, среди карелов и соплеменных им ингров. Для выполнения этого плана решено было оттеснить новгородцев и для прочности дальнейших действий против них основать на реке Нарове крепость.

Дело шло, таким образом, о полном подчинении всей Финляндии шведам и католицизму и об устранении влияния русских среди финнов. Прочно покоренная страна должна была, очевидно, сделаться базисом, откуда уже можно было приступить и к захвату Новгородской земли.

Видно, что Александр Ярославич слишком хорошо знал о положении дел, что, несмотря на сопротивление близоруких новгородцев, на свои трудные обстоятельства и на суровое время года, решился предпринять поход в Финляндию. Приходилось идти малознакомой местностью? К счастью, между туземцами нашлись проводники, так называемые шестники, которые шли с войском; но и они, несмотря на привычность к условиям местности, гибли в большом количестве при страшных переходах по пустынным ущельям гор и топким болотам. «Бысть зол путь, — говорит летописец, — акы же не видали ни дня ни ночи». Но могучая воля Александра и самоотвержение воинов преодолевали

все трудности. В сумерки, почти ошупью, терпя недостаток во всем, войско, однако, бодро подвигалось вперед. Великий князь разделял с войсками все лишения, одушевляя их своим примером. И вот, неожиданно явившись в неприятельской стране, Александр, по выражению историка, «прошел по ней, как Божия гроза, из края в край». Шведы, пораженные ужасом, или бежали на родину, или попрятались в укреплениях. По крайней мере, мы ничего не знаем об их действиях во время похода. Оставленные ими на произвол русских туземцы могли оказать только слабое сопротивление. Опустошительным ураганом пронеслись русские по стране и по всему поморью и возвратились в Новгород с большой добычей.

«Мы положительно ничего не знаем, что имел в виду Александр Ярославич, предпринимая поход против шведов, — говорит один из жизнеописателей Александра. — Быть может, кроме желания наказать их за нарушение прав народа, он имел еще что-нибудь и дру-

гое в виду; может быть, в его светлой голове зародилась та же мысль, которая через четыре с половиною столетия была осуществлена Петром Великим...» Во всяком случае, поход в Финляндию достиг своей прямой цели, разрушив все планы наших врагов, которые должны были убедиться, что ни отдаленность, ни трудности не в состоянии остановить могучей воли, управлявшей судьбами Руси. Впечатление этого похода, вероятно, было весьма сильно. «Славна бысть земля страхом и грозою его». Только 37 лет спустя шведы осмелились снова начать враждебные действия против русских, но тогда обстоятельства на Руси уже сильно изменились... Можно сказать, Новгород и его обширная область навсегда были спасены для Руси благодаря подвигам Александра. Богатырь Древней Руси через ряд веков подает руку богатырю новой: Петр начал с того, чем окончил Александр.

Но отражая враждебные нападения, в то же время Александр, насколько хватало у него досуга, далеко не прочь

был способствовать сближению европейцев с русскими; напротив, мы видим в его деятельности черты, показывающие, что он хорошо понимал пользу, которую могли европейцы оказать русским своими познаниями, искусством, ремеслами и тому подобное. Посольство в Норвегию к Гакону несомненно обнаруживает попытку завязать дружественные связи с европейскими государями. Громкая слава и обходительность Александра немало иностранцев привлекали к нему на службу; по свидетельству летописца, он был кормитель и своим, и чужим... Не его вина, что ему пришлось вести более войны, чем устраивать мирные связи с европейцами!

Закончим наш очерк отношений Александра к Западу за время его великого княжения словами поэта:

О витязь, делами твоими
Гордится великий народ!
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

А. Толстой

XV

Заслуги святого Александра пред Русью по отношению к монголам. — Положение монгольской державы. — Первые попытки обложения данью. — Указы верховного хана. — Великие труды святого Александра. — Значение данничества. — Повинности русского народа. — Устранение вмешательства монголов в дела внутреннего управления.

Нельзя исчислить всех благодетелей, оказанных Провидением нашему отечеству в продолжение его прошедшей жизни. Особенно ясно небесное покровительство проявлялось в трудные годы нашей истории. Благо нам, если мы чаще будем вспоминать это и, неизменно веруя в высшее руководство судьбами людей и народов, уповать не на одни только человеческие успехи и усилия! Можем ли мы

считать одним случайным совпадением то обстоятельство, что в самую трудную эпоху монгольского ига, в первое его двадцатипятилетие, когда характер тяготевшего над нами иноплеменного владычества только что определялся, когда только что намечались наши отношения к монголам, судьбы России находились в руках Александра? Нет,

...не вотще от Бога гений
Ниспосылается в народ!

Майков

Что Александр заслонил и избавил наше отечество от конечного порабощения, сумел предотвратить новые страшные погромы и удержать татар вдаль, не допустив их расселиться по Русской земле и завести свои порядки, что вся наша зависимость выразилась в виде внешней покорности и дани, что мы сохранили неприкосновенными свой родной язык, свое политическое устройство, свое управление и свой суд, что православная вера как была, так и осталась главной воспитательной си-

лой русского народа, что благодаря всему этому мы сохранили возможность восстановления своих сил и дальнейшего их развития — всем этим в значительной степени мы обязаны деятельности Александра, а это такая заслуга, которой Россия не забудет никогда, как бы ни было велико ее мировое значение в настоящем и в грядущие века, как не забывает сын своей матери, хранившей его своей любовью в годы беспомощного детства!

Завоевательный пыл, одушевлявший монголов в течение нескольких десятилетий со времен Чингисхана, со второй половины XIII столетия уже значительно ослабел: за все это время монголы со страстью предавались расширению своего владычества, сопровождая свои походы страшным грабительством и безлошадным истреблением населения. Наконец, верховный хан Менгу пришел к мысли о том, чтобы крепче связать отдельные земли своей громадной империи, раскинувшейся на необъятном пространстве от берегов

Великого океана до Карпатских гор. Но было уже поздно... Монгольской державе уже грозила участь, подобная той, которой подвергались все завоевательные восточные царства, какие только знает история с отдаленных времен библейской древности: изнеженность повелителей, внутренние междоусобия и кровавые распри за престол всегда быстро вели их к распадению. Невозможность сосредоточить в одном центре все нити управления громадными подвластными землями становилась все очевиднее, интересы верховного хана и ханов-подручников все более расходились. Стремления последних к большей самостоятельности совпали со стремлениями отдельных народов, покоренных монголами, к возвращению себе свободы от иноземного владычества. Страна за страной, едва оправившись от последствий страшных погромов, как и следовало ожидать, поднимались против завоевателей. Правда, эти попытки вначале были подавляемы со страшной свирепостью. Так,

например, Гулагу, брат Менгу, получил в свое распоряжение пятую часть монгольских сил и вновь разгромил Персию и Сирию — причем множество городов еще раз были обращены в развалины. Но, усмирив эти страны, Гулагу объявил себя независимым властителем Персии, приняв титул Ильхана. В пределах Кипчакской орды также показывались признаки разложения. Ногай, один из подручников кипчакского хана, властвовавший над ордами, кочевавшими к северу от Черного моря, провозгласил себя самостоятельным ханом и вступил в союз с Михаилом Палеологом, который, изгнав латинцев из Константинополя, восстановил Византийскую империю. Союз был скреплен родственными узами: Михаил выдал свою дочь Евфросинию за Ногая... От пронизательного взора Александра, без сомнения, не укрылись признаки беспорядков, грозивших гибелью империи монголов.

Первые попытки воспользоваться правом завоевателей со стороны мон-

голов мы видим еще в первые годы княжения Ярослава. «Побежденные, — говорит Плано Карпини, — обязаны давать монголам десятую часть всего имения, рабов, войско и служить оружием для истребления других народов. В наше время Гаюк и Батый прислали на Русь вельможу своего с тем, чтобы он брал везде от двух сыновей третьего; но сей человек нахватал множество людей без всякого разбора и переписал всех жителей, как данников, обложив каждого из них шкурою белого медведя, бобра, куницы, хорька и черною лисьею; а неплатящие должны быть рабами монголов». Но это первое появление ханского посла, какого-то мусульманина, для сбора дани скорее можно назвать просто грабительским набегом с целью нахватать как можно больше добычи и пленных, чем серьезной попыткой установления каких-нибудь условий зависимости. Не могло быть речи даже относительно определения известного количества дани, вносимой русскими. Монголы все еще продолжа-

ли довольствоваться покорностью завоеванных стран, неопределенным количеством дани и подарками, доставляемыми из Руси князьями. Но Менгу, желая ввести большую определенность в отношения между победителями и побежденными, издал несколько клолившихся к этой цели указов, например относительно почты, налогов и тому подобное. Вместе с тем во всех завоеванных землях должна быть произведена поголовная перепись всех жителей. Ни Батый, ни сына его Сартака в живых уже не было. Батый умер в 1253 году, а Сартак вскоре был убит своим дядей Беркаем, который и объявил себя ханом с согласия Менгу. Он-то и должен был позаботиться об исполнении распоряжений верховного хана на Руси, для чего и назначил вельможу Улавчия, с которым непосредственно, равно как и с послами верховного хана, должны были иметь дело русские князья. Наши летописи не говорят о том, какие требования к русским должны были предъявить татары в силу распоряже-

ний верховного хана. Вероятно, эти требования были обширны и клонились не более не менее как к уничтожению всякого следа независимости Русской земли и к окончательному включению ее в разряд вполне подвластных земель. Кто знает, может быть, нашему отечеству грозила участь Камской Болгарии или земли Половецкой, безследно затерявшихся среди народностей, нахлынувших из Азии. Останутся ли наши князья на положении более или менее самостоятельных правителей в утвержденных за ними уделах, или, устранив их, монголы захотят сами взять правление в свои руки, поселившись на Руси со своими полчищами? Но не предполагая даже этого крайнего, однако вовсе не невероятного, бедствия, можно было опасаться, что монголы могут сильно стеснить деятельность князей постоянным вмешательством в дела внутреннего управления, в гражданский суд, в военное дело. Наконец, в каком виде и в каких размерах будут установлены повинности русских, не

лягут ли они слишком тяжелым бременем на не успевший еще оправиться народ? Не грозит ли ему такое рабство, которое, убив в нем все высшие стремления, низведет в положение безправных рабов, наподобие райи в славянских землях, покоренных турками? Подобного рода опасения и тяжелые думы, без сомнения, волновали душу Александра при вести о готовившихся событиях. Что он мог противопоставить со своей стороны властолюбию и алчности завоевателей? Как поладить с варварами, признающими лишь один аргумент — силу? Без сомнения, немало слез пролил в пламенной молитве перед Богом Александр Ярославич, прося вразумления, помощи и небесного покровительства своему отечеству и православным людям. В значительной степени он мог рассчитывать на расположение к себе монгольских властителей и их вельмож, на свои связи и знакомство с влиятельными лицами, которые он постарался приобрести во время своих путешествий в Кипчак и в

Монголию, мог еще раз с большим успехом, в качестве великого князя, ходатайствовать за свой народ. Внимательное изучение характера и быта монголов и приобретенное опытом умение обращаться с ними также могли давать ему надежду на более или менее благоприятное разрешение предстоявших задач. «Здесь Александр должен был напрячь все силы своего необыкновенного ума, чтобы сколько-нибудь отстоять права Руси и не довести народ до совершенного разорения. Здесь он должен был работать как для настоящего облегчения подданных, так и для будущей возможности восстановить самостоятельность и независимость государства. От его тогдашних соображений и умения вести дела с татарами почти решительно зависела будущая судьба Руси». Не пренебрег он воспользоваться хорошо ему известной жадностью варваров: и он сам, и по его поручению русские князья, особенно сыновья Василька Константиновича, Борис и Глеб, часто путешествовали с

богатыми дарами то в Кипчакскую орду, то в Великую Монголию к верховному хану и его министрам, то к Улавчию. Один из братьев — Глеб Василькович — даже женился в Монголии, вероятно, на какой-нибудь монгольской княжне, принявшей христианство, надеясь «сим брачным союзом доставить некоторые выгоды утесненному отечеству». Главное внимание Александра, кажется, было устремлено на то, чтобы как можно более расположить в свою пользу тех лиц, которым было поручено исполнение ханских указов, но, судя по продолжительности и трудности хлопот, по многочисленности поездок в Орду, можно полагать, что монголы долго не сдавались, настаивая на строгом применении ханских указов. Предварительные переговоры, по словам наших летописей, тянулись в течение двух лет, а по монгольским известиям — четыре года, от 1253 до 1257 года, что гораздо вероятнее. Каждый шаг вперед в разрешении поднятых вопросов стоил дорого. Уступки

делались постепенно. Не зная содержания самых переговоров, мы можем делать только более или менее вероятные догадки. Рассчитывая на корыстолюбие монголов, Александр мог внушать им, что естественные богатства Руси велики, трудолюбивое население может воспользоваться ими, чтобы угодить своим повелителям и богатыми даяниями заслужить их милостивое покровительство. Но для этого не следует доводить народ до отчаяния, не следует нарушать привычного течения его жизни какими бы то ни было нововведениями, оскорблять его веру, необходимо оставить управление в руках князей, которые сжились с народом и которым он привык повиноваться. Гораздо удобнее для монголов иметь дело с князьями, чем непосредственно с народом, возложив на князей ответственность за покорность народа и исправное исполнение повинностей. Большие перемены могут вызвать восстания, которые поведут к новым погромам, к истреблению народонаселения и окон-

чательному опустошению страны. Без сомнения, все подобные доводы оказали бы мало действия на татарских саяновников, если бы не были подкрепляемы щедро рассыпаемыми дарами и всем обаянием личных достоинств Александра, который умело пользовался всеми сторонами характера монголов, своей прямоотой усыпляя их подозрительность, смирением и покорностью действуя на их надменность, располагая ласковым обращением к благодушному настроению. Недаром Александр представляет собою характерный тип истинно русского человека, а давно уже замечено, что русские обладают особенным умением ладить с азиатами.

Переговоры первоначально, кажется, происходили в Руси, но затем Александр, захватив с собою племянника Бориса Васильковича Ростовского и брата Андрея, которому успел вымолить прощение, отправился в Орду. При нем же находились и послы Великого Новгорода Елевферий и Михаил

Пинешинич, так как монголы, хотя и не были в Новгороде, ни за что не соглашались оставить богатый город без обложения данью наравне с другими городами Руси. В Орде указы верховного хана разрешены были в форме более или менее благоприятной для Руси. «Сановники монгольские, убежденные и подкупленные Александром, успели представить хану дела в таком виде, что он согласился ограничить определение отношений России к монголам почти единственно исчислением народа и раскладкою условной дани и некоторыми повинностями под надзором особых чиновников, заведовавших собственно сбором податей и исправным отправлением повинностей с тем, чтобы всеми прочими делами по управлению заведовали утверждаемые ханом природные русские князья, которым даже предоставлено было право вести войну и заключать мир с кем угодно, без всяких отношений к хану, как государям самостоятельным и независимым».

По окончании всех переговоров Александр, хотя нравственно и физически измученный, спешил возвратиться в отечество: он живо сознавал необходимость подготовить народ к приезду татарских численников. Какое-либо проявление народного недовольствия, малейшая неосторожность могли погубить все плоды долгих усилий. Действительно, зимой 1257 года прибыли численники и изочли « всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники и идоша в орду, толико не чтоша игуменов, черныцев, попов, крилошан, кто зрит на Святую Богородицу и на Владыку». Тяжело было нашим предкам подвергаться поголовному исчислению: чувство народной чести и независимости еще живо было в сердцах русских, но, скрепя сердце, приходилось покоряться горькой необходимости. Вполне сочувствуя скорби народной, мы, однако, не должны забывать, что не одному русскому народу суждено проходить ту

или другую, более тяжелую или более легкую, школу исторического воспитания. Западные европейцы проходили ее в то время в тяжелой форме *феодального гнета*, лишавшего население не только имущества, но и свободы. Нас постигало *данничество*, форма зависимости сравнительно более легкая. Известный писатель, выясняя значение зависимости в ходе исторического воспитания народов, говорит, что «зависимость играет в народной жизни ту же роль, какую играет в жизни индивидуальной школьная дисциплина или нравственная аскеза, которые приучают человека обладать своею волею, подчинять ее высшим целям». Великие подвижники, подвергаясь посту, исполнению обетов, послушничеству и всем лишениям пустынножизни, воспитывают свою плоть в послушное орудие духа и, торжествуя над стремлениями греховной природы, становятся способными на всякий подвиг для исполнения воли Божией. «Такой же характер имеет и та историческая

или политическая аскеза, заключающаяся в различных формах зависимости, которую выдерживает народ, предназначенный для истинно исторической деятельности. Эта зависимость, приучающая подчинять свою личную волю какой-либо другой (хотя бы и несправедливой) для того, чтобы личная воля всегда могла и умела подчиняться той воле, которая стремится к общему благу, — имеет своим назначением возведение народа от *племенной воли к состоянию гражданской свободы*». Так премудрость миродержавного Промысла обращает самое зло к достижению благих и полезных целей. Тяжкие уроки истории и жизни сокрушают человеческую гордыню и заставляют подчиняться высшему нравственному закону. Не с большим ли смыслом и чувством преданности произносит человек, горьким опытом изведавший тщету одних человеческих усилий, святые слова: «Да будет воля Твоя!» Наши смиренные летописцы выражают тот же закон истории и жиз-

ни, когда, поведав об исчислении и обложении народа данями, прибавляют: «Се же все бысть на Русьской земли грех ради наших».

Красноречивые проповедники тех времен также старались разъяснить народу смысл постигших его несчастий.

«Не так скорбит мать, видя детей своих больными, как скорблю я, грешный отец ваш, видя вас болящих делами беззаконными... Чего мы не навлекли на себя? Каких наказаний мы не претерпели от Бога? Не была ли пленена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не в короткое ли время пали мертвы на земле отцы и братья наши?.. А мы, оставшиеся, не порабощены ли горьким рабством от иноплеменников?.. Мы и хлеба не можем есть в сладость. От воздыханий и печали сохнут кости наши. *Что же довело нас до этого? Наши беззакония и наши грехи, наше непослушание, наша нераскаянность*».

«Господь навел на нас народ немилостивый, народ лютый, народ, не ща-

дящий ни юной красоты, ни немощи старцев, ни младости детей, ибо мы подвигли на себя гнев Бога нашего... Разрушены Божий церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сделались добычею меча; тела преподобных иноков брошены в добычу птицам; кровь отцов и братьев наших, как вода обильная, напоила землю. Исчезла крепость наших князей, военачальников; храбрые наши бежали, исполненные страха, а еще более братьев и чад наших отведено в плен. Поля наши поросли травой, и величие наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось в удел другим, труды наши достались неверным. Земля наша стала достоянием иноплеменников... Свели мы на себя гнев Господа, как дождь с неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили от себя великую Его милость... *Отступим от всех злых дел, от разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, резвоимания (ростовщичества)*».

Так смотрели наши лучшие люди того времени на постигавшие Русскую землю бедствия, такими же мыслями руководился, без сомнения, и благоверный князь, стоявший во главе русского народа в то тяжкое время, смиренно признавая в грозных испытаниях проявление Высшей Воли и лишь заботясь о том, чтобы тяжкие удары окончательно не сломили народных сил.

В числе земель, подвергшихся исчислению, не упомянуты северные области: Новгород и Псков. Но перепись и там, как увидим ниже, была уже решена и только отложена до поры до времени. Приднепровье оставлено без исчисления, вероятно, по его запустелости, вследствие татарских погромов и непрерывных литовских набегов. «Жителей везде мало, — писал папский посол, проезжая близ Киева, — они истреблены монголами или отведены в плен».

Из общего исчисления исключалось православное духовенство. Это истека-

ло из известного уже нам покровительственного отношения монголов к вере подвластных народов. Ханы не только не стесняли веры наших предков, напротив — считали своей обязанностью охранять ее и в своих ярлыках русскому духовенству, дарованных в защиту его прав, говорили: «Кто будет хулить веру русских или ругаться над нею, тот ничем не извинится, а умрет злою смертью».

Относительно самой дани мы не находим в летописях подробных известий. Известно, что подати в татарских землях были многочисленны и разнообразны. С покоренных народов взимались десятина (десятая часть хлебного сбора), тамга и мыть (пошлины с торгующих купцов и провозимых товаров), поплужное, ям, подводы и корм (обязанность доставлять подводы и съестные припасы татарским послам, чиновникам и гонцам), мостовщина, рекрутство, сбор рати, ловитва ханская, запрос, дары, доходы, поминки. Со всеми этими видами повинностей, за ис-

ключением разве воинской, предстояло ознакомиться и русскому народу.

Наконец, при исчислении народа, по словам летописи, татары ставили десятников, сотников, тысящников и темников. Из летописей и ярлыков, данных духовенству, мы видим, что в числе татарских чиновников на Руси еще упоминаются баскаки, таможники, данщики, поборщики, писцы, послы, гонцы, сокольники, ловцы, пардусники, побережники, бураложники, заставщики, лодейники. По справедливому замечанию Беляева, мы не видим в этом исчислении ни волостеля, ни воеводы, ни судьи, ни даже тиуна. Действительно, как показывают сами названия, все эти чиновники вовсе не участвовали во внутреннем управлении русского народа. Возбуждает вопрос разве только одно из вышепоименованных должностных лиц, именно баскак. Даруга и баскак обозначают одно и то же — «давителя». Так как даруга в самой Орде заведовал сбором дани, то и баскак, очевидно, имел то

же значение в землях покоренных. Рассмотрение различных летописных известий о баскаках на Руси приводит к тому заключению, что и они также не были правителями. Начальствуя татарскими отрядами, размещенными в главных городах, они стояли на страже ханской власти с обязанностью подавлять всякое сопротивление русских, особенно при сборе дани, равно как и следить за поведением князей, почему-либо возбуждавших подозрительность татар. К тому же в конце XIII столетия мы не встречаем более в летописях известий о баскаках — ясный знак, что их уже не было на Руси. А через удаление баскаков и других должностных лиц наши князья и совершенно освобождались от всякого влияния татар на свои распоряжения, «но и во время присутствия баскаков, — по замечанию историка, — мы не имеем основания предполагать большого влияния их на внутреннее управление, ибо не видим ни малейших следов такого влияния».

Подводя итог всему, скажем словами историка, что «Русь, при определении своих отношений к монгольским ханам, во-первых, сохранила власть своих князей, которые сделались таким образом посредниками между государством и ханами; во-вторых, ей оставлены были ее родные законы и собственный суд во всех делах, что в особенности способствовало к сохранению русской жизни и русского характера; в-третьих, ей предоставлена была неприкосновенность не только религиозных верований, но даже и церковного устройства, что преимущественно питало чувство народной самостоятельности и привязанности к своему родному; и в-четвертых, наконец, Русь, по определению своих отношений к ханам, удержала за собою, как государство самостоятельное, право войны и мира без посредства ханов и их сановников. Таким образом, Александр только одним умением вести переговоры, благоразумною настойчивостью и выжиданием времени достиг того, что Русь, совер-

шенно покоренная монголами и решительно не имевшая сил им противиться, получила от своих могущественных повелителей, не поднимая оружия, права державы почти самостоятельной, то есть достигла того, чего не всегда добиваются другие народы, даже после упорной борьбы, и притом от повелителей не столь могущественных, какими были монголы в XIII столетии. Очевидно, подати, поборы и разные повинности, наложенные на русских монголами, были очень тяжелы, и народ много должен был терпеть от посланцев хана, особенно вначале; но эта тягость была временна, и, что важнее, за Русью осталась ее народность, эта душа и жизнь государства. Четырехлетние труды Александра в переговорах с ханами и их сановниками не остались без успеха. Конечно, современники, может быть, не замечали этого; но мудрый ратоборец за Русскую землю знал, чего добивался, и посему вполне заслуживает благоговение и благодарность потомства, которое, уже зная по-

следствия Александровых забот, может с большею правдивостью оценить его труды».

Окончив благополучно исчисление в землях Рязанской, Муромской и Суздальской, распределив дань между жителями и поставив сборщиков и надзирателей за исправностью платежа, татарские сановники отправились в Орду, чтобы донести хану об успешном исполнении возложенного на них поручения. Немедленно отправился туда же и Александр в сопровождении русских князей с тем, чтобы еще раз засвидетельствовать перед ханом о добросовестном исполнении русским народом возложенных на него повинностей и выразить хану чувство благодарности за милостивое отношение его к своему верному улусу. Вместе с тем необходимо было еще раз отблагодарить Улавчия и других вельмож, с которыми Александр имел дело. Хан принял русских князей весьма милостиво, но, отпуская их от себя, еще раз решительно выразил свою волю, что в числе под-

властных ему земель должен находиться и Великий Новгород...

Таким образом, труднейший подвиг наполовину был исполнен, но то, что предстояло еще впереди, едва ли не было труднее. Не говоря уже о Новгороде, можно было опасаться, что жители и других русских областей едва ли спокойно понесут возложенное на них бремя. Правда, страх перед монголами был еще велик, опасения новых погромов могли сдерживать население в пределах покорности. Но хватит ли народного терпения для того, чтобы изо дня в день, непрестанно чувствовать над собою гнет, жить вечно под страхом возмездия за малейшую неисправность, испытывать неизбежные насилия и притеснения при сборе дани? Все эти соображения, конечно, приходили в голову Александру, и он с тяжелой, озабоченной думой возвращался на родину...

XVI

Внутренняя политика святого Александра. — Мятёж в Новгороде 1255 года. — Волнения новгородцев по случаю требования дани со стороны татар. — Благополучный исход их.

Сделавшись великим князем Владимирским, Александр в короткое время придал великокняжеской власти значение, еще небывалое дотоле, — значение властелина, перед волею которого падает всякое противодействие его власти. Иначе и быть не могло: принимая на себя вместе с великим княжением тяжкую ответственность за судьбу своего народа в эпоху, труднее которой не представляет русская история, для более успешного решения предстоящих ему великих задач он должен был действовать в твердой уверенности, что

принимаемые им меры будут иметь надлежащую силу, что его труды не пропадут даром. Каким образом он мог бы, например, заняться установлением на будущее время отношений между монголами и русскими, как могли бы сами монголы придавать серьезное значение переговорам с Александром относительно повинностей русского народа, если бы не было уверенности в том, что великий князь сумеет настоять на выполнении принятых им на себя, в качестве главы своего народа, обязанностей? Таким образом, сами обстоятельства располагали к установлению сильной власти, и Александр, как увидим, вполне воспользовался ими. В старину наши князья, собственно говоря, не были государями в своей земле, их скорее можно было назвать правителями, прочность положения которых зависела в значительной степени от воли бояр и народа, от количества приверженцев, от численности и преданности дружины и от разных других случайностей. Князья должны были

постоянно быть настороже, постоянно заботиться о прочности своего положения. Они могли добывать себе стол, могли и лишаться его. Монголы со своими понятиями о власти, утверждая русских князей в их родовых владениях, сразу поставили княжескую власть в иное отношение к земле: князь становился независим от своих подданных, от веча и так далее; становился государем, владельцем! Александр отлично понял свое положение и, получая из рук хана великое княжение, то есть, по понятиям монголов, верховную власть в своем отечестве, начал распоряжаться так, как будто дело происходило не в XIII веке, а в XV, во времена Иоанна III и Василия III. В нем сразу сказался истинный потомок великих суздальских князей Андрея Боголюбского и Всеволода III и в то же время прародитель московских самодержцев. «Важное значение Невского, — говорит Соловьев, — не ограничивается только подвигами его против шведов, немцев и Литвы и благоразум-

ным поведением относительно татар: в нем с первого же раза виден внук Всеволода III и дед Калиты; он страшен Новгороду не менее отца и деда; в великом княжении распоряжается по-отцовски, Переяславскую область без раздела отдает старшему сыну Димитрию, остальных сыновей наделяет волостями великокняжескими: Андрею отдает Городец с Нижним, Даниилу — Москву, выморочный удел Михаила Хоробрита».

Так быстро объединялись под управлением Александра русские земли, принимая вид огромного государства, руководимого единой могучей волей. Татары не мешали ему в этой важной внутренней работе. Ни один князь на Руси не мог отважиться на борьбу с Невским, который в случае непослушания мог лишать виновных стола и ссылая на «низ», как это было, например, с его сыном Василием. Но среди подвластных ему земель нашлась одна область, которая сделала было попытку освободиться из-под власти Александр-

ра. То был, как и следовало ожидать, господин Великий Новгород. Говоря об отношениях Новгорода к суздальским князьям и особенно к отцу Александра Ярославу, мы видели, что Новгород, изнемогая в непосильной борьбе, должен был смириться перед властью великого князя и недалек был от того, чтобы стать простым уделом Ярослава дома. Однако в скором времени произошли обстоятельства, которые, по видимому, обещали изменить положение Новгорода. Монгольское иго, очевидно, должно было отвлечь надолго внимание князей от дел новгородских. Далее, покоряя Русскую землю, татары не тронули Новгорода, который поэтому и считал себя неподчиненным татарскому владычеству, тяготевшему над остальной Русью. Наконец, славные победы новгородцев над шведами и немцами еще более подняли дух вольнолюбивых граждан. Все это породило в новгородцах надежды на восстановление старых порядков, когда в Новгороде не признавали иной высшей

власти, кроме веча, когда Новгород в числе русских земель считался почти самостоятельным государством... Но пока Невский находился среди новгородцев, таким стремлениям трудно было обнаружиться. Князь, пользовавшийся громадным авторитетом и любовью народа, был слишком тяжел для новгородцев; ему нельзя было указать пути из Новгорода... Александр правил там, вовсе не думая подчиняться воле своенравного веча, вполне самостоятельно. Сделавшись великим князем Владимирским, Александр продолжал держать Новгород в строгой зависимости, назначая князьями туда своих сыновей, которых скорее можно было назвать его наместниками. Вначале Новгородским князем, как мы видели, был Василий Александрович, успевший в короткое время отличиться своими подвигами в борьбе с Литвою и ливонскими немцами. Но уже само отсутствие Александра дало простор для возобновления прежде всего борьбы партий. В 1243 году в Новгороде

скончался посадник Степан Твердиславич, представляющий единственный в истории Новгорода пример посадника, оставшегося на своем посту 13 лет и умершего при своей должности. При Василии мы видим посадником Ананию, слывшего ревностным защитником старых новгородских прав и вольностей. Но сын Степана Твердиславича Михаил задумал перехватить у Анании звание первого сановника в городе и начал вербовать себе приверженцев. В Новгороде начались смуты. Все чаще слышалась речь о том, что пора прекратить унижительную для чести города зависимость от Суздаля и позаботиться о восстановлении всех старых вольностей. Василий Александрович — храбрый князь, но он — не избранник Великого Новгорода, ставленник и наместник великого князя и послушный исполнитель его воли. Такой князь не может княжить в Новгороде! Всем известна преданность новгородцев Александру, но святая София и Великий Новгород для них еще дороже.

Время промыслить себе такого князя, который зависел бы только от народной воли и ни от кого более!.. Такие речи были любы большинству народа, мало понимавшего, что воля, о которой так заботятся, — не воля, а своеволие!

Задумав освободиться от власти великого князя, новгородцы заблаговременно позаботились и о том, чтобы в случае разрыва с Александром не остаться совсем без князя. В 1253 году Ярослав Ярославич, младший брат Александра, княживший в Твери, оставил свой удел и явился в землях новгородских. Новгородцы приняли его с честью и посадили княжить в Ладоге. На то время псковичи оказались без князя и поспешили пригласить Ярослава к себе. Новгородцы не сомневались в том, что Ярослав с радостью явится в Новгород, как только удастся освободиться от власти великого князя.

При таких обстоятельствах в 1255 году состоялось решение войти с Александром в переговоры о подтверждении всех старинных вольностей, значив-

шихся в грамотах. Но прежде, чем пришел ответ Александра, в Новгороде вспыхнул мятеж. По обыкновению, граждане разделились на две партии. Подстрекаемая честолюбцами, чернь заставила удалиться Василия Александровича и отправила посольство за Ярославом. Во главе поборников старины стоял посадник Анания, в простоте души воображавший себя защитником дорогих интересов своей родины. Наиболее благоразумная часть населения, некоторые бояре и лучшие люди, хорошо понимая всю несвоевременность затеянной смуты, однако, не могли обуздать расходившихся мятежников.

Между тем Василий Александрович, удалившись из Новгорода, поселился в Торжке, а оттуда известил обо всем отца. Глубоко оскорбленный Александр решил, по своему обыкновению, неожиданной быстротой действий расстроить планы мятежников. С детства в его душу запало чувство отвращения к мятежам и своевольным поступкам новгородцев. Его

государственная мудрость давно осудила их. Ему не нужно было подробных донесений: слишком хорошо знал он «самочинный обычай и непокорливый нрав» новгородцев, как составляются и поднимаются у них мятежи, в которые вовлекается враждующими партиями неразумный народ, и решил показать новгородцам, что труды его предков не пропали даром, что теперь новгородцам еще менее, чем прежде, можно мечтать о вольностях. Собрав полки и захватив с собой двоюродного брата Димитрия Святославича, Александр двинулся к Торжку. Новоторжцы стали под стяги великого князя. В Новгород одно за другим приходили известия о приближении грозного Александра. При одном только слухе о походе старшего брата Ярослав в ужасе бежал из Новгорода. Бегство князя еще более усилило беспорядки в городе. Александр не успел еще подойти, как в его лагере начали появляться беглецы из города, извещая подробно обо всем. Прежде всех прибежал какой-то «Ратишка с переветом»: «Сту-

пай, княже, скорей, твой брат Ярослав убежал!» Пораженные быстрым походом великого князя, новгородцы поспешно вооружались и расставляли полки за церковью Рождества и от святого Илии против городища, заграждая торговую сторону, где жили, главным образом, меньшие люди. В испуге мятежники воображали уже, что разгневанный старый князь немедленно ударит на город и предаст их жилища пламени. У святого Николы собралось вече. В сердцах всех царил страх.

— Братья, — говорили на вече, — а что, если князь скажет: выдайте моих врагов?! Что тогда делать?

— Что делать? Умирать, так умирать всем! На людях и смерть красна. Не выдавать никого!

— Правда! Всем целовать Пресвятую Богородицу на том, что всем стоять заодно, друг за друга, «любо живот, любо смерть» за свою отчину, за всю правду новгородскую!

Общее смятение усилилось еще более, когда сын прежнего посадника

Михаил Степанович, посоветовавшись с «лучшими» людьми, собрав полки своих приверженцев, вышел из города и стал у Юрьева монастыря, ожидая своей очереди ударить на мятежников. Между тем, как прямодушный ревнитель старины Анания решил разделить с народом грозившую ему участь, сообразительный Михаил своим поступком, очевидно, хотел угодить сильнейшей стороне и при помощи князя сделаться посадником, свергнув Ананию. Но его поступок вызвал страшную ярость народа. Забыв о своем критическом положении, народ готов был броситься на Михаила и жестоко отомстить за измену общему делу. Только того еще недоставало, чтобы, ввиду грозного войска Александра, новгородцы принялись избивать друг друга... Анания поспешил предупредить Михаила о грозившей ему опасности и бросился к бушевавшей толпе со словами: «Братья! Если хотите убить Михаила, убейте прежде меня!» Не подозревал, видно, Александр замыслов Михаила.

В то время, как обезумевшие от мятежа новгородцы готовы были броситься друг на друга, Александр, спокойно расположив свое войско вокруг городища, своей старой резиденции, вовсе не думал нападать на город и сам сделал первый шаг к примирению. Он отправил к ним в качестве посредника своего племянника Бориса Васильковича. Собрав вече, он предъявил требования великого князя:

— Выдайте посадника Ананию! Если же не выдадите, я вам не князь: иду на город войной!

Требование князя было знаменательно: Анания был самый видный представитель стремлений, клонившихся к независимости Новгорода, его старой обособленности от остальной Руси в политическом отношении, ревнитель вечевых порядков. В лице Анании Александр явно для всех осуждал безповоротно эти стремления. Граждане должны были понять, что мир может быть дарован им только под условием полной покорности Новгорода.

После долгих рассуждений новгородцы послали Александру следующий уклончивый ответ:

— Иди, князь, на свой стол и злодеев не слушай. Оставь свой гнев на Ананию и на мужей новгородских.

Александр, разумеется, отверг предложение граждан. Принять его — значило бы признать законность тех стремлений, которые послужили поводом к мятежу. Ввиду крайности новгородцы соглашались снова признать Александра своим князем, но обстоятельства могли измениться, и новгородцы могли снова вздумать указывать от себя путь князю, поставленному Александром, ссылаясь на старые права. Нет, они должны были убедиться, что они — народ, подвластный главе государства, что над их судьбою есть сила повыше их веча и партий... Поэтому тщетны были ходатайства архиепископа Далмата и тысяцкого Клима. «И не послуша великий князь мольбы Владычни, ни Климова челобития, ни новгородского», — печально замечает летописец.

Узнав о полной безуспешности своего посольства, новгородцы снова собрались на вече. Много было волнений и шумных речей, но замечательно, что среди разгара страстей никто не осмелился бросить упрека Александру. Глубокое уважение к его имени и любовь, укоренившаяся в сердцах всех, сдерживали и самых буйных. Новгородцы колебались между противоположными чувствами. Уступить требованию князя значило явно отречься от своего права выбирать князей и изгонять их по своему произволу, но в то же время все чувствовали невозможность поднять руку против доблестного защитника Новгорода и всей земли Русской.

— Князя мы ни в чем не виним, — раздавалось на вече. — Во всем виноваты наши клятвопреступники: Бог им судья и святая София!

— Князь без греха! Да хранит его Господь! Но мы должны стоять за святую Софию, за Великий Новгород. Сам Господь рассудит нас!

— Стоять всем за правду новгородскую!

С таким решением разошлось вече, — «и стояше весь полк за свою правду по три дени».

По-видимому, кровопролитие было неизбежно, но мудрость Александра указала еще раз новгородцам на возможность избежать беды. Он не из чувства личной мести требовал выдачи Анании. Анания был неудобен как посадник, как представитель мятежных стремлений. На четвертый день князь еще раз отправил к новгородцам посольство.

— Я оставлю свой гнев на вас, только Анания пусть лишится посадничества!

Посадник был первым сановником в городе, избравшимся на вече, главным и полным представителем Новгорода в делах войны и мира, постоянным органом народной воли. Все договоры с соседями новгородцы писали от имени посадника, владыки и тысяцкого. Вече избирало посадника, оно же

только могло и смещать его. В 1218 году княживший в Новгороде Святослав прислал сказать на вече, что не может княжить с посадником Твердиславом, дедом Михаила, что он отнимает у него посадничество. На вопрос народа, в чем провинился Твердислав, князь отвечал:

— Без вины!

— Княже, — решительно заявили новгородцы, — если на нем нет вины, а ты целовал нам крест не лишать мужа волости без вины, — мы тебе кланяемся, а Твердислав — наш посадник, и мы не уступим!

Случай с Твердиславом, без сомнения, все хорошо помнили. Уступить воле Александра и лишить посадничества Ананию значило признать власть князя самовластно распоряжаться делами в Новгороде, не обращая внимания на волю народную. Между тем ясно было, что, не требуя выдачи Анании, Александр делает последнюю уступку. Благоразумие взяло перевес: вече сменило посадника «и взяша мир». Отво-

рились ворота, и весь новгородский народ с покорностью вышел навстречу Александру и поклонился ему «с честью многою». Великий князь торжественно вступил в город, причем «срете его архиепископ новгородский Далмат с чином церковным со кресты у Прикуповича двора, и весь мир радости исполнися, а злодеи омрачухся; зане же христианом радость, а диаволу пагуба, зане же не быть кровопролития Христианом». Новгородцы поняли, чьей мудрости они обязаны избавлением от беды, и прославляли великодушные князя, вид которого так много говорил их сердцу.

Александр потребовал, чтобы вместо Анании назначен был посадником Михаил Степанович, хорошо понимавший обстоятельства времени. Его род, начиная с 1180 по 1388 год, дал Новгороду 12 посадников. Народ исполнил волю князя. Александр оставил в Новгороде князем по-прежнему своего сына Василия — событие весьма знаменательное! «Не было еще примера, —

по словам историка, — чтобы великий князь силою заставил принять только что изгнанного князя!» В проявлении могучей воли Александра уже явно обозначались дальнейшие судьбы Новгорода... А между тем христианское благодушие, благородство и высокая мудрость князя приводили всех в восторг: никто не подвергся наказанию, никого не разыскивали, никому не мстили. «Великий князь наш без греха! — радостно восклицали новгородцы.

Так умел Александр утверждать свою власть на Руси!

Вскоре, как мы уже знаем, Александру понадобилось все его влияние для того, чтобы исполнить волю хана относительно Новгорода. Никто так не дорожил интересами славного города земли Русской, никто не чувствовал так глубоко всей горечи того, что приходилось ему испытать, как доблестный князь, который вырос среди новгородцев и не раз мужественно вместе с ними подвизался против врагов. Но никто в то же время не видел так ясно

необходимости покориться воле завоевателей. К тому же бедствие, вызванное отказом новгородцев подчиниться ханской воле, могло бы отразиться на всей земле Русской. С обычной предусмотрительностью, как бы желая подготовить гордый народ к предстоявшей ему участи и отчасти познакомить с общим положением дел, Александр, отправляясь в 1257 году в Орду для окончания переговоров с татарами, взял с собою и новгородских послов. Действительно, новгородцы в том же, 1257 году, узнали о предстоявшей им участи подвергнуться истреблению и затем платежу дани наравне с другими русскими землями. «Приде весть из Руси зла, яко хотят татарове на Новегороде десятины и тамгы, и смятошася людие». Начались, по обычаю, бурные веча, на которых много и горячо говорилось в защиту независимости Новгорода. Ужели Новгороду придется расстаться со своей свободой, которую они так ревниво оберегали не только от иноземцев, но и от своих князей?! Пусть остальные го-

рода несут иго и платят дань: они покорены монголами. Но ни один татарин еще не осмеливался показаться на свободной земле Новгородской, а между тем теперь грозят возложить и на Новгород позорное иго — и кто же первый требует унижительной покорности? Тот, кто больше всех должен был бы, до последней крайности, отстаивать свободу и честь Великого Новгорода, чей, наконец, сын княжит в нем!.. Поставленный Александром посадник Михаил Степанович пытался было успокоить необузданные порывы народа, но его назвали изменником и убили. Увлеченный общим потоком, Василий Александрович разделял общее чувство негодования и выражал недовольство действиями отца, но, ужаснувшись при мысли, что вскоре придется ему предстать пред разгневанным отцом и отдать ему отчет в своих речах и поступках, бежал из Новгорода во Псков. Удаление князя повело, по обычаю, еще к большим беспорядкам. Противники Александра торжествовали. Какой-то

честолюбец, по имени Александр, набрав свой полк, захватил власть в Новгороде и творил насилие всем, кто не разделял его мятежных взглядов. Среди таких обстоятельств великий князь вместе с татарскими численниками прибыл в Новгород объявить гражданам волю хана, а татары немедленно начали требовать дани. Новгородцы, увидав, что князь явился без военной силы, ободрились еще более к сопротивлению и наотрез отказались подчиниться требованиям татар. Александр, хорошо знавший новгородцев, понял, что прежде усмирения мятежа и примерной кары неисправимым подстрекателям трудно настоять на исполнении воли ханской, и потому не препятствовал новгородцам, которые, отказав в покорности, собирались отпустить ханских послов с большою честью и дарами хану и таким образом показать, что они, уважая повелителя Кипчака, тем не менее считают себя народом независимым.

После отъезда татар Александр остался в Новгороде. Его действия, на-

правленные к усмирению мятежа, отличались на этот раз суровой энергией. Он приказал схватить в Пскове своего сына, осмелившегося противодействовать ему, и, лишив его княжения, отослал на «низ», то есть в Суздальскую землю. Глава мятежников Александр и злые советники, сбившие с пути его благородного, но пылкого и неопытного сына, были беспощадно наказаны. Но несмотря на крутые меры, борьба со своеволием народа была упорна, продолжительна и требовала напряжения всех сил со стороны Александра. В городе продолжались буйства, среди которых был убит новый посадник «Миша», может быть, старый сподвижник Александра и славный участник невской победы. Но Александр безстрашно и неутомимо продолжал дело усмирения. Его энергия тем более изумительна, что он стоял один лицом к лицу с взволнованным народом, не имея под рукой своей суздальской дружины. Наконец, народ, сознав свою неправду, покорился кня-

зю и избрал по его указанию посадником Михаила Федоровича из города Ладоги, вероятно, как человека, не замешанного в споры враждовавших партий, и тысяцкого Жироху. Успокоившиеся новгородцы не роптали на суровые наказания, постигшие злых советников Василия, побудивших его действовать вопреки отцовской воле, «всяк бо зол зле погыбает». Поэт следующим образом рисует нам бурные сцены, происходившие в то время в Новгороде:

В шумной толпе и мятеж и раздор...
Все собралися концы и шумят...
«Все постоим за святую Софию! —

вопят. —

Дань ей несут от Угорской земли до Ганзы.
Немцам и шведам страшней нет грозы...
Сам ты водил нас, — и Биргер твоё
Помнит досель на лице, чай, копьё!..
Рыцари, — памятен им пооттаявший лёд!..
Конница словно как в море летит
кровяном!..

Бейте, колите, берите живьем
Лживый, коварный, пришельческий род!..
Нам ли баскаков пустить
Грабить казну, на правёж нас водить?

Злата и серебра горы у нас в погребях, —
Нам ли валяться у хана в ногах!
Бей их, руби их, баскаков поганых татар!..»
И разлилася река, взволновался пожар...

Среди бушующей толпы появляется
князь.

Очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом высокой
души

Крикнул: «Эй вы, торгаши!
Бог на всю землю послал злую мзду.
Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь, —
я себя не шажу, —
Я лишь один на плечах их держу!..
Бремя нести — так всем миром нести!
Дружно, что бор вековой, подыматься,
расти,

Веруя в чаянье лучших времен,
Все лишь вконец претерпевый — спасен!..»

Оставаться долго в Новгороде Александр, однако, не мог. Дела, касавшиеся всей Руси, требовали его присутствия во Владимире. Между тем новгородцы, хотя успокоились и покорились старому князю, но не отказались от надежды, что беда со стороны татар

миновала. События, казалось, оправдывали эти надежды, потому что в течение нескольких месяцев не было слышно о требованиях из Орды. Но Александру обстоятельства известны были лучше, чем новгородцам. Он знал, что татары не успокоятся до тех пор, пока не будет исполнено все, чего они требовали. Вероятно, получив новое напоминание из Орды, Александр решил довести дело до конца и заставить новгородцев разделить общую тяготу. Изведав по опыту, что речами и убеждениями нельзя подействовать на изменчивую, поддающуюся разным внушениям толпу, Александр зимою с 1258 на 1259 год послал к ним известного уже нам Михаила Пинешинича, который, еще раз объяснив своим согражданам необходимость принять «число» и платить дань, должен был объявить им следующую угрозу: «Аще не иметеса по число, то уже полки в Низовской земли». Эта хорошо рассчитанная угроза, равно как и свежая память о недавней крутой расправе князя

с мятежниками, возымела надлежащее действие. Бурное вече стихло, голоса не возвышались для ободрения упавшего духом народа. Под влиянием страха новгородцы отправили обратно к великому князю того же Михаила Пинешинича заявить Александру о своей покорности его воле и в то же время послали посольство в Орду с челобитьем и богатыми дарами хану, «да отдаст им свой гнев и да исчислит землю их, якоже хочет». Действительно, зимой 1259 года явились в Новгороде «окааннии сыроядцы внуци Агарины, рабы Авраамли, Беркай и Касачик и с женами своими, и иных много множество». Великий князь также поспешил в Новгород: он справедливо опасался, что малейший повод может изменить настроение своенравной толпы и навлечь тяжкие бедствия на город, судьба которого близка была его сердцу. Его опасения вполне оправдались. В то время, как в остальной Руси хорошо знакомы были с татарами и с их варварским обращением, в Новгороде зна-

ли обо всем лишь по слухам. Лишь только татары рассеялись по Новгородской земле и начали сбор дани с обычными тиранствами, настроение новгородцев быстро изменилось. Загудел призывный звон колокола, собралось бурное вече, на котором все благоразумные советы заглушались неистовыми криками: «Смерть окаянным сыроядцам! Они осквернили своим присутствием Великий Новгород, погубить их!» «Дайте нам их! Мы на куски разорвем их, костей не оставим!» «К оружию!» Озадаченные всем виденным, татары пришли в ужас и обратились с требованием к Александру: «Дай нам сторожу ать не избыют нас!» Князь немедленно распорядился, чтобы сын посадника собрал всех боярских детей и поставил стражу вокруг домов, занятых татарами. Страшные волнения в городе не прекращались. Разгорелась вражда богатых и бедных. Поводом к этой вражде послужило то обстоятельство, что татары при раскладке и сборе дани не принимали во внимание до-

статка плательщиков, а считали только число душ в каждом семействе. Понятно, что для богатых граждан гораздо удобнее было согласиться платить сравнительно легкую для них дань, чем подвергаться риску при нашествии потерять все. Они старались склонить народ к покорности.

— Своим сопротивлением вы наведете гнев ханский на город. Припомните, как вся Русская земля, кроме нас, ополчалась на татар. Что ж, разве устояла она? Что случилось с Клевом, Владимиром и другими городами? Вы хотите, чтобы и с Новгородом было то же самое?! Разве хватит наших сил? Ведь вместе со своими полчищами хан пошлет против нас и все русские полки.

— Вы боитесь нашествия, потому что у вас много всякого добра, а нам терять нечего! Разве это — правда, что окаянные берут одинаковую дань с богача и бедняка? Что легко богатому, то смерть бедняку! Вы сохраните свои богатства, а мы должны для этого продать свободу новгородскую и принять тяго-

ту на себя и на детей наших! Да не будет этого! Лучше смерть, чем позор! Умрем честно за святую Софию и за дома ангельские! Кто добр, тот по святой Софии и по правой вере!

Между тем татарам наскучило вынужденное бездействие, и они объявили новгородцам: «Дайте нам число, или мы убежим!» Бояре старались отговорить их от бегства и решились было ударить на толпу, но в конце концов и у них недостало единодушия. Многие ужаснулись при мысли пролить кровь граждан в защиту «сыроядцев». Общее горе превозмогло все разногласия, и к концу дня все пришли к единодушной решимости сложить свои головы у святой Софии... Несчастный город сам обрекал себя на погибель.

Александр решил поразить воображение народа решительным шагом: из городища, где он находился вместе с ханскими послами, в город пришло известие, что князь внезапно удалился вместе с татарами. Отъезд Александра подействовал на толпу, как неожидан-

ный громовой удар: новгородцы поняли, что доблестный князь, которому интересы Новгорода не менее дороги, в гневе предоставлял их собственной участи и всем последствиям ханского гнева. Они вдруг почувствовали себя осиротелыми. Ужас охватил всех... То обстоятельство, что князь на этот раз даже не счел нужным обратиться к гражданам с увещанием, но молча и грозно удалился, ясно говорило новгородцам, что пора для всякого рода переговоров миновала. Став на краю бездны, новгородцы опомнились и поспешили заявить князю, что согласны допустить исчисление. Александр немедленно возвратился с татарами. Мертвая тишина водворилась в недавно еще столь шумном городе, точно траур надел на себя Великий Новгород. Молча, но со злобой в душе смотрели граждане, как «начата окааннии ездить по улицам, пишуще дома христианскыя». Спокойно окончив перепись, татары удалились».

Александр и на этот раз остался на некоторое время в городе. Народ сми-

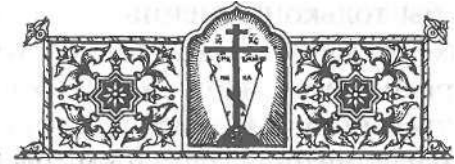
рился, но затаил непримиримую злобу в душе. Лютое горе грызло сердца всех, точно каждый схоронил дорогого, близкого человека. Не страшна была дань богатым новгородцам, — их самолюбие сильно страдало при мысли, что они сделались рабами татар. От горя не могли хлеб есть в сладость. Меньшие люди продолжали злобиться на бояр. «Злых советом яшася по число», — говорили в народе. «Творяху бо себе бояре легко, а меньшим зло». Только Александр мог успокоить город. Он разъяснил гражданам, что благодаря его искусным действиям с ханскими послами ему удалось добиться для новгородцев от татар таких выгод, какими не пользовался ни один город в Руси. В Новгороде не было оставлено ни баскака, ни какого-либо другого чиновника. Новгородцам предоставлено право самим собирать дань и отсылать в Орду через великого князя или со своими послами. Только дань напоминала им об их подчиненности татарам. Напротив, разгром Новгорода татарскими

полчищами окончательно подорвал бы благосостояние города и лишил бы его граждан и тени независимости. Народ постепенно убедился, что их старый князь своею мудростью еще раз спас их от пропасти, в которую по неразумию они стремились. Все спешили выказать неизменную преданность свою великодушному заступнику. В чувстве благодарности граждане усердно просили князя утешить их, продолжив на некоторое время свое пребывание среди них. Устроив порядок в городе и поставив на место Василия князем другого своего сына — Димитрия, Александр прогостил у новгородцев до начала следующего года. При отъезде он честно и мирно распрощался с гражданами, которые еще раз выразили ему свои чувства многими дарами и почестями.

Так, несмотря на то, что Александр сильно теснил вольнолюбивые стремления и сурово поражал новгородцев за их непокорность, распорядился делами в Новгороде с такою властью, как ни один князь до него, «деял насильне в

Новгороде», по словам новгородцев, всякий раз обаяние его личности производило неотразимое действие на народ: любовь и доверие к нему не только не уменьшались, но возрастали — редкий дар покорять сердца!.. Между тем благодаря его политике Новгород тесно примкнул к остальной Руси, став неразрывною частью одного громадного целого. Оттоле судьбы его крепко связаны были с судьбами общего отечества: вместе нести тяжесть ига и вместе дружными, соединенными силами стремиться к независимости сделалось как бы завещанием Александра. Если бы удалось новгородцам каким-нибудь способом уклониться от общего плена и таким образом разъединить свою судьбу с судьбами Русской земли, для поддержания своей независимости они должны были бы примкнуть или к Литве или вступить в союз со своими старинными врагами, шведами и немцами, которые, без сомнения, мало-помалу овладели бы их землями. Правда, впоследствии, долгое время спустя, новго-

родцы, спохватившись, вздумали было о союзе с Литвою для поддержания своих порядков, но было уже поздно: Великий Новгород стоял лицом к лицу уже с русским самодержцем, распорядившимся всеми силами объединенного государства. Поставив Новгород под общую зависимость с остальной Русью и уничтожив один из предлогов к разъединению, Александр подготовил дело Иоанна III.

XVII

Два года отдыха. — Пребывание святого Александра в Ростове. :— Рождение сына Даниила. — Учреждение Саранской епархии. — Кончина ростовского епископа Кирилла и избрание ему преемника.

Весною 1259 года Александр спешил из Новгорода в Ростов. Он казался чрезвычайно утомленным, да это и понятно: только что окончены были тяжкие хлопоты в Орде, требовавшие страшного напряжения сил, как начались волнения в Новгороде. Много пережил и перечувствовал за последнее время Александр Ярославич. Нелегко ему было заставить согнуться под ярмо свободный народ, тяжело отдавались в его сердце укоры новгородцев: князь-де стоит заодно с сыроядцами... Отдых,

хотя бы только временный, был необходим для него, и он надеялся его найти среди семьи и близких его сердцу родственников. В Ростове жила почтенная княгиня Мария Михайловна, старшая в роде и всеми глубоко почитаемая дочь замученного в Орде святого князя Михаила Черниговского и вдова доблестного князя-страстотерпца Василька Константиновича. Ее сыновья Борис и Глеб Васильковичи более всех понимали Александра и были его всегдашними и лучшими помощниками. В Ростове же он должен был встретиться с епископом Кириллом, пользовавшимся глубоким уважением от князей и народа. К приезду Александра в Ростов поспешила, конечно, из Владимира и его семья.

Как ни спешил великий князь прибыть в Ростов к Вербному воскресенью, но, вероятно, весенняя распутица задержала его в дороге: он мог приехать только в среду Страстной недели. Семья, дорогие родственники и народ готовились с радостью встретить велико-

го князя. Престарелый Кирилл также вышел навстречу ему с крестом и благословил его.

— Отче и господине! — воскликнул Александр, здороваясь с маститым пастырем. — Благодарю тебя: твоею молитвою я благополучно и в добром здорovie съездил в Новгород и твоею же молитвою благополучно возвратился».

Только небесной помощи и святым молитвам приписывал благочестивый князь все, что ему удавалось совершить во благо своего народа. Вера в небесное покровительство давала ему силы для великих подвигов, для тяжких трудов, поддерживала его изумительную, не знавшую усталости энергию.

Поздоровавшись со всеми, Александр прежде всего отправился в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы и горячо помолился, благодаря Бога и испрашивая благословения свыше на дальнейшие труды. Поклонившись мощам «сопричастника апостолов» святого Леонтия, князь просил священномученика научить и

его до конца понести свой крест и «по-страдать Богови крепко».

«Бысть тишина велика христианом!» — свидетельствуют наши летописи о 1260—1261 годах. Может быть, в этот краткий промежуток и неутомимый труженик земли Русской и в то же время «благ домочадец своим» имел некоторое время для отдыха и для устройства своих семейных дел. О личном своем благоденствии он уже не думал: мог ли он наслаждаться благополучием при тогдашних обстоятельствах? Неутомимая деятельность на благо родины едва оставляла время для недолгих свиданий с близкими. Тем душевнее были эти свидания, тем теплее родственные беседы. Любящее сердце Александра открыто было для всех: даже те, которые причиняли ему обиды, сознав свою вину, немедленно получали прощение. Так, брат его Ярослав, прогневавший было Александра своим появлением в Новгороде после изгнания новгородцами Василия Александровича, теперь снова пользовался

любовью старшего брата. В Ростове Александр находился среди любившей и благоговевшей пред ним семьи: княгиня Мария и ее сыновья не упустили, без сомнения, ничего, чтобы сделать пребывание у них великого князя как можно более сладостным. В дружественных беседах с близкими и дорогими людьми Александр отводил свою душу и, может быть, высказывал свои душевные думы и упования на лучшую будущность для Руси. О, если бы возможно было, перенесясь через столетия, хотя однажды послушать его «словеса, услаждающа паче меда и сота!». Всякий, имевший счастье внимать Александру, исполнялся желанием после его беседы «реченная и делом исполнити». «Сродницы же его видяще в таковых добродетелях преспевающа и зело пользовахуся и тщахуся всячески угодити Богу, яко же и той всеми нравы угожаше...»

Из многочисленного потомства Ярослава Всеволодовича далеко уже не все были в живых: в 1255 году Александр

похоронил брата своего Константина, княжившего в Галиче, «и бысть плач велик». В следующем году скончался другой брат — Даниил Ярославич. Михаил Хоробрит, как мы уже знаем, умер еще во время путешествия Александра в Монголию. В живых оставались Андрей, бывший владимирский князь, теперь княживший в Суздале, Ярослав Тверской и Василий Костромской. Зато на глазах великого князя поднималось молодое поколение сыновей и племянников: мы уже знаем его сыновей — Дмитрия и Василия. Дмитрий княжил в Новгороде вместо провинившегося Василия. Третьему сыну — Андрею — отец предназначал Городец с Нижним. Дочь Евдокия была замужем за Константином, сыном смоленского князя Ростислава, одним из участников похода 1262 года против ливонских немцев. Воспользовавшись тишиною, без сомнения, князья-родственники собрались вокруг великого князя, чтобы выразить ему свое уважение и любовь. Присутствие Александр-

ра, устраняя соперничество, водворяло — уввы! — лишь временный мир между князьями. С кончиной Александра многое изменилось — точно тихий Ангел отлетел из среды русских князей.

Отдохнув в Ростове, Александр отправился во Владимир. В 1261 году Бог обрадовал его рождением четвертого сына — Даниила, будущего князя московского и родоначальника князей — собирателей Русской земли. Радостное событие, без сомнения, было светло отпраздновано в присутствии собравшихся во Владимире князей — ближайших родственников. Благочестивые родители в чувстве благодарности посвящали свое дитя Богу.

Однако не одни семейные дела занимали в это время Александра. Безграничная доброта его сердца непрестанно побуждала его заботиться о тех несчастных, «иже бяху пленени от безбожных татар». «Милостилюбец, а не златолюбец» не жалел сокровищ для выкупа пленных, но, конечно, всех его средств не хватило бы для возвращения всех на

родину. Много русских постоянно проживали в Орде по торговым делам, но несравненно больше было пленных. Если нельзя было выкупить всех, то по крайней мере можно было позаботиться об их духовных нуждах: вера в Бога доставляет лучшее утешение в несчастьи. Прискорбна была благочестивому князю мысль, что множество православных христиан живут без освящения таинствами, умирают без христианского напутствия. И вот вместе с митрополитом Кириллом Александр начинает ходатайствовать перед ханом о дозволении устроить епархию в столице ханской — Сарае. Ходатайство великого князя и митрополита было уважено. В 1261 году поставлен был первым сарайским епископом Митрофан, которому также подчинена была и древняя епархия Переяславская. Впоследствии пределы новой епархии обнимали земли по Нижней Волге и притокам Дона, откуда ее название — «Сарская и Подонская». С учреждением епархии в Орде, без сомнения, стали воздвигать

ся храмы, и в них совершалось богослужение: сколько дорогих, отрадных впечатлений ложилось на душу русского человека, принужденного жить вдали от родины!.. Были примеры обращения в христианство и самих татар. Первый и самый трогательный пример такого обращения в княжение Александра представляет святой Петр, царевич ордынский, родной племянник Беркая. Однажды прибыл в Орду с ходатайством за свою паству ростовский епископ Кирилл и много рассказывал хану о святынях земли Ростовской, о том, как она просвещена была святым Леонтием, о чудесах, совершавшихся при его гробе «и ина многа учения от евангельских указаний глагола». Теплая, одушевленная беседа епископа глубоко запала в душу присутствовавшего здесь юного царевича. Желание истины пробудилось в душе его: часто уходил он в поле, «уединяся и размышляя, како си веруют цари наши солнцу сему и месяцу, и звездам, и огневи? Кто сей есть истинный Бог?». С какой ра-

достью узнал царевич, что его державный дядя вновь вызывает в Орду епископа Кирилла, «да исцелит сына его, един бо бе у него». Святитель, заповедав всем молиться в Ростове, «освятив воду и пришед в татары, и исцели сына». Как изумлен и обрадован был старец-епископ, когда однажды явился к нему племянник хана с усердной просьбой взять его с собой в Ростов! Однако это было дело опасное: мать и родные, без сомнения, могли бы покарать не только беглеца, но возбудить гнев хана и против Кирилла, но, с другой стороны, епископ не мог отвергнуть души, жаждущей истинного света. Царевич выразил решимость тайно от всех скрыться из Орды и прибыть в Ростов. Так действительно и случилось. И вот татарский царевич, плененный благолепием соборного храма и стройностью христианского богослужения, усердно просит епископа окрестить его: «огнь взгорется в сердцах его, и восия солнце в души его!». Но опытный старец советует ему подождать еще

некоторое время: царевича могли отыскать на Руси и в самом Ростове. Когда, наконец, опасность миновала, епископ крестил царевича, назвав его Петром, «и бе Петр учение Господне (слушая) по вся дни во святынище и у владыки». Год от году Петр все более свыкался с жизнью на Руси. Князь Борис Василькович так полюбил его, что побратался с ним. Часто они вместе делили досуг, занимаясь охотой с ловчими птицами по берегу Ростовского озера, часто приходилось Петру засыпать под открытым небом, среди дубрав, «по обыщней молитве», и тогда посещали его дивные видения. На месте одного из таких видений, «при езери» Неро, Петр, с благословения епископа Игнатия, преемника Кирилла, построил монастырь во имя святых апостолов Петра и Павла. Женившись на дочери ордынского вельможи, он имел детей и «в глубоце старости, в монашеском чине к Господу отъиде, Его же возлюби». Без сомнения, царевич Петр горько оплакивал кончину

Кирилла в 1262 году. Но еще более скорбели о потере маститого пастыря русские князья — Александр Ярославич, Борис и Глеб Васильковичи вместе с княгинею Мариною. Все они горячо любили и почитали Кирилла, который «князьям и боярам и всем вельможам был на успех, обидимым помогал, печальных, нищих миловал». Все дивились его святой жизни, «все спешили из окрестных мест в город, в соборную церковь Святой Богородицы как для того, чтобы послушать ученья его от святых книг, так и желая посмотреть на великолепие церкви, которую он дивно украсил».

— Ничем он не отстал от прежних епископов ростовских, святых Леонтия, Исаяи и Нестора, последуя их нравам и учению! — говорили при его гробе. — Он был истинный святитель, а не наемник!..

А князья припоминали, как незабвенный страстотерпец Василько Константинович в предсмертной молитве своей просил Бога сохранить вместе с

его семейством и епископа Кирилла, как покойный пастырь горько плакал, разыскивая на месте несчастного побоища при реке Сити тело великого князя Георгия Всеволодовича и, узнав его по княжескому одеянию, положил в Ростовском соборе, вместе с телом Василька. Утешением для всех, любивших старца, было то, что блаженный Кирилл скончался, «исполнь дний, в старости глубоце и в истинней добродетельной седине». Похоронив епископа, князья озаботились избранием ему преемника, который намечен был уже заранее. Еще в 1261 году «блаженный князь Александр, Борис и Глеб, волею Божиею и поспехом Святой Богородицы, благословением митрополита и епископа Кирилла взведоста архимандрита святого Богоявления Игнатия». Этот Игнатий и был преемником Кирилла. Около этого же времени, по всей вероятности, Бог помог Александру Ярославичу привести к окончательному совершению давнишнее его желание — достроить женскую обитель

в Суздале, в которой в 1262 году опочила добродетельная княгиня Мария Михайловна, принявшая перед кончиной иночество с именем Марфы.

Так среди великих правительственных забот Александр умел отзываться на все нужды своего народа, входить во все обстоятельства своего времени, всюду внося душевную теплоту и самое искреннее участие.

XVIII

Последний великий подвиг святого Александра. — Бесермены. — Восстание народа. — Гнев хана. — Путешествие святого Александра в Орду «избавы ради христиан». — Успех ходатайства.

Предчувствовал ли Александр Ярославич, что протекшие два года мирной и сравнительно спокойной жизни будут лишь кратковременного *ослабою*, какую среди тяжких трудов и забот послал ему Господь, да *почиет, прежде даже не отъидет* (Пс. 38, 14)? Не только предчувствовал, но, можно сказать, изо дня в день ожидал новых беспокойств. Отстояв самостоятельность государства, он неизбежно должен был согласиться на тяжелую дань. При этом, с одной стороны, он хорошо знал

жадность татар, их грубость и склонность к насилиям всякого рода, с другой — понимал всю неподготовленность русского народа к рабской покорности, к тяжким жертвам и терпеливому перенесению невзгод. До монгольского ига власть русских князей вовсе не была отяготительна для народа. Хотя наши князья и вели воинственный образ жизни, но в обращении с народом они нередко проявляли черты истинно отеческой заботливости, добродушия и кротости. В народных песнях не слышится ни малейшей жалобы на притеснения со стороны бояр и князей, на худую, тяжелую жизнь, — значит, жить было хорошо. За самые тяжкие преступления виновный платился лишь своим имуществом, отдавая определенную законом пеню. К телесному наказанию не прибегали. Слова: «Да будет мне стыдно» — служили порукою в верности и ненарушимости принятых на себя обязательств. У монголов были другие обычаи: требуя дани, они без церемонии ставили неисправных дол-

жников на правез, секли кнутом, прибегали к пыткам, казнили смертью, чтобы страхом и муками добиться того, чего им хотелось. Убить человека другой народности им ничего не стоило, по словам современного наблюдателя. Наконец, сами повинности могли показаться народу весьма обременительными. Наши князья довольствовались небольшой данью. Внутреннее управление больших издержек с их стороны не требовало. Все государственные расходы, главным образом, ограничивались издержками на содержание князя, его семейства и двора, которые не могли быть тяжелы для населения, так как для покрытия их князья обыкновенно имели свои княжеские села, доставлявшие им все необходимое, свои заповедные леса, рыбные ловли и тому подобное. Естественно, что при сборе дани с подвластной страны, большею частью натурою — хлебом, воском, медом, живностью, — князья довольствовались лишь избытком достояния. Не то предстояло теперь... Народ дей-

ствительно сразу почувствовал всю тягость возложенных на него повинностей, но пока терпел, слушаясь своих князей. Приходилось, конечно, не раз Александру Ярославичу разъяснять народу необходимость повиновения и исправного отбывания повинностей. Вполне возможно, что иной раз он вынужден был, в случае сопротивления, силой заставлять народ исполнять требования татар и наказывать за непослушание. Горько было ему все это... Как часто приходилось ему слышать, что он не жалеет своего народа, действует заодно с безбожными!.. Болезненно сжималось его сердце при этих упреках со стороны современников, из которых очень немногие понимали, что только тяжелая необходимость заставляла его так поступать. Александр страдал больше, чем народ, страдал нравственно, видя бедствия своих подданных, которых любил, как братьев во Христе. «Не обижайте простых, бедных людей, — часто говаривал он своим боярам. — Сии братиею

Божиею именуется по слову Господню и о нас ходатаи к Богу. Бог взыщет их кровь и слезы из рук ваших!» Как же тяжело было ему видеть, что татары терзали русских за малейшую неисправность! Но что же он мог предпринять со своей стороны в защиту своих подданных? Не он ли ручался перед ханом в исправном платеже дани и полной покорности своего народа? Если бы он вздумал предпринять какую-нибудь решительную меру, не постигла ли бы его участь брата Андрея? Не забота о себе, конечно, имела тут место, нет: сам он «не токмо живота не щадяше, но и душу свою всегда тщашеся полагати». Заступничество за народ могло лишить его ханского доверия, а вместе с тем отнять и всякую возможность ходатайствовать перед ним за свой народ. Последствия ханского гнева были бы ужасны. Оставалось одно — терпеть в надежде на лучшее будущее. Но бедный угнетенный народ мало думает о будущем, которое ему темно и непонятно, он

живет более настоящим, а оно так безотрадно, что можно предпочесть самую смерть горькому «сиротскому житью».

Однако пока все было тихо. Монгольские сборщики дани, без сомнения, старались и сами нажиться, и угодить корыстолюбию своих начальников, но из-за своей дикости они далеко не были искусны в разного рода вымогательствах. Но вот восточные купцы — хивинские или хозарские, «бесермьны», как называли их наши предки по их религии, — предложили татарам взять дань, собираемую с русского народа, на откуп, причем, разумеется, обязывались выплачивать хану значительно больше, чем он получал через своих сборщиков. Очевидно, они не опасались остаться в проигрыше. Хан, знавший, что значительная часть дани присваивается его чиновниками и не доходит до него, с охотой принял услуги бесерменов. Хитрые торговцы придумали целую систему вымогательства, чтобы получать огромные барыши.

Под видом облегчения плательщиков они назначили различные сроки для уплаты, но с огромными процентами. В случае неаккуратной уплаты дани и процентов, что, разумеется, случалось нередко, количество долга возрастало до таких размеров, что несчастные должники не видели уже никакой возможности рассчитаться с бесерменами. Тогда последние начинали ходить по селам и городам, забирали должников и беспощадно били их палками на улицах, площадях и перекрестках, допытываясь, не спрятали ли они своего имущества. Убедившись, что у бедняков нечего больше взять, они забирали сыновей, дочерей или самих и уводили в рабство, распродалая в разные страны с огромной выгодой для себя. До сих пор народ вспоминает в песнях о том, как лютые хищники собирали дань.

Брали дани, невыходы,
Царски невыплаты
С князей по сту рублей,
С бояр по пятидесяти.
У которого денег нет,

У того дитя возьмут,
У кого дитяти нет,
У того жену возьмут,
У кого жены-то нет,
Того самого головою возьмут.

У самых сильных работников опустились руки. Стоило ли работать? Заведешь хорошее хозяйство, заработаешь тяжким трудом довольство и изобилие — это не ускользнет от жадных взоров хищников. Матери обливались слезами, глядя на своих детей и думая горькую думу об их будущности: ужели злой варвар завладеет ими? Бесерменов сопровождали отряды татарских наездников, которые также не желали вернуться домой с пустыми руками, при том надменные варвары, являясь на Руси, считали себе все дозволенным и всегда готовы были

И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.

Глубокую ненависть затаил народ к своим поработителям. Эта ненависть

слышится в поговорках: «Злее злого тарарина», «У них, что у собаки, души нет: один пар...» Люди пришлые, откупщики дани не понимали, что имеют дело с народом, не привыкшим к подобным тиранствам, — с народом, который был покорен после отчаянного сопротивления и хорошо помнил об утраченной свободе. Наконец, мера терпения переполнилась, когда народ был оскорблен в самых заветных своих чувствах — в своей преданности святой вере...

Бывши прежде язычниками, татары при Беркае приняли магометанство. Хотя в общем они не утратили прежней веротерпимости, но уже вследствие самого характера магометанства между ними, естественно, могли появляться отдельные фанатики, старавшиеся о распространении новой религии между подвластными народами. В 1262 году явился на Руси «злой бесерменин» Тетям. Какой-то монах по имени Зосима в угоду мусульманину отрекся от христианства и, «вступив в прелесть лжяго пророка Махметя», с ободрения Тетя-

ма, «того поспехом», начал ругаться над своей прежней религией. В словах летописца живо отражаются чувства ужаса и отвращения современников к поступку Зосимы. «Бе мних образом точию, сотоне же съсуд, бе бо пияница, и студословец, и празднословец, кощунник». Народ не мог пересилить чувства негодования при виде того, как «окаанный лишеник веры» безчинствовал, «кресту и святым церквам ругался». «Беззаконнаго и сквернаго, и законпреступника, и еретика Зосиму убиша в городе Ярославле. Бе бо тело его ядь псом и враном, а ноги его, те на злое беху быстры, те же влачими бяху от псов по граду, всем людем на удивление; от Божия суда на преступнице тако бысть конец лишеному нечестивому его телу, а души нечестиваго, глаголет: *червь их не умирает, а огонь не угасает* (Мк. 9, 44. 46); и инде глаголет: *оскуде беззаконный, и погиге нечестивый, и потребишася беззаконнующи во злобе*» (Ис. 29, 20). Точно электрическая струя пробежала по нервам наро-

да: по всем городам Суздальской и Ростовской земли загудели вечевые колокола. Точно сговорившись, вдруг поднялся народ и решил сам расправиться со своими притеснителями. Забушевала, точно ураган, страшная буря народного негодования... Пущены были слухи, что сам великий князь Александр разослал по городам грамоты, «что татар бити». Откупщикам пришлось теперь расплачиваться за свои безчеловечные поступки.

С одушевлением говорят об этой поре летописцы, очевидно, разделявшие чувства, охватившие народ:

«Благый человеколюбец Бог наш, и моления Материя послушав, и избави люди своя от великыя беды мелосердием Своим!»

«Избави Бог от лютаго томленья бесерменскаго люди ростовския земли, вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилья поганых!»

«И точно, — замечает историк, — на этом событии, кажется, лежало особое благословение Божие, ибо народ, не-

смотря на справедливую ненависть к притеснителям, рассчитался с ними с безпримерною в таких случаях умеренностью». Черта весьма характерная! Христианский народ, видимо, удерживался от пролития крови и, предоставляя суд Богу, ограничился изгнанием откупщиков. Убитых было немного, и то из числа наиболее ненавистных и свирепых хищников. Собственно из татарских чиновников никто не пострадал. Замечательно, что ярость народа мгновенно утихала, когда догадливые люди, прося прощения и пощады, изъявляли намерение креститься. Так, например, в Устюге народ немедленно простил все свои обиды главному откупщику Буге, когда тот явился на вече и просил народ пощадить его. Буга крестился и назван был Иоанном. Женившись на взятой им еще ранее христианке Марии, он постарался заслужить любовь народа доброй христианской жизнью. Память о нем сохраняется в местных преданиях: в Устюге указывают место, которое носит название

Соколей горы, потому что Буга однажды среди соколиной охоты на этой горе дал обет построить здесь храм, посвященный святому Иоанну Предтече.

Причиною умеренности народа могли быть и увещания князей, «ибо русскому всегда священна власть государя, и по одному слову его он удерживает порывы мщения».

Бесерменам дан был хороший урок, который забыть было нельзя. Они должны были понять, что всему есть мера, что русский народ, хотя и побежден, но не примирился с рабством. Но за этот урок предстояло ужасное возмездие. Можно было ожидать нового нашествия татар вследствие ханского гнева. Слышно было, что полчища татар уже готовы ворваться в пределы Русской земли. Итак — снова опустошение, снова избиения целыми массами, может быть, конечное порабощение и пагуба...

Александр готовился в это время к походу против ливонских немцев, но теперь ему было не до похода: отдав свои полки сыну Димитрию, он решил-

ся немедленно отправиться в Орду, «дабы отмолил люди от беды». Положение его было весьма затруднительно. «Это путешествие, — справедливо говорит историк, — было одним из величайших подвигов самоотвержения со стороны Александра: хотя он не участвовал в народном восстании и в душе и на деле был прав перед ханом; но тем не менее он шел в Орду почти на верную смерть; ему предстояли неодолимые трудности; войска ханские получили приказание идти на Русь, следовательно, хан не намерен был слушать оправданий и уже решил излить свою месть на строптивых данников; с какими же глазами мог явиться перед ним Александр и чего ждать от него? Не прошло еще пяти лет, как Александр уверял хана, что русские будут самыми покорными данниками, лишь бы он не предавал народ совершенному порабощению; хан согласился на его уверения и дал Руси права государства почти самостоятельного, а русичи уже произвели всеобщее восстание и изгнали хан-

ских сборщиков дани. Очевидно, таким образом, что Александр, как не исполнивший обещания, был кругом виноват в глазах хана и, отправляясь в Орду, прежде всего должен был видеть перед собою участь Михаила Черниговского и других князей, сложивших там свои головы; он должен был принять на себя весь пыл ханского гнева. Летописи не говорят о подробностях Александрова путешествия; но дело говорит само за себя; об этом подвиге Александра нельзя вспоминать без благоговения к высокому характеру подвигоположника. Ясно, что Александр, решаясь отправиться в Орду, совершенно забывал о себе и думал только о любезной ему России и о священном долге государя, защитника подданных, — он шел как добровольно обреченная искупительная жертва за Русскую землю».

Горячо молился перед своим отправлением Александр Ярославич и трогательно прощался с родными, точно предчувствовал, что ему уже не суждено свидеться с ними. Посылая свои

полки с Дмитрием, он говорил своей дружине: «Служите сынови моему, акы самому мне, всем животом своим». Без сомнения, много слез было пролито при этой разлуке. Тяжелые предчувствия томили всех, но другого исхода не предвиделось...

Между тем тяжелое само по себе положение дел усложнялось еще другим обстоятельством. Незадолго перед тем умер верховный хан Менгу. Начались обычные кровавые распри из-за престола, продолжавшиеся целых три года, пока, наконец, не был возведен, при могущественном содействии опять-таки кипчакского хана, один из сыновей Тулуя Кубилай, родной брат Менгу и двоюродный — Беркай. В царствование Кубилая произошли весьма важные обстоятельства, которые сильно потрясли могущество монголов. Кубилай переселился из Каракорума, родины Чингизидов, в Северный Китай и занялся окончательным покорением этого государства. Монгольская держава обратилась в Китайскую империю.

Властвуя в различных, отдаленных друг от друга землях, монголы, естественно, подвергались влиянию покоренных народов. Так, в Китае монгол о-татары подпали влиянию китайской образованности и, оставив кочевой образ жизни, обратились к земледелию. Между тем монголы, властвовавшие над Русью, хотя сохранили первобытный образ жизни, зато изменили вере отцов и в скором времени позабыли и родной язык, заменив его тюркским наречием. Ослабление внутреннего единства, естественно, вело к политическому разъединению: отдельные ханства сделались независимыми государствами, между которыми не замедлили открыться междоусобные войны.

Беркай, обращенный в магометанство, по одним известиям, каким-то дервишем из Средней Азии, по другим — бухарскими купцами, под влиянием мусульманских улемов решился вступить в борьбу с другим своим двоюродным братом — персидским ханом Гулагу, с которым у него и без того шел

постоянный раздор из-за границ. Гулагу, оставшийся язычником, около того времени нанес окончательный удар Багдадскому халифату и умертвил халифа. Беркай вступил в тесный союз против Гулагу с его непримиримым врагом Бибарсом, сирийско-египетским султаном. Замечательна судьба этого государя. Он был родом из половцев. Татары в юных годах продали его в Крыму венецианским купцам. Затем Бибарс очутился в Египте, где его завербовали в мамелюкскую гвардию египетского султана. Дослужившись до звания военачальника, Бибарс при помощи коварства и злодеяния достиг престола. Гулагу вскоре после своего удачного похода в Персию умер, и на престол вступил сын его Абак, уже не спрашивая соизволения верховного хана, и начал распоряжаться в своих землях совершенно самостоятельно. Назначая наместников в отдельные области своего царства, он отдал брату своему Яшмуту Дербент и Ширван.

Открыв враждебные действия, Беркай отправил одного из своих цариц — Буку — с большим войском для завоевания Дербента, но Яшмут мужественно выступил против неприятеля и в 1262 году отразил его, разбив наголову войска Беркай. Беркай пришел в ярость от неожиданного поражения и решил собрать все силы своего царства, чтобы заглавить позор неудачи. Триста тысяч войска готовы были двинуться в Персию. Все подвластные правители должны были выставить вспомогательные отряды, в том числе и русские... «Беше тогда велика нужда от поганых и гонянуть люди, веляхуть с собою воинствовати». Только того еще недоставало, чтобы русские проливали кровь на полях битв за своих поработителей... Среди таких-то обстоятельств хан получил известие о восстании на Руси и избиении бесерменов... В страшном гневе он решил сперва покарать русских, и триста тысяч свирепых варваров готовы были броситься на наше отечество, чтобы окончательно истер-

зять его. Что пережил Александр Ярославич за время своего пребывания в Орде, мы можем судить по результатам путешествия: Русь он спас, но здоровье его расстроено было безнадежно... Беркай отправился на войну в Персию, но, собираясь дать решительное сражение на берегах Куры, внезапно заболел и умер, а его полчища вернулись обратно домой. Повелителем Кипчака сделался Менгу-Тимур. Прошло довольно времени, прежде чем новый хан мог заняться делами Руси и выслушать смиренные извинения и мольбы Александра. Дело ведено было так искусно, что хан не только простил русских, но и освободил их от обязанности воевать за монголов. Господь, видимо, благословлял усилия самоотверженного героя, и успех его путешествия превзошел все ожидания.

XIX

Кончина святого Александра. — Скорбь народа. — Чудо при погребении. — Нравственный образ святого князя.

Пробыв более года в Орде «избавы ради христианския» и испив до дна чашу горести и унижений, Александр, наконец получил от хана позволение возвратиться в отечество. Можно вообразить, как спешил он с отъездом из Орды, чтобы обрадовать свой народ добрыми вестями! Вот уже миновал он степи и пустыни, вот уже первые русские поселения, недалеко и Нижний... Но жестокий недуг крушит страдальца, его мощный организм, истомленный необыкновенными трудами, отказывается служить всегда бодрому духу.

Сколько храбрых пало на его глазах более чем в двадцати битвах, в которых он участвовал! Сколько раз приходилось ему ездить в Орду и в далекую Монголию к грозным ханам, где многие из князей окончили свою жизнь под ножами варваров! Скольким опасностям подвергался он во время своих путешествий! Но Бог хранил его: отовсюду он выходил невредим, мечи врагов и ножи убийц щадили его — только он сам не щадил себя, и вот теперь, обессиленный неимоверными трудами, он видит, что ему приходится умереть во цвете лет, не имея и сорока пяти лет от роду!.. «Что дивного, — восклицает благочестивый описатель его жития, — если преждевременно истомился в таком кипящем горниле испытаний, и если самое тело, хотя благообразное и крепкое, ослабело от частых странствий в дальнюю Орду и не вынесло наконец постоянного напряжения сил? Неодолимый в битвах, еще в полном цвете мужества, изнемог под бременем великокняжеского венца, который был

для него венцом терновым, едва достигнув сорокатрехлетнего возраста».

Приехав в Нижний, Александр так ослабел, что не мог продолжать путешествия и должен был остановиться на некоторое время. Немного оправившись, он снова продолжал путешествие, но, доехав до Городца (Волжского), занемог так сильно, что не в состоянии был ехать далее. Стояла глубокая осень — половина ноября. Суровое время года ускорило роковую развязку. Александр понял, что приближается конец его многотрудной жизни, и стал готовиться к переходу в вечность. По обычаю того времени, он стал просить о пострижении в иночество и схиму с именем Алексия.

«Отче, се болен есмь вельми... Не чаю себе живота и прошу у тебе пострижения...»

С глубокой, гнетущей сердце тоскою, едва сдерживая душившие грудь слезы, стояли около одра умирающего его приближенные. Об этой скорби живо говорят нам слова современника[^]

летописца: «Горе тебе, бедный челове-
че, како можеши написати кончину гос-
подина своего, великаго князя Алексан-
дра Ярославича? како не испадета зени-
ци твои вкупе со слезами? како ли не
разседеся сердце твое от многыя туги?
*отца бо человек может забыты, а добра
господина, аще бы с ним и в гроб влезл*».

Долго сдерживаемые рыдания выр-
вались наружу. «Ужасно бе видети, яко
в толице множестве народа не обрести
человека, не испустивша слез, но вси
со восклицанием рыдающе глаголаху:
«Увы нам, драгий господине наш! Уже
к тому не имама видети красоты лица
твоего, ни сладких твоих словес насла-
дятся. Кому прибегнем и кто ны
ущедрит? *Не имут бо чада от родителя
такова блага прияти, якоже мы от
тебе приимахом, сладчайший наю госпо-
дине!*» Но эти вопли возмутили спокой-
ствие души, уже отрешившейся от все-
го земного, и Александр, «зело стужив-
ся», кротко просил их оставить его
одного: «Удалитесь и не сокрушайте
души моей жалостью!» Сколько любви

сказалось в этих немногих словах! Про-
шло несколько минут, и уже инок
Алексий снова призвал к себе своих
приближенных — всех бояр и простых
людей — и начал трогательно прощать-
ся, давая последнее благословение и
слабеющим голосом прося у всех про-
щения. Горькое то было зрелище об-
щего неудержимого плача и рыдания
«о поборнике всей земли Русской,
предстателе бояр, питателе убогих, отце
вдов и сирот и заступнике Церкви, ко-
торую защищал от врагов, утверждая в
ней веру Христову!» Слеза скатилась из
глаз Александра... Еще раз открыл он
уста и выразил желание сподобиться в
последнюю минуту причащения пречи-
стых Тайн Своего Господа и Спасителя,
Которого возлюбил от юности своей.
Его желание исполнилось, и тогда он
тихо предал свою чистую душу в руки
Божий, 14 ноября 1263 года, в день па-
мяти святого апостола Филиппа.

Поэт живо рисует нам картину по-
следних мгновений земной жизни
Александра:

Ночь на дворе и мороз.
Месяц — два радужных светлых венца
 вкруг него...
По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби
 и слез.

* * *

Тихо лампада пред образом Спаса горит;
Тихо игумен пред ним на молитве стоит;
Тихо бояре стоят по углам,
Тих и недвижим лежит головой к образам
Князь Александр, черной схимой покрыт...
Страшного часа все ждут: нет надежды,
 уж нет!
Слышится в келье порой лишь болящего
 бред.

• ч •

Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижен лежит...
Словно как свет над его просиял головой —
Чудной лицо озарилось красой.
Тихо игумен к нему подошел
 и дрожащей рукой
Сердце ощупал его и чело —
И, зарыдав, возгласил:
 «Наше солнце зашло!»

Майков

Божественная служба совершалась в соборном храме в стольном Владимире. Митрополит Кирилл вместе со своей паствой возносил теплые молитвы Богу, молился, может быть, об отвращении опасностей, грозивших отечеству, о благополучном возвращении великого князя, которого все так долго и с нетерпением ожидали. Устремляя свои взоры горе, как бы к самому престолу Всевышнего, святитель внезапно был поражен необычайным видением: перед ним, как живой, но озаренный неземным сиянием, великий князь Александр... Тихо, как бы возносясь на крылах ангельских, удаляясь вверх, скрылось от очей святителя «подобие образа блаженного великого князя Александра». Предстоявшие с изумлением смотрели на святителя, на лице которого, без сомнения, сияло отражение необычайного явления. Митрополит понял, что доблестного защитника отечества не стало, и слезы закапали из глаз старца. «Зашло солнце земли Русской!» — тихо проговорил святитель.

Но никто не понял рокового значения этих слов. Наконец, митрополит, с глубоким вздохом, голосом, в котором слышались рыдания, громко произнес: «Чада моя милая, знайте, что ныне блаженный князь великий Александр преставился!..». Ужас охватил всех при этих словах. Храм огласился воплями скорби и отчаяния. «Погибаем!» — воскликнуло единодушно все собрание — «и ерея, и диаконы, и черноризцы, нищий, богатии и вси людие мнозии...». Это внезапно вырвавшееся восклицание всего лучше показало все значение Александра для отечества...

Опустел стольный город... «Князи и бояре, и весь род, мали и велиции» устремились навстречу печальной процессии с телом Александра. Не так надеялся встретить его осиротелый теперь народ! Митрополит «с чином церковным» остановился в Боголюбове, приготовившись встретить тело Александра со свечами и фимиамом кадильным. Безчисленное множество народа покрыло окрестности. Скоро по-

казался стяг почившего князя. Неудержимый плач раздался кругом... Вот и печальное шествие... Волны народа неудержимо ринулись навстречу. «От множества народа изгнетахуся людие, хотяще прикоснуться честнем теле его, бысть же плач велий, и кричание, и туга, яко же несть такова бывала, токмо и земли трястися». 23 ноября совершалось торжественное отпевание в соборном храме. Пение надгробных песен заглушалось нередко вздохами и едва сдерживаемыми рыданиями осиротелой семьи и народа. «И бысть тогда чудо дивно, памяти достойно»: эконоом Севастьян, приблизившись к гробу, хотел было разогнуть руку усопшего, «да вложить митрополит грамату душевную». Но блаженный князь «яко жив» сам простер руку, чтобы принять «свиток грехов прощения», и затем снова сложил крестообразно руки на груди. «Ужас велик» объял присутствовавших, «яко от раки отступиша». «Се же слышавше, братие, кто не дивится о сем, яко телу бездушну

сущю, привезену от дальних мест во время зимы? тако прослави Бог угодника Своего, иже много тружшеся за землю Русьскую, и за Новгород, и за Псков, и за все великое княжение живот свой отдавая, и за православную веру». В глубоком благоговении приблизившись ко гробу, подняли его и с пением понесли уже как инока из храма, где покоились славные предки Александра, в иноческую обитель Рождества Богородицы, где и положили в соборной церкви.

Как жил святой и благоверный князь и при жизни «распаляшеся божественным, небесным желанием», так и скончался. Приняв схиму, он последовал не одному только обычаю времени. «Это было, — по словам одного из его жизнеописателей, — изволение святого сердца его, во всю жизнь преуспевавшего в стремлении к Богу, — это было венцом его постоянного, верного, разумного служения Богу. То истинно ангельское спокойствие, с каким после принятия ангельского образа совершил

он последнее прощание со своими приближенными и со всеми, кто мог быть при одре его, — та последняя просьба, с какой он обратился к окружавшим одр его с невольными слезами и рыданием: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостию», — служат живым свидетельством, как искренни были его обеты, как живо было стремление его к Богу, Которому он посвятил себя у врат смерти на всю вечность, приняв, наконец, и схиму».

Позволим привести здесь следующие, проникнутые теплым чувством размышления, которые внушила тому же благочестивому жизнеописателю святого князя его блаженная кончина: «Так рановременно по суду человеческого, и благовременно по намерениям промысла Божия, так свято пред очами Божиими и человеческими, кончилась жизнь святого Александра Невского!.. Кончилась?.. Нет! Кончилось видимое общение святого князя с любившим его народом; но вместе с ним началась безсмертная жизнь имени его

в благодарной памяти народной, передававшей из века в век славу подвигов героя Невского. Кончилось predetermined ему время подвигов; но вместе с тем началось нескончаемое время его наград и воспарившему к небу его духу, и успокоившемуся от трудов телу, — наград, которых не заменила бы самая продолжительная жизнь со всеми ее радостями... О, ведомы ли были блаженному духу твоему, отец отечества своего, спасавший его в самую тяжкую годину от самого тяжкого горя, — ведомы ли были духу твоему те рыдания и слезы, с какими народ твой принял весть о кончине твоей, с какими принял он драгоценное сокровище — останки твои и предал их земле? Немало огорчений среди непрерывных, тяжких и в высшей степени благотворных трудов испытал ты со стороны неразумных чад твоих — твоего народа: теперь утешился бы дух твой, если бы нуждался в земных утешениях; теперь увидел бы ты, как ценили тебя, как любили тебя, Ангел хра-

нитель доброго народа русского!.. Владимир твой ждет своего князя с радостными вестями... Не ту весть вещает ему первосвященник Кирилл: «Чада моя милая! Зайде солнце земли Русския». Посмотрел бы ты, как народ принял эту горькую истину, как первосвященник передал ее. Народ как будто не понял, — он, может быть, не хотел понять слов своего архипастыря... Как, без сомнения, и священник желал бы объяснить их не так! Но уже все конечно: народ должен узнать свое горе! «Благоверный великий князь преставился», — говорит со слезами священник; но у народа в ответ нашлось только два слова, в которых вылилась вся скорбь, вся туга сердечная по тебе, защитник земли Русской! «Уже погибает!» Пришел и самый мрачный день скорби и сетования, когда, пораженный печалию, престольный град твой вышел сретить и принять на могильный покой святые останки твои... В дни ожидания святого тела народ успел припомнить все доблести, все по-

двиги, все благодеяния князя, который с ангельскою добротою, неусыпностью и терпением трудился во благо его... И приникал ли свыше блаженный дух твой, благодетель своего родного края, к умилительному зрелищу, какое было у твоего гроба, когда, в торжественном шествии во Владимир, толпы, безпрестанно возрастая, спешили хоть прикоснуться к святому телу твоему, к честному гробу твоему; когда рыданиями народными, каких дотоле не бывало, заглушалось пение погребальное; когда собственными слезами певцов прерывалось пение?... Ведомо ли, наконец, тебе то, что переходит из века в век, вместе с памятью твоих доблестей и подвигов, — трогательное выражение всей скорби по тебе, всей любви к тебе, какое читаем мы, отдаленные потомки благодетельствованных тобою прапрадедов наших, в письменах свидетелей твоей кончины: «Отца человек может забыть, а добра господина не может оставить; аще бы лзе, и в гроб бы лег с ним». Мы, по крайней мере, знаем те-

перь чувства своих предков к тебе, и разделяем их, отдавая предкам и честь, и славу, и искреннюю признательность за их добрые чувства!..

За тебя же, слава не только царства русского, но и святой Церкви Христовой, радуемся мы, не столько припоминая ту честь, какую воздал тебе народ твой, сколько с благоговением принося к славе, какую достойно воздал тебе Господь! С радостью припоминаем явныя знамения прославления твоего на небе, так видимо отражающагося на покоящихся среди нас нетленных останках твоих. В славе твоего, просиявшего нетлением, тела, мы презираем вечную славу твоего духа, блаженствующаго в обителях Отца небеснаго, и благословляем святейшее имя Господа, дарующаго верным рабам Своим вечную славу в воздаяние за их труды, являющаго и другим эту славу еще во времени, в ободрение в труде угождения Ему. Благословляем и твое святое имя, благоговая пред множеством твоих подвигов и трудов, а еще более — пред

высотой и чистотой святой души твоей, всегда бодрственной, всегда всецело Богу преданной, умевшей каждое из дел жизни возводить в достоинство жертвы и служения Богу!»

-

* * *

Сурова, полна тяжких, самоотверженных трудов была жизнь Александра. Без сомнения, ясное представление его многострадальных подвигов внушило историку следующие строки: «Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнее Великаго: ибо Великими называют обыкновенно счастливых». Это суждение вызывает некоторое недоразумение. Если под счастьем разуметь одни громкие успехи, отсутствие неудач и страданий, беззаботное наслаждение всеми утехами жизни, то, конечно, в жизни святого Александра Невского мы немного найдем такого счастья. Его жизнь, скорее, есть жизнь скорби. Но справедливо сказано, что «скорь» и «радость» — близки между собой, как две родные сестры, и можно

полагать с уверенностью, что если в его жизни было много скорби, происходившей, главным образом от сострадания к своему народу, то, с другой стороны, были и радости. Не худшее ли из бедствий в жизни составляют терзания нечистой, преступной совести? Но его праведная жизнь служит ручательством, что он не испытывал горечи этого бедствия, часто удручающего людей, по-видимому, пользующихся всеми житейскими благами. Скорее, напротив — он должен был испытывать радость безупречно исполненного долга, радость незапятнанной совести, радость чистой души, далекой от всякой низости, радость святой жизни, всецело отданной на служение Богу и ближним. «Это, — по словам знаменитого писателя, — конечно, едва ли то, что люди собственно называют радостью; это не веселость легкомыслия, которая подобна кратковременному мерцанию апрельского солнца над мелководным потоком; это не смех безумцев, который подобен «треску шипов под горшком»:

таких радостей мало в жизни человека, который понимает истинный смысл жизни. Но истинно сказал один великий учитель Церкви: верь мне, суровая жизнь есть истинная радость», и из этого источника всего истинно доброго и благородного и всего истинно великого он мог почерпать с избытком новые силы для преодоления предстоявших ему трудностей, мог почерпать ту энергию, ту изумительную бодрость, которая проявляется во всех его действиях. Не забудем при этом, что в течение всей жизни его одушевляло пламенное благочестие, никогда не оставляло молитвенное настроение духа, и вследствие этого «везде благодать Божия осияваше его», а это составляет источник высшего блаженства, доступного человеку. Зависть и злоба, эти самые горькие отравы жизни, не находили места в его сердце, исполненном доброты, кротости, сострадания и всепрощения. Нет, великий подвижник земли Русской был счастлив в высшем, благороднейшем значении этого слова!

Вместе с тем на его подвигах лежит печать истинного величия: стоя на рубеже двух эпох, между киевским и московским периодом русской истории, он совместил в себе лучшие стороны, отличающие выдающихся деятелей той и другой эпохи: с блестящей храбростью соединяя редкое благоразумие, он одинаково далек был как от безцельных порывов и стремлений, ведущих иногда к громким, но малополезным поступкам, так равно и от себялюбивых, узкоэгоистических склонностей, вызывающих иногда неразборчивость в средствах к достижению намеченных целей. Неуклонная правдивость и прямота души побудили его решительно, без малейших колебаний, отвергнуть всякий союз с Западом, что навсегда безповоротно определило характер нашей духовной самобытности. В то же время, безусловной покорностью обезоружив татар и устранив их вмешательство в наши внутренние дела, он обеспечил в будущем и политическую независимость своего государства. Но

его покорность варварам далека от раболепства: он всегда умел поддержать и сохранить достоинство человека и христианина и внушил к себе невольное уважение и полное доверие своих грубых повелителей. Дивный, озаренный лучами святости, образ истинно русского человека из глубины минувших веков встает перед нами в лице Александра: светлый, практический ум, широта взгляда, могучая воля, беззаветная преданность своей родине, искренность и задушевность чувства, благородство и великодушие, неизменно бодрое и трезвенное настроение духа, безпредельная любовь к Богу, — словом, все черты, которые мы замечаем на протяжении веков в лучших представителях нашей народности, мы встречаем в нашем национальном герое — Александре!

— О, даруй Бог, — скажем вместе с благочестивым описателем жизни святого Александра, — чтобы благодарная память о святом князе-праведнике была жива... во всех краях России, что-

бы слава его от нас перешла к потомкам нашим, как к нам перешла от благочестивых предков, возрастая вместе с распространением своим, чтобы пример святой его жизни находил как можно более верных подражателей и нынешние сыны Руси всегда так же достойны были благоволения Божия и покровительства и помощи своего заступника — святого благоверного великаго князя Александра и всех святых, как в дни своей жизни достоин был он — герой Невский!»

XX

Небесное покровительство святого Александра над Русской землей. — Исцеления, полученные по молитве к святому угоднику.

«Не оставил и после преставления блаженный Александр своей паствы, день и ночь о ней бдящий как живой, заступая ее от врагов видимых и невидимых. Отселе начинается ряд его посмертных подвигов, столь же светлых, как и во дни временной жизни», — говорит о чудесах святого Александра благочестивый описатель его жития. «То достойно внимания, что сей благоверный поборник земли Русской, всю жизнь подвизавшийся для ее спасения, действовал в том же духе и за пределами гроба, проявляя небесный покров свой в самые тяжкие години испытания».

Прошло около ста лет после блаженной кончины Александра, и его надежды на лучшее будущее своего отечества блистательно оправдались: идя по пути, указанному великим предком, московские князья, при помощи самих татар, успешно действовали в смысле собирания и объединения сил Русской земли. Вместе с тем, по мере возвышения Москвы, Орда ослабела вследствие непорядков, грозные признаки которых обозначились уже во время Александрове: в Орде сразу являлось по нескольку ханов, споривших за престол и свергавших один другого. Сыновья убивали отцов, братья — братьев-соперников, и ханы безпрестанно сменялись: во второй половине XIV столетия было десятилетие, в которое сменилось пятнадцать ханов... Казалось, наставала для Руси великая пора освобождения от ига, когда наши князья должны были перестать ездить в Орду, возить дань и получать ярлыки. Праправнук святого Александра великий Димитрий Иоаннович стал собирать ополчение, и ско-

ро вся Русь пришла в движение, ратники отовсюду стекались к Москве. Все ожило, встрепенулось, как будто проснувшись от долгого сна... Святые отшельники и в челе их преподобный Сергей возносили теплые молитвы к Богу и благословляли князя и воинство на великий подвиг освобождения. Как живой, воскресал в это время в памяти народной образ великого заступника земли Русской — святого Александра Невского. О, если бы он, как некогда против шведов, восстал теперь и явился в челе полков русских! Во Владимире, в обители Рождества Пречистой Богородицы, в тиши ночного уединения, близ гроба Александра, с 7 на 8 сентября 1380 года благочестивый отшельник повергается с пламенной молитвою к Богу и просит заступничества святого благоверного князя в тяжелой борьбе с притеснителями отечества. Молитва его услышана: внезапно возжигаются сами собой свечи у гробницы святого князя... Из алтаря появляются два старца, озаренные небесным

сиянием, и тихо приближаются к гробнице. Инок явственно слышит, как среди ночной тишины раздается голос старцев: «Восстани, Александре, ускори на помощь сроднику своему великому князю Димитрию, одолеваему сушу от иноплеменник!» И как живой, перед изумленными взорами инока восстал из гроба Александр... Затем все трое стали невидимы... «Подобало светлomu витязю, столько пострадавшему в Орде, явиться на поле ратном в тот день, когда спасенный его смирением народ впервые подымал оружие против неверных». Дивное видение происходило как раз в ту достопамятную ночь, когда Димитрий Иоаннович готовился наутро в бой с полчищами Мамай, собиравшегося разрушить храмы на Руси и искоренить христианство. Смирный инок хотел было умолчать о видении, но, узнав точно о времени битвы и ее благополучном исходе, побоялся утаить о столь явном знамении небесного покровительства и обо всем рассказал митрополиту. Святитель с освя-

щенным собором немедленно отправился во Владимир. С молитвою приступили к могиле Александра и раскопали ее. Тело блаженного князя после ста семнадцати лет, истекших со времени его погребения, оказалось нетленным. В чувстве глубокого умиления и благоговения перед судьбами Всевышнего, прославляющего угодников, митрополит положил тело святого в раке поверх земли. Последовавшие затем знамения прославили угодника; близ святых его мощей слепые получали зрение и ноги хромых укреплялись, расслабленным возвращались силы...

Прошло еще сто лет. Монгольское иго ослабло и, наконец, отпало, как отжившая скорлупа. Сама Орда развалилась на части, а судьбами объединенной Руси распорядился могущественный самодержец великий князь Иоанн III Васильевич. Последним годом тяготевшего более двух столетий ига признается 1480 год. Более, чем когда-либо, надлежало вспомнить и всенародно прославить того, кто некогда

поддержал жизнь умиравшего государства и обеспечил его будущую независимость. Не местное только — всероссийское почитание приличествовало тому, кто больше всех потрудился «за землю Русьскую... и за все великое княжение живот свой отдавая». В 1491 году во Владимире, мая 23, в понедельник, над храмом, где почивали святые мощи, «бысть ужасно видение, и страшно явление, и грозно знамение гнева Божия, им же наказуя нас Бог и от грех на покаяние приводя... Над каменною церковью Рождества Пречистой Богородицы славныя обители честнаго архимандритства, прямо чудесных мощей блаженнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, во иноцех же Алексея, от самого верха церкви тоя видеша необычно видение, яко облак легкий протязашеся или яко дым тонок извивался, белостию же иней чист, светлостию же яко солнцу подобообразно блещася, ид еже тогда в тонкости и светлости облака того видеша подобие образа блаженнаго великаго князя

Александра на кони». Святой князь явно для всех как бы удалялся на небо... «Людие же видевше сие великим страхом и ужасом одержими бяху и начата по всему граду звонити». В полдень произошел страшный пожар, испепеливший весь город с посадами. Народ, не находя нигде спасения, устремился к храму Рождества Пречистой Богородицы. Но и самый храм не уцелел: пламя охватило его и, проникнув внутрь храма, истребило все... «Чудотворныя же мощи святаго и праведнаго великаго князя Александра Ярославича, на них же аще и бысть видети нечто огненого знамения, но обаче Богом тако сохранени быша, яко и пелена, иже бяше во гробе его, обретяся неврежена». Дивное и страшное событие во Владимире должно было обратить на себя внимание всей Русской земли, тем более что при гробе святого князя продолжались совершаться разнообразные исцеления, привлекавшие многочисленных поклонников. Наконец, воля Божия о всенародном

прославлении угодника открылась с ясностью, не допускавшею более никаких колебаний. Прошло еще полвека после страшного владимирского пожара, и вот в 1541 году в пяток после вечерни (с такою точностью обозначено время события!) сама собою возгорелась свеча у гроба святого князя как бы в ознаменование того, что светильник не следует более оставлять под спудом, по слову Писания, но надлежит поставить на свещнике, да светит всему миру. Екклесиарх, видевший чудо, в простоте души погасил свечу, но рассказал немедленно о знамении архимандриту Евфросину. Архимандрит поспешил во храм и нашел свечу еще теплою. Столь явные знамения воли Божией не прошли бесследно: митрополит Макарий на соборе 1547 года предложил установить празднование святому блаженному князю Александру Невскому по всей России. Собор принял и подтвердил предложение.

Царствование Грозного царя составляет знаменательную эпоху в исто-

рии вековой борьбы русского народа с азиатскими варварами: отселе начинается уже покорение варваров под власть Руси, — начинается великая миссия русского народа: внести в мир варварства, невежества и застоя не месть за прошлые обиды, не разорение, но блага христианской цивилизации и гражданского благоустройства. Перед оружием христианского государя первыми пали царства Казанское и Астраханское. Отправляясь в поход против Казани, Иоанн IV на пути остановился во Владимире и у гроба святого Александра Невского испрашивал небесной помощи против татар. Угодник Божий, как бы в знамение предстоявшего славного успеха, исцелил руку одного из спутников царя, Аркадия, который впоследствии написал и житие святого князя. Передадим об этом событии словами самого исцеленного. «Случися быти ту у целбоноснаго гроба блаженнаго и великаго князя Александра и мне грешнейшему и виде близ помосту церковного на гробе блаженнаго

малу скважню, и яко уразумети хотя, что есть скважня она, и вложих персты руки моя в скважню ту, и очютих яко в масть некую омочих руку мою, на ней же бяше струп некаков мал от многа времени; и абие исторгнув от скважни руку мою, и чюяшеся на ней яко маслом маститом или яко миром благовонным помазати, и струп на ней не обретеса от дни того и донине». Благодарный за столь явное знамение благоволения святого угодника, Иоанн вознамерился собрать сведения о чудесах святого Александра Невского, при ревностном содействии митрополита Макария.

Между тем русскому народу и после освобождения от монгольского ига суждено было перенести еще много испытаний. По мере того, как росло и крепло Московское государство извне, нравы народа, вместе с упадком просвещения, грубели и портились. Плачевными чертами изображают современные памятники состояние народной нравственности в XVI столетии. Самоволие, надменность и алчность

сильных, притеснения бедных и сирот, коварство, лживость, себялюбие, жестокость, чувственность, «беспримерное беззаконие и неправда, каких не слыхать и у неверных», крайнее невежество и суеверия — вот в каких чертах изображается нравственное состояние русского общества XVI столетия. Кара Божья не замедлила: несчастная ливонская война, опустошительные набеги крымского хана, прекращение царского рода, ужасы смутной эпохи... Нашествие крымского хана Девлет-Гирея в 1571 году было особенно губительно: страшный пожар опустошил всю Москву, причем погибло несколько сот тысяч народа. Хан возвращался домой с огромной добычей и множеством пленных. Не довольствуясь нашествием, Девлет-Гирей требовал обратно «своих юртов Астрахани и Казани». На следующий год татары готовились к новому нашествию. «Хочу венца и головы твоей!» — писал хан Иоанну...

Смиренный инок Антоний, долгие годы подвизавшийся во Владимире в

обители Рождества Пречистой Богородицы, проводил бессонные ночи в молитве за отечество у гроба святого Александра Невского, прося заступника отечества оказать свою помощь царю против варваров. И вот — видит он — к вратам обители быстро приближаются двое светозарных юношей на конях. То были святые Борис и Глеб. Став у гроба Александра, небесные посетители воскликнули: «Возстани, брат наш, благоверный великий князь Александр, да ускорим на помощь нашему сроднику царю Иоанну, ибо ныне предстоит ему брань с иноплеменными». Александр поднялся из гроба, и все трое удалились из храма. «Пойдем в соборную церковь Пречистой Богородицы, к сродникам нашим, великим князьям Андрею, Всеволоду, Георгию и Ярославу, да возбудим и их с нами на помощь», — сказали святые заступники земли Русской и быстро направились к соборному храму. В благоговейном изумлении, спешной стопой устремляется за ними и Антоний. Прежде дру-

гих восстал из гроба Всеволод Великий, за ним — другие князья. Недолго продолжалось видение: семь заступников земли Русской, на конях, поднявшись на воздух, понеслись по направлению к Ростову и скрылись из вида, упоминая царевича Петра и вселяя бодрость в душу инока своими речами... Спустя немного времени Антоний услышал радостную весть, что хан, поднявшийся со всей своей ордой, потерпел страшное поражение на берегах Лопасни и с позором бежал из пределов России.

Святой Александр Невский, при жизни своей проявлявший горячую любовь к людям, и по смерти явился не только небесным заступником своего отечества в трудных обстоятельствах, но не оставлял своей небесной помощью и тех, кто с верою и теплой молитвой прибегал к чему, «невидимо Христовы люди посещая и исцеления подавая богато», и воистину «великий чудотворец явился Российския земли».

Прежде других сделалось известным исцеление двух слепых женщин, полу-

чивших прозрение, после того как они, с верой и сокрушенным сердцем рассказавшись в грехах, просили предстательства святого князя перед Богом.

Несчастный с иссохшей ногой, потеряв всякую надежду на человеческую помощь, по молитве к угоднику, у самой раки его внезапно на глазах многих свидетелей получил исцеление и бодро встал на обе ноги.

Некто по имени Леонтий, расслабленный руками и ногами, был окроплен святою водою от нетленных мощей святого князя и при молитве священника о нем получил исцеление.

Инок обители Рождества Пречистой Богородицы по фамилии Красовцов подвергся вследствие своего недостойного поведения небесной каре: долгие годы он лежал расслабленным, пока, наконец, с сердечной верой не воззвал к святому угоднику, и молитва его была скоро услышана: он получил исцеление.

Другой инок той же обители по имени Давид избавился по молитве к

святому князю от постигшего его лютого недуга.

Боярский сын Истома Головин, тяжело заболев, уже отчаялся в жизни и ждал скорой смерти, но, будучи принесен к раке святого Александра, по вере его, внезапно выздоровел.

Из Пскова, где особенно жива была память о подвигах святого Александра Невского, привезен был во Владимир к мощам угодника боярский сын Симеон Забелин и по молитве получил исцеление.

В 1572 году владимирский гражданин, по имени Феодор, подвергшись ужасным припадкам, у врат Рождественской обители избавился от приражений духа злобы.

Из владимирского посада принесена была расслабленная и положена на ступенях близ святых мощей. Горяча была ее молитва к святому князю, который, явившись ей, взял ее за руку и воздвигнул от одра болезни.

Слепец из города Владимира Давид Иосифов однажды в день воскресный,

во время чтения Евангелия, вдруг увидел свет и, взволнованный до глубины души блеснувшей надеждой на исцеление, с теплой верой прибег к небесной помощи. Окропленный святой водой близ раки святого князя, он совершенно прозрел.

У владимирского дворянина Максима Никитина был сын отрок Иоанн, немой и расслабленный. Родители с верою принесли его в Рождественскую обитель и положили у гроба святого князя: отрок получил исцеление.

В монастырской деревне Угрюмовой Владимирского уезда крестьянин Афанасий Никитин у себя дома подвергся припадкам сумасшествия, так что перестал узнавать родных и не принимал ни пищи, ни питья. Внезапно он начал просить, чтобы его отвели в обитель к мощам святого князя. На пути к его гробу он внезапно почувствовал себя здоровым и в сердечном умилении рассказал всем, что святой князь, сам явившись к нему, указал искать исцеления у его гроба. Это было 10 марта 1706 года.

Но возможно ли исчислить все благодеяния Божий, которые непрестанно и днесь и вовеки изливаются на всех, притекающих с верой к святым угодникам, по их небесному предстательству? Будем молить Господа о том, чтобы не оскудевала вера наша, святые же предстатели наши пред Богом, по выражению церковной песни, по своей любви к нам, «к непрестанным цельбам тихо созывают, не хитростями человеческими, ни обвязанием, но действием Святого Духа, душевное и телесное исцеление паче естества подавая».

Будем внимательны к этому тихому зову, не давая житейской суете заглушать его в душе нашей!

XXI

Воля Петра Великого о перенесении мощей святого Александра в Петербург. — Основание Александре-Невской лавры. — Шествие из Владимира до Москвы. — Пребывание святыни в Москве и Новгороде. — Встреча в Петербурге. — Заботы Петра и его преемников об устройении и украшении Александре-Невской обители.

После тяжких испытаний, пережитых нашим отечеством, настала, наконец, славная эпоха Петра. Начавшись близ берегов Балтийского моря, историческая жизнь русского народа потекла широким потоком по обширному руслу, захватывая в своем течении новые отдаленные берега и пределы: шаг за шагом двигалось население к Уральским горам, перешагнуло этот рубеж и рассеялось по необозримым простран-

ствам Северной Азии до крайних восточных пределов. В борьбе с дикой, суровой природой, с тяжкими лишениями закалилась энергия русского человека, развилась его богатырская сила и ничем не удержимая удаль. Но в своем движении на Восток русскому народу суждено было встретиться с азиатской татарщиной и склониться под тяжкое иго, наложившее на него сильную печать. Русский народ замкнулся в себе, стал недоверчив, упорен, а иногда и жесток, зато приобрел изумительное терпение и выносливость и в борьбе с мусульманством окончательно окреп в своей преданности вере предков. Глубокое недоверие ко всему иноземному, иноверному укоренилось в сердце народа. Сильная своим государственным и национальным единством, Русь составила какой-то отдельный, в самом себе замкнутый мир, который, простираясь между двумя частями света, не принадлежал ни к той, ни к другой... Между тем Провидение предназначало русскому народу высокую миссию: не

замыкаться в себе самом напоподобие Китая, но, охранив христианский мир и цивилизацию от напора варварономадов, стать посредником между Европой и Азией и примирить их противоположности в высшем единстве. От Востока, к которому так долго было приковано внимание русского народа, он должен был обратиться к Западу. Явилось неотразимое стремление к Балтийскому морю, внимание снова сосредоточивается на тех местах, где началась историческая жизнь русского народа; снова пришлось встретиться лицом к лицу с теми же врагами, с которыми столкнулся русский народ в начале своей истории, со шведами, с ливонскими немцами, с которыми так победоносно сражался некогда невский герой. Явился царь-богатырь, разбудил заснувшие было исполинские силы своего народа и направил его на новый, всемирно-исторический путь. Сражаясь со шведами, пробиваясь к заветному морю и на далекой окраине своего государства, на берегах Невы

полагая основание новой столицы, Петр, естественно вспомнил о том времени, когда впервые на берегах Невы раздались победные клики русских над врагами, о победоносном вожде, и выразил желание, чтобы новая столица, его дорогой «парадиз», и весь новый край, приобретенный для России, находился под особенным покровительством национального героя русского народа — святого благоверного князя Александра Невского.

«Державная воля Петра, — говорит православный проповедник, — преодолел все затруднения, какие противопоставляла намерениям его северная природа, основала, на удивление всем, столицу в пустынном краю, в местах, едва проходимых, где только царственный ум Петра мог прозревать возможность существования одного из обширнейших и великолепнейших городов в мире... Эта столица, быстро возроставшая под рукою Великого, была предметом постоянных его забот... Но мало для него было тех трудов, какие сам он

подъял для блага своей столицы; не довольно, казалось ему, он сделал ей добра, дав ей жизни; ему хотелось, чтобы созданный им град, долженствовавший стать во главе градов русских, был ничем не меньше других градов, чтобы судьба его любимой столицы была ограждена — навсегда... И вот юная столица, которой еще долго надлежало бы ждать, пока на ее нивах произрастет цвет нетления и она украсится, подобно другим градам, святынею нетленных останков какого-либо угодника Божия, — юная столица получила от своего основателя и благодетеля последнее благодеяние, прияв, по воле его, в свои объятия нетленные мощи святого благоверного великого князя Александра... И можно ли было лучше избрать покровителя граду, заселившему берега Невы? Герой невиский, несомненно, всегда и был, и есть, и будет лучшим стражем и покровителем тех мест, где некогда так славно подвизался он для блага своей родины и Православной церкви».

Вознамерившись перенести нетленные мощи святого Александра, Петр заблаговременно озаботился подготовлением для них нового покоища и сам указал место для постройки монастыря. В журнале Петра Великого за июль 1710 года читаем следующее: «Государь, будучи в Петербурге, осматривал места, где быть каким строениям и над Невою рекою, при С.-Петербурге, на устье речки Черной усмотрел изрядное место, которое называлось Виктори, где указал строить монастырь во имя Святой Троицы и святого Александра Невского, и на том месте, в присутствии Его Государя и при нем обретающихся министров и генералитета, архимандрит, назначенный в тот монастырь, Феодосии водрузил крест с таким надписанием: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, повелением Царского Пресветлаго Величества, на сем месте имеет создаться монастырь» — и поставлена на том месте часовня». Несмотря на трудные войны со шведами и турками, на неустанную, всепрони-

кающую деятельность, разнообразнейшие труды, на вечные разъезды от Балтийского моря до Волги, от Архангельска до Азова, Петр не оставлял своих забот об устройении обители. Уже в 1712 году на левой стороне речки была заложена, а в следующем году 25 марта была освящена деревянная церковь Благовещения. Как только отделаны были кельи, устроилось и иноческое общежитие.

Собственно постройка монастыря началась не ранее 1717 года по плану архитектора Андрея Треззина. На плане государь изволил начертать: «Во имя Господне делать по сему». Работы продолжались непрерывно. Основанный в том же, 1717 году, храм во имя святого Александра Невского был освящен 30 августа 1724 года в день перенесения мощей в столицу. 1723 года 29 мая, во время посещения государем вновь устроенной обители, состоялось Высочайшее повеление: «Обретающиеся во Владимирском Рождествене монастыре мощи святого Благоверного Великаго

Князя Александра Невского перенести в Александровский монастырь».

Во Владимире святые мощи покоились в новой деревянной, украшенной резною работою и покрытой драгоценным покровом, раке, устроенной в 1695 году в Москве при царях Иоанне и Петре Алексеевичах. Наверху, по краям раки, со всех сторон сделана надпись, подробно изображавшая подвиги святого князя. Митрополит Иларион с торжеством переложил в новую раку святые мощи в 1697 году. Для перенесения святых мощей из Владимира в Петербург устроен был ковчег, покрытый малиновым бархатом. Над ковчегом возвышался балдахин. На крышке ковчега лежала подушка лазоревого цвета, обложенная золотым позументом с золотыми кистями. На нее возложены были крест и княжеские регалии. Из Владимира до Петербурга святые мощи должен был сопровождать настоятель Рождественского монастыря архимандрит Сергей, «яко в первостепенных архимандритах Российских

третий градус имеющий», а для наблюдения за порядком и благопристойностью на пути Сенатом назначен был окольный Михайл Васильевич Сабакин. При шествии со святыми мощами должно было наблюдать, чтобы не было ни замедления, ни излишней поспешности. Духовные и светские лица должны были во время процессии присутствовать неотлучно. Строго было наказано, чтобы вблизи святыни не происходило «сквернословии и непотребных действий». Надлежало останавливаться «в удобных полевых местах и содержать ковчег со святыми мощами в шатре, под надлежащим присмотром и охранением».

Во Владимире с 10 на 11 августа совершены были во всех храмах всенощное бдение и утром литургия. Духовенство города и окрестных монастырей, при многочисленном стечении народа, с крестным ходом направилось из соборного храма в Рождественскую обитель. Здесь перед ракою святого князя отслужено было молебствие. Затем ар-

химандриты и игумены, приступив к раке, подняли святые мощи и поставили в приготовленный ковчег. Монастырская стена, выходящая на большую улицу, была разобрана, так как вследствие высоты ковчега, осеняемого балдахином (ковчег с балдахином был вышиною пять аршин десять вершков, длиною с носилками одиннадцать аршин четыре вершка, шириною семь аршин), пронести прямо из монастырских ворот было невозможно. Духовенство на раменах несло ковчег до так называемой Студеной горы. Волны народа сопровождали священное шествие. Колокольный звон со всех церквей раздавался в воздухе. Так проводили граждане Владимира свою достопамятную святыню, более трех с половиною столетий покоившуюся в их городе!

Умилительное зрелище представляло шествие святыни через землю Русскую! Во всех селах и городах, лежащих на пути, встречали и провожали святыню с крестами и иконами,

с молебным пением и колокольным звоном. Народ из ближних и дальних местностей стекался во множестве на поклонение святым мощам. Многие, не исключая женщин и детей, горели желанием сподобиться участия в несении святыни. Так было 13 августа в селениях Дмитриевском и Ундоле. Столь же трогательные встречи повторились потом 14 августа в деревне Липках, 15-го — в селе Покрове, 16-го — в селах Рогожах и Купавне, 17-го — в селении Пахре и в селе Ивановском.

Глубокое впечатление ложилось на душу при виде этих народных волн, окружавших непрестанно святыню, при этом всеобщем священном одушевлении! Как прекрасно выразилось это настроение православного народа в непрерывно раздававшихся вокруг гроба святого церковных песнопениях!

Яко звезду ты пресветлую почитаем, от востока воссиявшую и на запад пришедшую: всю бо страну сию чудесы и добротой обогатяеши...

Яко утро, яко день светлый, твой праздник явися, просвещая наша сердца, и всех с верою восхваляющих тя, Александре преславне!

День спасения и праздник веселия наста, стецемся вернии, очистивше вкупе души и телеса...

Приидите, вси языцы, восплещите руками ликоствующе! Приидите, вси Российстии князи и священницы и вельможи, монаси же и прости, духовне свеселимся в нарочитом празднице блаженнаго Александра, и многоцелебную его раку обстояще, любезно обლობызаем и того яко цветы песньми и хвалами увязем, рекуще: радуйся, земли Российстей похвале! Радуйся, Императору православному помощниче! Радуйся, отечеству твоему заступление!..»

17 августа вечером, в 8-м часе полудни шествие приблизилось уже к Москве и остановилось до утра у пруда, что под Красным Селом, близ дома ближнего стольника Ивана Федоровича Ромодановского. Уже с вечера вол-

ны народа устремились из Москвы и окружили ковчег. Утром 18 августа при звоне всех московских колоколов крестный ход в сопровождении множества народа двинулся на сретение святых мощей, которое и совершилось на том самом месте, где в 1652 году встречены были мощи святителя Филиппа, привезенные по воле царя Алексея Михайловича из Соловецкого монастыря. У церкви святого Василия Кесарийского было совершено всенародное молебствие. Затем процессия двинулась по Москве к Кремлю. Мощи святого князя сопровождали три святителя: преосвященный Леонид, архиепископ Сарский и Подонский, преподобный Варлаам, епископ Суздальский и Юрьевский, и преподобный Арсений Фивайдский с архимандритами и многочисленным духовенством. Внести святые мощи в Кремль оказалось невозможным вследствие высоты балдахина. Обратные святые мощи сопровождаемы были протоиереем Спасской дворцовой церкви с

духовенством Вознесенского монастыря и Никитского сорока до села Всевятского. В поле раскинут был царский шатер, под сенью которого на ночь и была поставлена святыня. В течение всей ночи множество народа как бы на страже неотлучно окружало шатер. Молебное пение не прекращалось до самого утра. По выходе из Москвы 19 августа первая встреча произошла на другой день в селе Никольском. 22-го шествие было уже в Клину. Жители города всенародно с крестным ходом сопровождали святыню за семь верст. 24-го прошли село Давидово, и 25-го в селе Городце святыню торжественно встречал архимандрит Желтикова монастыря Мелетий с братиею. 26-го были уже в Твери, где святыню ожидали архимандриты с городским духовенством. 27-го была встреча в Малкском монастыре, 28-го — в Торжке, некогда освобожденном Александром от литовского нашествия. Пройдя 29-го село Выдоропское (Выдропуск), шествие 30-го направилось от монасты-

рю -

ря Николы Столпенского в Вышний Волочок, куда и прибыли 31 августа. Из Волочка через Хотилловский ям (1 сентября) и село Березы шествие 3 сентября двинулось к Валдаю. 4 сентября прошли Крестцы. 6-го — Политавье. В городе Боровичах святыня была перенесена на яхту и 9 сентября вывезена на озеро Ильмень, в водах которого, без сомнения, во время земной жизни не раз отражался светлый образ Невского. На лодках приблизилось для встречи духовенство Юрьева монастыря. Наконец святыня в Новгороде! В пристани у Словенской улицы ковчег был изнесен на берег. Астраханский епископ Иоаким с многочисленным духовенством, генерал Волков и воевода Хилков и множество народа встретили святыню, и шествие направилось к соборной церкви святой Софии, где святыня и была поставлена против северных врат под шатром. Так Невский герой снова был среди своих новгородцев-предков, которых некогда водил он к победам,

- 511 -

среди которых голос его гремел на вече, как труба, снова у святой Софии, где некогда он так горячо молился, прося небесной защиты! Сколько чувств, сколько славных и трогательных воспоминаний теснилось в душу новгородцам при виде дорогой и родной святыни!.. 10 сентября епископ Иоаким торжественно совершал литургию, во время которой иеромонах Стефан Прибылович произнес личное слово. По совершении литургии и молебного пения ковчег с святыми мощами был пронесен на Волховский мост, откуда духовенство с народом сопровождало святыню до Антониева монастыря. От Хутынского подворья святыню везли водою до Ладоги. Ежедневно из разных мест были встречи: 11 сентября от села Высокого, погоста Грузинского и Черницкого, 12-го — от села Солецкого и Помялова, 13-го — от погоста Михаило-Архангельского и Ильинского, от старой и новой Ладоги. Из Ладоги шествие снова направилось дальше

сухим путем. 17 сентября архимандритом Сергием получен был Высочайший указ. По предварительному соображению святыня должна была быть уже 25 августа в Петербурге. Предполагалось 30 августа, в память заключенного в этот день славного Ништадтского мира со шведами, торжественно внести святыне мощи в Александро-Невский монастырь. Но так как к означенному сроку святыня, по дальности пройденного расстояния, не могла прибыть в Петербург, то новым указом повелевалось уже не спешить с шествием и по прибытии в Шлиссельбург поставить святыню в тамошней соборной Благовещенской церкви, что и было исполнено 1 октября. Там святыне мощи почивали до августа следующего, 1724 года.

Встреча святыни в Петербурге была весьма торжественная. Император со свитой прибыл на галере к устью Ижоры. Благоговейно сняв святыню с яхты и поставив на галерею, государь повелел своим вельможам взяться за весла, а

сам управлял рулем. Во время плаванья раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дело из Петербурга прибывали новые галеры со знатными лицами, а во главе их — ботик Петра Великого, также отдававший салют своими небольшими медными пушками. Шествие приближалось к Петербургу. Мысли всех невольно неслись к той отдаленной эпохе, когда на берегах Невы и Ижоры Александр торжествовал свою победу над врагами. Шествие остановилось у пристани, нарочно для сего устроенной. Там святыню сняли с галеры, и знатнейшие вельможи понесли ее в монастырь.

«Веселися, Ижорская земля и вся Российская страна! Варяжское море, восплеци руками! Нево реко, распростири своя струи! Се бо Князь твой и Владыка, от Свейскаго ига тя свободивый, торжествует во граде Божий, его же веселят речная устремления!

Веселитесь днесь, Российстии народи. Ликуйте начала и власти! Се бо плоть от плоти вашей и власть от вла-

сти ваша Благочестивый Князь Александр Невский ликует со Ангелы на небеси и всех своих сродников и властей и под властию сущих на духовное созывает торжество, о всех молится Господу!

Возведи окрест очи твои, Россие, и виждь, се бо распространишася пределы твоя и приусугубишася от востока и севера и юга чада твоя, и промыслу Вышняго, по бранях, в мире воспой песни твоя!

Созидай грады твоя новые, Россие, утверждай миром пределы твоя! Господь с тобою. Господь помощник! Дажь убо славу имени Его, преславно ныне прославившему тя!» (Служба 30 августа.) Близ архиерейского двора навстречу святыни прибыла императрица с высшими чинами двора. Святыне мощи внесены были в церковь, посвященную имени святого Александра Невского и в тот же день освященную. Лишь только святыня была поставлена на приготовленное место, дан был знак к возобновлению пушечной

пальбы. Вечером город был иллюминирован. На другой день в Александро-Невской обители было светлое торжество, на котором присутствовал государь со знатнейшими вельможами и раздавал гостям план предположенных в монастыре построек, гравированный на меди. Тогда же установлено было праздновать торжество перенесения святых мощей ежегодно 30 августа. Так исполнилось заветное желание Петра Великого. Через полгода его не стало...

Перенесение святыни было последним великим благодеянием Петра своему дорогому детищу — Петербургу. Основав свою столицу на окраине государства, при море, для удобнейших сношений с другими, более России образованными народами, перенесением мощей великого подвижника Древней России Петр оставил для новой столицы как бы завет — воспринимая все доброе у других народов, не пренебрегать тем, что есть священного и достохвального в своем отечестве,

как бы внушал жителям столицы, что святая Русь имеет также свои доблести, «лучше которых, — по словам Духовного оратора, — ничего не найдешь нигде, — что, если в чужих странах привлекательно и достойно подражания многое, касающееся внешней жизни, то в своей родной стране у нас есть привлекательнейшие и достойнейшие подражания примеры благоустройства жизни внутренней, образцы искреннего благочестия, святости, которые, конечно, и должно изучать прежде всего и больше всего».

Преемники Петра Великого с особенным благоговением чтили память великого поборника отечества и веры православной. В 1725 году, согласно с волей Великого, супруга его, императрица Екатерина I, учредила орден в честь святого благоверного великого князя Александра Невского. В 1726 году издан был особый церемониал празднования дня 30 августа.

Благочестивая дочь Петра Великого, императрица Елизавета Петровна,

посвятила святому покровителю столицы первое серебро, добытое в Колыванских рудниках, повелев устроить из него новую великолепную раку, длиною три аршина семь вершков, шириною один аршин семь вершков. С правой стороны раки в кругу вырезаны стихи Ломоносова:

Святой и храбрый Князь здесь телом
почивает,
Но духом от небес на град сей призирает,
И на брега, где он противных побеждал,
И где невидимо Петру споспешествовал,
Являя дочь его усердие святое,
Сему защитнику воздвигла раку в честь
От первого серебра, что недро ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

Рака украшена разнообразными изваяниями. На верхней доске находится изображение святого князя по атласу. Гробницу осеняет серебряный балдахин, наверху которого — подушка с царскими регалиями. Позади раки в углублении стоит пирамида, по сторонам которой — трофеи святого князя и старинное оружие. На двух щи-

тах, находящихся по сторонам пирамиды, вырезана надпись, составленная Ломоносовым:

Богу Всемогушему
и Его угоднику
благоверному и великому князю
Александру Невскому,
россов усердному защитнику,
презревшему прещение мучителя,
тварь боготворить повелевшаго,
укротившему варварство на востоке,
низложившему зависть на западе,
по земном княжении в вечное
царство переселенному в лето 1263,
усердием Петра Великого,
на место древних и новых
побед перенесенному 1724 года,
державнейшая Елисавета,
отеческаго ко святым почитания
подражательница,
к нему благочестием усердствуя,
сию мужества и святости его делами
украшенную раку из первообретеннаго
при Ея благословенной державе серебра
соорудить благоволила
в лето 1752.

По особому предложению благочестивой государыни в 1748 году установ-

лен крестный ход, совершающийся и поныне.

Императрица Екатерина II, верная исполнительница предначертаний Петра Великого, пожелала воздвигнуть в Александро-Невской лавре храм, достойный хранящейся там святыни. Соборный храм во имя Святой Троицы заложен был еще в 1716 году по плану, утвержденному Петром, и окончен в 1753 году, но потом опять был разобран. План нового собора, составленный по повелению Екатерины II архитектором Старовым, удостоился высочайшего утверждения. Наблюдение за постройкой храма императрица возложила на архиепископа Гавриила. Торжество закладки происходило 30 августа 1774 года в присутствии государыни, причем, по обычаю, под алтарем заложена была серебряная доска, украшенная именем Екатерины с обозначением времени основания храма. Вместе с доской положена была часть мощей святого Андрея Первозванного. В 1790 году построение со-

бора было уже окончено, и 30 августа происходило с торжеством истинно царским освящение храма и перенесение мощей святого Александра Невского. Государыня с наследником престола, великим князем Павлом Петровичем, с великими князьями Александром и Константином изволила прибыть в монастырь к 10 часам. Митрополит Гавриил и высочайшие особы немедленно отправились в церковь Благовещения, где покоились мощи святого князя. Шествие с мощами в новый храм совершилось в следующем порядке: впереди крестный ход, в котором с хоругвями, святыми иконами, крестами и Евангелием шло духовенство; далее — духовник государыни нес великокняжеский венец святого князя и архимандрит Юрьева монастыря — жезл Невского. Святые мощи несены были кавалерами ордена святого Александра, а балдахин над мощами поддерживали кавалеры ордена святого Владимира. Государыня шествовала, окруженная кавалергардами в парадной форме, ве-

ликие князья и знатнейшие особы обоюбого пола заключали шествие. Все время непрерывно продолжался колокольный звон. Войска при пушечной пальбе отдавали честь. По внесении святых мощей в новый храм началась Божественная литургия, которую совершал митрополит Гавриил в сослужении архиепископов: псковского Иннокентия и херсонского Евгения Булгара. Во время литургии архимандрит Юрьева монастыря Ириной произнес приличное торжеству слово. После литургии в покоях митрополита происходили обычные поздравления и обед. Особенное значение торжеству придавало празднование в тот же день мира, только что заключенного со шведами в Верельской долине. «Гораздо веселее становлюсь», — писала по этому поводу государыня, и, без сомнения, на торжестве освящения нового храма не раз вспоминалась первая славная победа над шведами.

Благочестивая ревность русских самодержцев не ослабевала и потом, вы-

ражаясь в частых посещениях святой обители и драгоценных приношениях. Император Александр I принес в дар хранящиеся в церкви святого Александра Невского драгоценные перламутровые святцы на весь год, устроенные в виде звезды архангельским унтер-цолнером Верещагиным и поднесенные Петру I, и драгоценный серебряный ковчег с частицами святых мощей. Приведем здесь рассказ о замечательном посещении лавры Александром Павловичем. Митрополит Серафим с братиею встретил государя при колокольном звоне, при свете множества свечей. Поклонившись святым мощам и посетив владыку, государь направился в келью схимонаха Алексия. Там у одной стены, по левую сторону, находилось большое распятие с предстоящими кресту Богоматерью и апостолом Иоанном. Перед святыней горела лампада, тускло освещающая келью схимника. У противоположной стены стояла длинная деревянная скамейка. При входе государя схимник пропел тропарь:

«Спаси, Господи, люди твоя...» — приглашая государя помолиться. Государь положил три поклона. Схимник прочел отпуст и благословил высокого посетителя. Государь и митрополит присели на скамейку.

— Все ли здесь имущество его? Где же он спит? Я не вижу постели, — спрашивал государь.

— Спит он на том же полу, где и молится перед распятием, — отвечал митрополит.

Прислушавшись к разговору, схимник попросил позволения показать свое ложе. За перегородкой стоял черный гроб, покрытый черным покрывалом. Здесь же находились схима, свечи, ладан и все, что нужно для погребения.

— Вот постель моя, и не моя только, а и всех нас! — сказал схимник. — В ней мы все, государь, ляжем и будем спать долго-долго.

Государь хотел проститься со схимником.

— Государь, — обратился он к своему высокому гостю, — соблаговоли

выслушать меня! Я человек старый и много видел на своем веку. Помню я великую чуму в Москве. До этого великого бедствия нравы были чище, народ — набожнее. Потом стало хуже. В 1812 году, в годину испытания, настало было время покаяния и исправления, но потом стало еще хуже, нравы еще более испортились. Ты — государь наш и должен бдеть над нравами. Ты — сын Православной Церкви и должен любить и охранять ее...

Государь внимательно выслушал речь схимника.

— Жалею, что давно с тобой не познакомился, — произнес государь, прощаясь со старцем.

— Я слышал много длинных и красно составленных речей, — промолвил государь, обращаясь к митрополиту, — но ни одна мне так не понравилась, как краткие слова старца.

Вскоре благочестивого государя не стало.

Император Николай Павлович после славной войны за освобождение еди-

новерной Греции от турецкого ига принес в дар обители ключ Адрианополя (1829 год, 29 августа), помещенный на столбе в металлической раме.

Александр Николаевич, незабвенный благодетель русского народа, принес в дар обители помещенную перед ракою святого князя серебряную позолоченную лампаду. Сам он имел трогательное обыкновение приходить в обитель для уединенной смиренной молитвы у гробницы святого Александра Невского в субботу первой недели Великого поста, после принятия святых Тайн.

Три благороднейших монарха Русской земли украсились именем святого Александра Невского. Да вселит Господь почивших в Бозе в Своих небесных обителях вместе с тезоименитым благоверным князем Александром Невским для нескончаемых радостей вечной жизни! Да ниспошлет Свое благословение и долгие годы благочестивейшему Государю Императору Александру Александровичу, да дарует Ему успех во всех

Его благих начинаниях, да избавит Его от всех скорбей, на радость и счастье всего русского народа, молитвами заступника земли Русской святого Александра Невского!

ЛР № 065821 от 15.04.98.
Подписано в печать 10.01.06. Формат 70х100 %/
Печать офсетная. Бумага газетная.
Объем 16,5 п. л. Усл. печ. л. 20,64.
Гарнитура «Ньютон». Тираж 10 000 экз.

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

**Оптовая и розничная
книжная торговля**

Москва: (495)689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО типографии «Молодая гвардия».
127994, Москва, Сушевская, 21.
Заказ №63152

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ